

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLVI, 1894 г. Іюль, Августъ и Сентябрь.

СТР.

- I. ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО. 1—9, 176—186 . . . 396—414
- II. ЯРЕМА. (Разсказъ изъ запорожской жизни) А. Добровольскаго. (Окончаніе) 10—31 152—175
- III. ЮЖНО-РУССКІЯ ИНТЕРМЕДИИ ИЗЪ ПОЛЬСКОЙ ДРАМЫ «СOMUNIA DUCHOWNA Ss. BORYSA Y HLEBA». Сообщилъ М. Марковскій. 32—45
- IV. НѢСКОЛЬКО СТРАНИЧЕКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. Зосима Недоборовскаго. 46—60
- V. ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО. (Окончаніе). 61—78, 133—151 326—353
- VI. АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ. Н. Ракитина. 79—99, 207—229. 354—379
- VII. ОЧЕРКИ ИСТОРИИ ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ ПО I. РОЛЛЕ А. Ефименко 187—206 293—325
- VIII. «ПОПОКЪ» Повѣсть изъ быта донскихъ малороссовъ. Б. Познанскаго. (Продолженіе). 230—254 380—395

- IX. ВОСПОМИНАНІЯ-КАРТИНКИ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 г. **Р. Семенцовою**. 255—267
- X. **БОГУСЛАВСКОЕ ДУХОВНОЕ УЧИЛИЩЕ**. (По школьнымъ воспоминаніямъ). **П. Клебановскаго**. 415—433
- XI. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ отношеній печерской лавры къ кievской митрополіи въ XVIII в. **А. Л.** б) Одянь изъ фактовъ утраты памятникоевъ малорусской старины. **А. Л.** в) Дѣятельность «шаритокъ» въ Житомирѣ. **Н. Л.** г) Болгары колонисты въ с. Борщаговкѣ. **А. А.** д) Къ характеристикѣ московскихъ «ратныхъ людей», служившихъ въ малороссійскихъ городахъ. **Н. Б.** е) Шуточная народная пѣсня. **В. Храневича.** ж) Два неизданныя малорусскія стихотворенія **Е. П. Рудыковского.** **В. Щербины.** з) Челобитная митрополита Киевскаго Варлаама Ясинскаго о безпокойствѣ, причиняемомъ Софійскому монастырю близостью дворовъ, населенныхъ военными людьми. и) Къ юбилею украинскаго философа Григорія Саввича Сковороды. **Д. Багалъя.** і) Къ исторіи Киево-Печерской Лаврской типографіи. **И. Наманина.** к) Къ исторіи малорусскихъ фамильныхъ прозваній. **В. Щербины.** л) Инструкція для кievской духовной академіи 1763 года. (Кievскія Епархіальныя Вѣдомости 1893 года, № 19. 20). **Ө. Титова.** м) Къ исторіи пьянства въ Малороссіи. Сообщишь **А. Ковалевскій.** н) Лирникъ Евдокимъ Мыкитовичъ Мокровизъ. **А. Малинки.** о) Пререканіе кievскаго магистрата съ губернской канцеляріей по поводу квартирной повинности въ 1759 году. **А. А.** п) Нѣсколько словъ о колядкахъ. **В. Штепенна.** р) Выходецъ изъ полоу Василій Виоленскій. **Н. Б.** с) Цѣны на суква, матеріи, сафьянъ, жемчугъ и проч. въ г. Стародубѣ въ началѣ XVIII вѣка. **Ө. Николайчина.** т) Завѣщаніе Тимооея Щербатцакаго митрополита Киевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи. **Д. А. Синицакаго.** у) Погребеніе на саянъ. **Д. А. Синицакаго.** ф) Неизданныя

стихотворенія К. Думитрашка. **М. Комарова.** х) Замятка о рукописахъ Г. С. Сковороды. **Д. И. Багалтя.** 100—123, 268—288 434—463

- ХП. БИБЛЮГРАФІЯ. а) М. Bobzyński i St. Smolka. Jan Długosz, jego życie i stanowisko w piśmiennictwie Kraków, 1893. (М. Бобжинскій и Ст. Смолька. Янъ Длугошъ, его жизнь и положеніе въ письменности). Стр. VII+336, in—4. **Н. М.** б) Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранныя въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздахъ херсонской губерніи В. Н. Ястребовымъ. **Х. Я.** в) Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ А. Анненской изд. Павленкова. **Х. Я.** г) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа, выпускъ 15 и 16. д) Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Павленкова. Т. Г. Шевченко, его жизнь и литературная дѣятельность. Біографическій очеркъ В. И. Яковенко. **А. Л—наго.** е) 1) Адресъ-календарь и справочная книжка Полтавской губерніи на 1894 г. 2) Календарь Черниговской губерніи на 1894 г. 3) Черниговская памятка. Карманная справочная книжка на 1894 г. **А. Р.** ж) «Двадцать пять лѣтъ дѣятельности земства въ Полтавской губерніи, съ 1866 по 1892 г. краткій очеркъ. Изданіе Полтавскаго Сельско-хозяйственнаго общества». **Л. С. Л.** з) Хронологическій указатель указовъ и правительственныхъ распоряженій по губерніямъ Западной Россіи, Бѣлороссіи и Малороссіи, за 240 лѣтъ, съ 1652 по 1892 годъ. Составилъ и издалъ С. Ф. Рубинштейнъ. **А. Л.** и) Описаніе ризницы и бібліотеки Черниговскаго Архіерейскаго дома. Изданіе братства св. Михаила, князя Черниговскаго. Дмитрія Козминскаго. **А. Л.** і) Каменскій святоуспенскій женскій монастырь и его святыня. (Протоіерея Іоанна Платонова). **А. Л.** к) Харьковскій Сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Харьковскому Календарю» на 1894 г. подъ редакціей члена-секретаря В. В. Иванова.

Издание Харьковского Губернскаго Статистическаго Комитета.

Н. В. л) Журнальное обозрѣніе за 1-ую половину 1894 г.

124—132, 289—292 461—472

XIII. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова
Марковича (289—336).

2) Словарь малорусской старины (1—36).

ОБЪЯВЛЕНІЯ. 1—8



ВОСПОМИНАНІЯ М. К. ЧАЛАГО ¹⁾

Екскурсія въ область искусства.

Черезъ рядъ вѣковъ художникъ подаетъ
Путеводительную руку:
Искусство образецъ высокій въ немъ найдетъ,
Потомство обрѣтетъ науку.

Гете.

Сближеніе съ Грузинскимъ и чехомъ Навотнимъ значительно подвинуло впередъ мое эстетическое образованіе. Предаваясь подъ ихъ вліяніемъ изученію искусствъ, я пополнилъ весьма важный пробѣлъ въ прибрѣтенныхъ мною въ университетѣ познаніяхъ. Специалисты въ музыкѣ и страстные любители всего изящнаго, оба мои пріятеля обладали солидными свѣдѣніями по теоріи и исторіи искусствъ. Счастливецъ Грузинскій, имѣя полную возможность читать въ подлинникѣ творенія великихъ поэтовъ Германіи, Франціи и Италіи, проштудировалъ и лучшія сочиненія объ искусствѣ нѣмецкихъ эстетиковъ. Навотній много путешествовалъ по Европѣ и познакомился съ художественными памятниками, какъ древняго, такъ и новаго міра, изучая ихъ не по книгамъ, а въ галлерейхъ и храмахъ, и такимъ способомъ прибрѣлъ основательныя познанія въ архитектурѣ, живописи и скульптурѣ. Не смогря на свои 50 лѣтъ, онъ не утратилъ способности восхищаться прекраснымъ и передавать свои впечатлѣнія съ истинно-юношескимъ жаромъ, выражая свои восторги частію по-нѣмецки, частію по-

¹⁾ См. „Кіевская Старина“ 1894 г. № 6.

польски, съ примѣсю родного своего языка. Мы часто сходились по вечерамъ, и наши дружескія бесѣды иногда дотягивались за полночь. Къ нашему кружку присоединился было еще одинъ любитель прекраснаго, даровитый проповѣдникъ ксендзь Остаповичъ, но такъ какъ произведеніямъ искусства онъ предпочиталъ пластику живой красоты, то скоро и отсталъ отъ насъ.

Въ самый разгаръ нашихъ восторженныхъ бесѣдъ по мѣстечку пронесся слухъ, что, по приглашенію графа, возвращаясь изъ своей артистической поѣздки по Россіи, къ намъ заѣдетъ великій піанистъ Листъ. О концертахъ, данныхъ имъ въ обѣихъ русскихъ столицахъ, а также въ Одессѣ, Елисаветградѣ и Кіевѣ въ свое время было писано довольно, а о пребываніи виртуоза въ Немировѣ нигдѣ не было сказано, и потому я считаю не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Первое достовѣрное извѣстіе объ этомъ неожиданномъ и радостномъ для насъ событіи сообщилъ пасторъ Брадмюллеръ:

— *Mirabile dictu!* воскликнулъ онъ при встрѣчѣ съ Грудзинскимъ: великій Листъ въ нашемъ маленькомъ мѣстечкѣ дастъ концертъ.

И въ самомъ дѣлѣ, можно ли было ожидать, чтобы нашъ протухлый чесночнымъ запахомъ Немировъ удостоился такой великой чести? Обитатели большихъ городовъ не въ состояніи понять того всеобщаго увлеченія, какимъ была объята интеллигенція нашего захолустья. Чтобы ощутить тотъ восторгъ, какимъ обуяла нашъ умъ невѣроятная новость о пріѣздѣ въ Немировъ перваго піаниста въ свѣтѣ—нужно испытать на опытѣ всю пошлость, всю пустоту нашего прозябанья въ мѣстечкѣ, гдѣ, кромѣ жидовскихъ гешефтовъ и карточной игры по вечерамъ, не жди ничего, заслуживающаго вниманія мыслящаго человѣка.

Еще задолго до прибытія Листа, оповѣщенные объ этомъ событіи паны стали съѣзжаться чуть ли не со всѣхъ трехъ юго-западныхъ губерній. Съѣздъ былъ такъ великъ, что въ Немировѣ нехватило помѣщеній; жили въ крестьянскихъ хатахъ въ предмѣстіи и въ жидовскихъ домахъ. Больше всѣхъ волновался

энтузіастъ ксендзъ пробошчъ. Прочитавъ въ Петербургской газетѣ статью объ игрѣ Листа, гдѣ было между прочимъ сказано, что виртуозъ игралъ на двухъ рояляхъ, онъ пошелъ вездѣ трубить о такомъ неслыханномъ искусствѣ чародѣя. При входѣ въ концертный залъ, онъ дѣйствительно усмотрѣлъ два фортепіана, но обращенные клавиатурой въ разныя стороны—и патеръ сильно сконфузился.

Въ ожиданіи прибытія артиста, мы перерыли всѣ газеты, ища вездѣ отзывовъ о концертахъ, данныхъ имъ въ разныхъ городахъ Россіи и за границей.

„Счастливы мы, что живемъ въ 1842 году, писалъ за четыре года предъ тѣмъ нашъ русскій композиторъ Сѣровъ послѣ концерта Листа въ Петербургѣ: такого чуднаго явленія свѣтъ до нынѣ не видалъ еще, и много опять пройдетъ вѣковъ, пока явится что-нибудь подобное“.

„Мы слышали не фортепіано, мы слышали самую душу Листа, одну изъ глубочайшихъ душъ человѣческихъ, писалъ московскій профессоръ Кудрявцевъ: оттого можетъ быть и дѣйствіе его игры такъ раздражительно, такъ электрически дѣйствуетъ на нервы“.

По словамъ музыкальнаго критика Стасова, „мы никогда еще не встрѣчались съ такой геніальностію, съ такою страшною демоническою натурой, то носившеюся ураганомъ, то разливавшееся потоками нѣжной красоты и граціи“.

Послѣ такихъ восторженныхъ отзывовъ о геніальной игрѣ Листа, болѣе чѣмъ странно было встрѣтить въ печати критику на его послѣдній въ Кіевѣ концертъ въ томъ же 1847 году, предъ прїѣздомъ въ Немировъ, нѣкоего Н. Р—на: едва ли это не единственный зонлъ между музыкальными критиками въ Россіи и за границей.

Что касается моихъ впечатлѣній, вынесенныхъ мною изъ концерта Листа, то я бы, конечно, не былъ въ состояніи черезъ 40 слишкомъ лѣтъ воспроизвести ихъ, если бы у меня случайно не уцѣлѣлъ отрывокъ изъ письма къ одному пріятелю:

„Листъ давно уѣхалъ, а въ душѣ моей до сихъ поръ не умолкаютъ волшебные звуки его вдохновенной игры. Воображенію

не перестаетъ являться образъ величественной фигуры маэстро, его выразительное лицо, то мрачное и грозное, какъ гремучіе аккорды „Erlkönig'a, то вдохновенно сіяющее и умильное, какъ мелодіи Бетховена и Шуберта, то таинственно-безумное, какъ бѣшенныя мотивы „Донъ-Жуана“ „Соннамбулы“, то весело простодушное и веселое, какъ „Ave Maria“ и „Серенада“ Мнѣ все чудится, что это мимолетное явленіе въ моей жизни было какимъ-то волшебнымъ сномъ, унесшимъ меня въ иной, лучшій міръ. Никогда въ жизни не испытывалъ я такого высокаго наслажденія: словно слышалась несущаяся съ яснаго неба ангельская пѣснь, какая, быть можетъ, никогда не раздавалась съ такою полнотою и совершенствомъ въ нашей земной юдоли: я первый разъ въ жизни лицомъ къ лицу видѣлъ генія—вѣнецъ человѣческаго бытія....

„ Да, гениальная музыка Листа проникла въ самые сокровенные изгибы сердца, потрясла все существо мое. Отчего изъ слышанныхъ мною въ разное время артистовъ ни одинъ не взволновалъ такъ сильно души, не сталъ надолго предметомъ немолчной бесѣды, между тѣмъ какъ объ игрѣ Листа—говорить и не наговориться со всякимъ, кто сочувствуетъ прекрасному? Анализируя свое душевное настроеніе, я не иначе объясняю его, какъ въ діалогѣ Платона Сократъ объясняетъ рапсоду Іону, не могшему понять, отчего онъ ни о комъ изъ поэтовъ не въ состояніи говорить такъ много, какъ о Гомерѣ? „Это потому. Іонъ, поучаетъ Сократъ, что ты говоришь о Гомерѣ по вдохновенію, отъ самого же Гомера истекающему; если бы ты говорилъ о немъ по наукѣ, то могъ бы и о другихъ говорить съ одинаковымъ искусствомъ: муза посылаетъ истиннымъ поэтамъ вдохновеніе, сообщаемое ими другимъ, и такъ составляется цѣпь людей вдохновенныхъ“.

Такъ объясняетъ divinus Plato устами своего учителя тайну могучаго дѣйствія гениальнаго поэта на людей, которымъ бессмертные боги отказали въ творческой силѣ, но не лишили способности воспринимать впечатлѣнія чрезъ посредство своихъ избранниковъ, являющихся къ намъ вѣками изъ другого міра.

Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье

Въ насъ, чадахъ праха, послѣ улетѣть.

Пушкинъ.

Къ послѣднему приѣзду Листа въ Кіевъ относится характерный анекдотъ. Какой-то дюжинный нѣмецкій скрипачъ, от-

правляясь въ Кіевъ на контракты, завернулъ въ Немировъ и вздумалъ дать концертъ, но его пришли послушать всего три человѣка: Грузинскій, Навотній и я, и то лишь потому—что получили отъ него даровые билеты. Не смутившись такой неудачей, никому неизвѣстный скрипачъ дерзнулъ дать концертъ въ Кіевѣ: нанята была контрактная зала, напечатаны афиши, зажжены свѣчи, но увѣ! на концертъ явился одинъ Листъ, по приглашенію самого скрипача. Изъ состраданія къ нѣмцу, великій піанистъ пригласилъ его къ себѣ и заставилъ играть въ присутствіи своихъ гостей; затѣмъ, выбросивъ на поднось сто-рублевую ассигнацію, любезный хозяинъ обошолъ вельможныхъ пановъ и собралъ отъ нихъ порядочную сумму въ пользу артиста. Вручая ему деньги, онъ посовѣтовалъ ему никогда больше не давать концертовъ.

Извѣстно, что Листъ, выручая за свои концерты громаднаыя суммы, въ тотъ же день проигрывалъ ихъ въ карты. Въ Кіевѣ отъ него не мало поживился студентъ Котюжинскій, а въ Немировѣ какой то сіятельный шулеръ. Деньгами онъ не дорожилъ нисколько. Въ этомъ отношеніи геніальный піанистъ составлялъ совершенный контрастъ другому геніальному виртуозу-скрипачу Паганини, который послѣ каждаго концерта собиралъ свѣчные огарки и морилъ себя голодомъ.

Какъ плодъ моихъ занятій теоріей и исторіей искусствъ, была написанная мною для произнесенія на торжественномъ актѣ рѣчь „О важности эстетическаго образованія въ общественномъ воспитаніи юношества“. Содержаніе этой рѣчи еще болѣе убѣдило Зимовскаго въ непогрѣшимости составленнаго имъ обо мнѣ мнѣнія, какъ о неисправимомъ идеалистѣ-романтикѣ. Когда я прочелъ ее въ совѣтѣ и передалъ рукопись председателю, то Е. Я.—чь поднесъ ее къ носу, понюхалъ и сказалъ:— „Небомъ пахнетъ“!

Такъ въ 1821 году извѣстный обскурантъ Руничъ, глумясь надъ лекціями профессоровъ Раупаха, Германа и Арсеньева, зажавши носъ, предложилъ членамъ конференціи понюхать ихъ

записки. Тѣмъ не менѣе рѣчь моя послана въ округъ и признана „вполнѣ достойною быть произнесенною на актѣ“. Н. Т. Костырѣ, въ пику нашему обскуранту, написалъ цѣлую рецензію съ весьма лестнымъ отзывомъ о моемъ трудѣ. Хотя съ перемѣной литературныхъ взглядовъ, рѣчь моя не удовлетворитъ современнымъ возрѣніямъ критики на назначеніе искусства, но мнѣ кажется, что высказанныя мною въ ней мысли о важности эстетическаго элемента въ дѣлѣ воспитанія не лишены значенія и для настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, какъ протестъ противъ господствующаго нынѣ направленія въ общественномъ воспитаніи юношества. Выражаясь стихомъ Лермонтова, „мы засушили умъ наукою безплодною“, оставляя въ пренебреженіи другія силы духа, также требующія соотвѣтственной имъ лица. Упражня классической гимнастикой одну память изученіемъ сухихъ формъ древнихъ языковъ, мы еще такъ недавно пренебрегали образованіемъ сердца и развитіемъ эстетическаго вкуса, не оставивъ въ программахъ достаточно мѣста для занятій изящными искусствами и словесностію: два часа въ недѣлю, опредѣлявшіеся уставомъ 1871 года на изученіе такого важнаго предмета, какъ Словесность, лишали преподавателя возможности основательно заняться съ учениками его изученіемъ, а потому они и выходили изъ гимназій круглыми невѣждами въ русской литературѣ, не говоря уже о литературахъ иностранныхъ, и не получивъ твердыхъ основаній, извращали свой вкусъ чтеніемъ книгъ, случайно попавшихъ имъ въ руки.

Рѣчь моя не лишена нѣкотораго значенія еще въ одномъ отношеніи, именно: какъ продуктъ теоріи 40-хъ годовъ, истолкователемъ и поборникомъ которой былъ нѣкоторое время нашъ знаменитый критикъ Бѣлинскій, отвергавшій въ чисто художественныхъ произведеніяхъ чуждыя искусству цѣли—тенденціозность. Взглядъ Бѣлинскаго на значеніе искусства, долженствующаго служить само себѣ цѣлью (искусство для искусства), путемъ журналистики усвоенъ цѣлымъ поколѣніемъ людей 40-хъ годовъ. Проникнутый до мозга костей этими взглядами, я не могъ не написать такой рѣчи, которая бы „не пахла небомъ“.

Въ 1846 году, какъ извѣстно, по мысли профессора Костомарова въ Кіевѣ возникло Кирилло-Меѳодіевское братство... Въ то же самое время люди съ научнымъ направлениемъ, не будучи его членами и даже не подозрѣвая о его существованіи, но увлеченные общимъ пробужденіемъ славянскихъ народностей и движимые любовью къ своему родному, усердно стали заниматься изученіемъ исторіи и языковъ славянскаго корня, какъ наукою, и если нѣкоторые изъ нихъ сближались съ членами Кирилло-Меѳодіевскаго братства, то единственно по случайному знакомству съ ними, по однородности ученыхъ занятій, безъ всякаго отношенія къ политическимъ тенденціямъ, если таковыя существовали. Къ такого рода любителямъ родной старины въ оное время принадлежалъ и я.

Плодами моихъ занятій въ этомъ направленіи были немногія монографіи по исторіи Малороссіи, не попавшія однакожь въ печать и уничтоженныя, страха ради Гудейска, да нѣскольکو стихотвореній, навѣянныхъ чтеніемъ лѣтописей, думъ и пѣсень.

Весь 1846/47 учебный годъ былъ мною посвященъ изученію искусствъ и поэзіи. Я забылъ всѣ дрязги обыденной жизни, полной низкихъ интригъ, сплетень, ненужной жестокости, произвола и самодурства: мнѣ стали менѣ чувствительны эти поминутные булавочные уколы, которыми съ ядовитымъ ехидствомъ не переставалъ уязвлять меня неутомимый антагонистъ мой.

Около этого времени на страницахъ „Современника“ появилось одно изъ раннихъ произведеній послѣдняго Могикана нашей беллетристики 40-хъ годовъ—„Обыкновенная исторія“.

Въ романѣ этомъ Гончаровъ задался цѣлю изобразить два контраста: человѣка положительнаго, руководящагося опытомъ, и юношу—идеалиста, едва вступившаго въ жизнь и принимающаго мечту за дѣйствительность. Одинъ дѣйствуетъ по расчетамъ ума, другой по влеченію сердца: одинъ поступаетъ умно, по строго обдуманному плану, другой не хочетъ знать никакой логики и дѣлаетъ одни глупости.

Съ первыхъ же главъ романа Е. Я—чѣ отъ души полюбилъ своего двойника, дядюшку Петра Ивановича, и сталъ каж-

дому встрѣчному прославлять практическій умъ его, умѣнье наживать деньгу: въ племянникѣ же его Сашѣ Адуевѣ, пріѣхавшемъ въ столицу дѣлать карьеру, онъ видѣлъ лишь пустого мечтателя, находя въ немъ большое сходство со мною. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ заводилъ со мною рѣчь о романѣ Гончарова и весьма не тонкими намеками, издѣваясь надъ увлеченіями Адуева младшаго, старался выставить мою личность въ смѣшномъ видѣ, на потѣху своимъ креатурамъ. Между тѣмъ герой „Обыкновенной исторіи“ продолжалъ свои романическія похождения, пока не перебѣсилъ, и вотъ получается Н „Современника“ съ послѣдними главами романа, изъ которыхъ Зимовской узнаетъ, что двойникъ его Петръ Ивановичъ съ своей практической житейской мудростью остался въ дуракахъ, а мечтатель и племянникъ, заплативъ долгъ юности, не только пересталъ нуждаться въ наставленіяхъ своего ментора, но и самъ могъ научить его кой-чему. Директоръ сконфузился и пересталъ мнѣ надобдывать своими остротами..

Обнаруженіе Кирилло-Меоодіевскаго братства повлекло за собой увольненіе попечителя Траскина. Въ дополненіе къ тому, что сказано мною прежде о дѣятельности этого безпримѣрнаго администратора ¹⁾, я считаю не лишнимъ, для болѣе полной характеристики лица, коснуться его служебной карьеры до назначенія попечителемъ.

По выходѣ изъ военной академіи, А. С. Траскинъ провелъ первоначальную свою службу въ военномъ министерствѣ. Съ молодыхъ лѣтъ онъ отличался чудовищной толщиной; лукулловскій столъ, вино и женщины составляли главную задачу его жизни. Серьезнаго образованія онъ не имѣлъ; свѣтскій лоскъ, буфонство и французскій языкъ сдѣлали его домашнимъ членомъ въ семействѣ военнаго министра Чернышева, который женилъ толстяка на красавицѣ—побочной дочери кн. Куракина, но она скоро умерла. Въ 1842 году, въ чинѣ полковника, Траскинъ назначенъ начальникомъ штаба на Кавказъ, но такъ какъ комплекція его не переносила тамошняго климата, то онъ

просилъ министра о переводѣ въ болѣе умѣренную полосу, и вотъ Александръ Семеновичъ—попечитель Кіевскаго учебнаго округа, къ великому неудовольствію Бибикова, который еще раньше задался цѣлію соединить въ своей особѣ управленіе учебнымъ округомъ съ генераль-губернаторствомъ. Такъ, еще въ 1845 году, сдавъ кн. Давыдова въ сенатъ, онъ рассчитывалъ получить желаемое, но министру Уварову на сей разъ удалось отстоять обычный порядокъ управленія учебнымъ округомъ черезъ попечителя, на постъ котораго, по протекціи Чернышева и назначенъ генераль-маіоръ Траскинъ.

Но по увольненіи его, управленіе округомъ перешло, наконецъ, къ начальнику края Д. Г. Бибикову. Случилось это въ 1848 году, памятномъ не для одной Россіи...

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ См. „Кіев. Стар.“ 1883 г. № 2.

ЯРЕМА.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ЗАПОРОЖСКОЙ ЖИЗНИ).

Широкая, безбрежная степь. Куда ни кинуть взоромъ, всюду безпредѣльное волнующееся море высокой травы. Нигдѣ ни одного деревца, ни одной возвышающейся точки; только на далекомъ исчезающемъ горизонтѣ одиноко поднимаются курганы своими зелеными куполами, едва замѣтными на безконечномъ, вольномъ просторѣ полей. Косые лучи заходящаго солнца лѣниво освѣщаютъ роскошную картину дѣвственной степи, постепенно замирающей отъ полныхъ и разнообразныхъ звуковъ дневной жизни. Едва доносится легкое серебристое трепеганіе жаворонка изъ глубины темнѣющаго голубого неба. Солнце опускается все ниже и ниже; вотъ ужъ край его пылающаго диска погружается въ темно-зеленыя волны травы; краснымъ заревомъ загорѣвшійся небосклонъ гаснетъ,—и степь начинаетъ засыпать.

Направляясь прямо черезъ степь, ѣдутъ два всадника. Крѣпкіе и легкіе татарскіе кони ихъ быстро подвигаются впередъ, изрѣдка нарушая тишину сонной степи веселымъ своимъ фырканиемъ. Но вотъ, почувявъ близость дикаго звѣря, насторожило уши умное животное, захрапѣло вдругъ и метнулось въ сторону; раздается въ воздухѣ свистъ казацкой нагайки,—и опять слышится мѣрный и бодрый топотъ успокоившагося коня. Всадники ѣдутъ молча. По костюму и наружности сразу можно узнать въ нихъ запорожцевъ. Алаго сукна жупаны, перетянутые

поясами, на которыхъ висятъ короткія козацкія люльки; какъ козацкая воля, широкіе шаровары; съ отчаянной смѣлостью взбитыя на бокъ высокія шапки съ краснымъ аксамитнымъ верхомъ; блестящіе мушкеты за плечами и сабли на боку, накопецъ, смѣлыя, загорѣвшія лица съ слѣдами рубцовъ отъ ранъ, и длинныя чубы, выбивавшіеся изъ-подъ шапокъ,—показывали, что это были истые сыны свободной и безпокойной сѣчи, дерзкими своими набѣгами приводившіе въ трепетъ не только степныхъ хищниковъ — татаръ, но и самого повелителя правовѣрныхъ.

Весело и безопасно ѣдетъ Ярема (такъ назывался одинъ изъ путниковъ). Тысячью разноцвѣтныхъ огней играютъ лучи заходящаго солнца на кривой турецкой саблѣ, осыпанной драгоценными камнями, и на такихъ же дорогихъ пистоляхъ, заткнутыхъ за широкій поясъ. Залюбовалась бы козачка, глядя на его высокій да стройный станъ; горячимъ поцѣлуемъ захотѣлось бы ей обжечь его черныя очи, радостнымъ свѣтомъ горѣвшія изъ-подъ взмахомъ очерченныхъ тонкихъ бровей. Счастьемъ и радостью бьется беззаботное козацкое сердце.

— Эй, Иванъ, наконецъ прервалъ угрюмое молчаніе другого козака захотѣвшій поболтать Ярема:—что это ты сегодня глядишь, точно Черное море передъ бурей; чего еще не достаешь твоей козацкой душѣ?... Есть у козака вольная волюшка, вѣрный конь, добрый самопаль да острая сабля,—и гуляй козакъ. Много ли радости нужно козаку! Иль можетъ быть у тебя спина почесывается? Можетъ быть, тяжкой думой лежитъ у тебя на сердцѣ сотня добрыхъ батьковскихъ кievъ?

Иванъ, къ которому были обращены эти слова, приземистый некрасивый козакъ, но сильный и крѣпкій, точно скованный изъ стальныхъ мускуловъ, сердито посмотрѣлъ на себе-сѣдника.

— Смотри, чтобъ тебя самого не приласкалъ атаманъ лозинной! Не похвалить кошевой, что тайкомъ уѣхали изъ Сѣчи, когда товариство работаетъ надъ челнами, да снаряжаетъ ихъ въ походъ. Не рыцарское дѣло бросать войсковую работу, чтобъ ѣхать гулять съ бабою.

— Такъ зачѣмъ же ты поѣхалъ? Оставался бы въ куренѣ, да сбивалъ бы челны!

— Не затѣмъ я помѣнялся съ тобою крестомъ, чтобы только пить, да гулять съ тобою; гдѣ смерть гуляетъ—тамъ я тебѣ вѣрный товарищъ, и въ степи тебя одного не оставлю. Слушай, Ярема, продолжалъ мягче Иванъ,—не первый разъ тебѣ говорю: брось ты бабу, не доживешь ты съ нею до добра,—погубишь навсегда свою рыцарскую славу. Добрымъ и мягкимъ отеческимъ наставленіемъ звучали эти слова въ устахъ грубаго, посѣдѣвшаго въ битвахъ козака.

Ярема встрепенулся.

— Чорта губатаго тебѣ въ бокъ! Чтобъ я бросилъ Катрю, мою чернооую Катрю! Не брошу я Катрю; не только тебѣ, всему свѣту скажу это—со страстной стремительностью въ голосъ проговорилъ Ярема. Эхъ, Иванъ, Иванъ!—съ грустью продолжалъ онъ: люблю я Катрю всѣмъ моимъ сердцемъ, всею душою, и хуже лютой смерти для меня разлука съ нею.

— Не доля козаку любить, да глядѣть въ черныя дѣвичьи очи—сурово возразилъ Иванъ. Полюбить козакъ—пропадѣтъ козацкая душа. Не гулять ему вольной птицей по степи, да гоняться за татаринимъ, не ходить ему по турецкимъ берегамъ добывать рыцарской славы. Даромъ сгинуть молодыя силы да молодецкая удаль. Обаится козакъ, бросить Сѣчь и пропадетъ для всего міра христіанскаго.

— Не обаится козакъ, коли онъ настоящій рыцарь, не дастъ онъ надъ собою воли бабьей любви и не погубитъ своей рыцарской славы. Бросить Сѣчь, родную козацкую мать! Ишь до чего добрехался старый чортъ! Не бывать тому никогда! Нѣтъ безъ Сѣчи разгульной, широкой воли, да простора молодечеству. Пропадать козаку совсѣмъ безъ Сѣчи. Не брошу я Сѣчи, не брошу и Катри. Если любить она вѣрно козака,—не будетъ корить его козацкой доли.

— А обычаи войсковые, а Бурлай? Узнаетъ старый чорта, что знаешься съ его дочкой, то такъ выдеретъ за чубъ, что и головы своей не найдешь.

— Не боюсь я Бурлая, не хуже его умѣю рубить острой саблей. Товариство? А кто козаку не позволить любить? Козакъ вольная птица—люби кого хочешь. И товарищества не посрамлю. Увезу я Катрю въ такое мѣсто, что и самъ чортъ не узнаеть, куда я её спряталъ. Много у Яремы спрятано золотыхъ цехиновъ, да битыхъ таларовъ,—всё отдасть Катрѣ.

Иванъ недовѣрчиво покачалъ головой.

— Ну, а если Катря не захочетъ покинуть стараго отца, не захочетъ ѣхать съ тобой? спросилъ Иванъ.

— Катря не захочетъ? Да ты, Иванъ, не знаешь Катри; на край свѣта пойдетъ она за мной; плюнетъ она на всѣхъ, и на стараго батьку и на весь свѣтъ плюнетъ, а пойдетъ за мной. У Катри свободная козацкая душа.

— Ну дѣлай, какъ хочешь; повторяю только тебѣ,—не рыцарское ты дѣло затѣваешь, и не будетъ изъ всего этого добра,—вспомнишь мое слово.

— Не ворчи, старый; увидишь Катрусу, самъ тогда скажешь, можно ли бросить и разлюбить чернооую красавицу. Эхъ, скорѣй бы добраться до Черной балки! такъ и рвется сердце къ милой!

Иванъ ничего ни отвѣтилъ и задумался.

Задумался и Ярема. Живо вспомнилось ему, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ увидѣлъ красавицу Катрю, какъ радостно затрепетало при видѣ ея его молодое сердце какимъ то новымъ, неизвѣданнымъ для него чувствомъ, какъ съ перваго взгляда полюбились ему крѣпко ея черныя очи.

Это было годъ тому назадъ. Стояло знойное, горячее лѣто. Пылающее солнце бросало волны распаленнаго воздуха на бездыханную степь. Вездѣ было спокойно. Кругомъ во всей степи не замѣтно ни одной бараньей остроконечной шапки. Орда какъ будто заснула. Лѣнливо посматриваютъ козаки со сторожевыхъ кургановъ на степь, уставши ждать хищныхъ гостей. Но орда не спитъ; провидѣла она, что козаки ушли въ походъ и, какъ хищный звѣрь, притаилась въ ближнихъ балкахъ и лощинахъ, чтобы сразу броситься на добычу. Вдругъ запылали въ темную ночь на сторожевыхъ вышкахъ яркіе огни; зловѣщимъ заревомъ

разлились они по небосклону, извѣщая жителей о появленіи татаръ. Заволновалась степь. Покинули люди неоконченныя работы свои, бросились домой прятать добро и стремительно ринулись въ болѣе спокойныя, безопасныя мѣста.

Быстрѣ вѣтра прорвалась орда черезъ сторожевую козачью цѣпь, дикимъ ураганомъ пронеслась впередъ, всё разрушая и сжигая на своемъ пути; вихремъ закружилась она по степи и широкой, всеокрушающей кровавой волной бурно разлилась по окрестностямъ. Запылали козацкіе хутора и зимовники, раздались кругомъ громкіе крики торжества и отчаянія, надрывающія душу горькія рыданія полонянокъ и стоны раненныхъ. Сотнями гонять съ собою татары черноокихъ красавицъ, связанныхъ арканами; громкимъ ревомъ оглашаетъ степь согнанный татарами козацкій скотъ.

Но не долго пришлось погулять татарамъ; не знали они, что много храбрыхъ рыцарей оставалось еще въ Сѣчи. Не дремлютъ запорожцы; взнуздали они своихъ быстрыхъ коней, мигомъ вскочили на нихъ и вихремъ понеслись догонять татаръ. Не уйти татарамъ отъ бѣды, догоняютъ—ихъ козаки. А тамъ впереди снимаютъ селяне со стѣнъ свои заржавѣвшіе мушкеты и сабли и собираются въ громады, чтобы дать отпоръ дикой ордѣ. Чуютъ татары бѣду, поворачиваютъ своихъ коней назадъ въ улусы. Но крѣпко стоятъ запорожцы; живой стѣной съ острыми саблями въ рукахъ, загородили они дорогу. Бросились татары въ сторону, гдѣ не алѣли козацкія шапки и не сверкали на яркомъ солнцѣ мушкеты. Несется впереди всѣхъ на бѣшеномъ конѣ храбрѣйшій изъ богатырей татарской орды, мурза Челибей. Блеститъ на немъ дорогими каменьями турецкое оружіе и сверкаютъ глаза, какъ у сѣраго волка въ темную ночь. Не отдается живымъ въ полонъ козакамъ храбрый мурза; дороже жизни для него, цѣннѣе всѣхъ богатствъ, награбленныхъ имъ, добыча, которую онъ мчитъ съ собой на конѣ. Поперекъ сѣдла, привязанная ремнями, лежитъ у него съ распущенными пышными черными косами красавица, какихъ не видалъ еще свѣтъ. Въ ханскомъ гаремѣ нѣтъ такой красавицы; краше солнца, лучше гурій для него молодая плѣнница, и теперь онъ только

и думаетъ о томъ, какъ бы унести домой свою драгоценную ношу. Быстрѣ молніи мчится его конь, а за нимъ несется вся орда, посылая тучи стрѣлъ на встрѣчу врагу.

Но хорошо знаютъ козаки татаръ. Спрятали они въ балкѣ, мимо которой должны были возвращаться татары, два храбрѣйшіе куреня. Какъ соколъ, выпущенный на волю, стрѣлой бросается на испуганную, трепещущую птицу, такъ и козаки налетаютъ со всѣхъ сторонъ на убѣгающую орду и гонятъ её на засаду. Сверкаютъ на солнцѣ сабли, трещатъ мушкетные выстрѣлы, и много бритыхъ татарскихъ головъ валяется уже по широкой степи. Недалеко уже татары отъ того мѣста, гдѣ спрятались козаки. Тихо и стройно стоятъ запорожскіе рыцари, чувствуя въ сердцахъ своихъ всю торжественность и важность минуты; тихо шепчутъ уста ихъ молитву о дарованіи побѣды надъ врагомъ христіанской вѣры. Впереди всѣхъ на лихомъ конѣ красуется сѣдоусый атаманъ Ничипоренко. Спокойно его лицо, силою и мужествомъ дышетъ весь онъ, и только изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей недобрымъ огнемъ горятъ его грозныя очи. Прислушивается атаманъ; вотъ опытное ухо его всё ближе и ближе слышитъ быстрый топотъ татарскихъ коней; вотъ еще одна минута—блеснула на солнцѣ атаманская сабля, и, какъ одинъ человѣкъ, быстрѣ птицы, вынеслись козаки изъ засады. Какъ дикій звѣрь, испуганный внезапнымъ нападеніемъ врага, бросается въ сторону, такъ орда, застонавшая отъ неожиданности и страха, метнулась отъ козаковъ. Стонетъ земля отъ топота нѣсколькихъ тысячъ коней. Несется впереди всѣхъ Каневскій курень во главѣ съ своимъ свирѣпымъ атаманомъ Ничипоренкомъ. Не отстаетъ отъ атамана Ярема; огнемъ горитъ въ немъ козацкая кровь, молніей сверкаютъ его черныя очи,—много будетъ работы козацкой саблѣ!

Устали татарскіе кони; всё ближе и ближе козаки. Вотъ еще нѣсколько мгновеній—и, подобно неудержимой волнѣ бушующаго моря, ударились козаки со всего размаху о татарскую силу. Завыли татары отъ бѣшенства; быстро ихъ окружаютъ козаки; сильнѣе полилась бусурманская кровь.

Ярема еще издали замѣтилъ скакавшаго впереди всѣхъ съ нѣсколькими татарами мурзу и слѣдилъ за нимъ жадными глазами. Онъ узналъ въ немъ того витязя, который два года тому назадъ во время набѣга, изрубивъ нѣсколькихъ налетѣвшихъ на него козаковъ, ловко ускользнулъ отъ него самого, нанеся ему саблей двѣ раны по головѣ. Не стерпѣло обиды козацкое сердце, кипитъ въ немъ горячая, молодая кровь; хочется ему еще разъ помѣриться силами съ татарскимъ богатыремъ и отомстить ему за обиду. Не сводитъ съ него Ярема глазъ; видитъ онъ—выхватилъ мурза саблю, взялъ въ зубы острый кинжалъ и, озираясь по сторонамъ своими узкими глазами, бьетъ нагайкой уставшаго коня. Всё ближе и ближе къ нему Ярема. Но набѣжали съ другой стороны козаки, и исчезъ среди нихъ Челибей.

Видитъ онъ только, какъ извивается его кривая сабля, и быстро рѣдѣетъ около него толпа козаковъ. Прошло нѣсколько мгновеній. Не выдержали козаки; прорвался Челибей сквозь козацкія сабли и быстро понесся одинъ по степи. Взмахнулъ Ярема нагайкой и быстрѣе птицы полетѣлъ за мурзой. Оборачивается татаринъ, почуявъ погоню, и злобно сверкаетъ глазами на Ярему. Ближе и ближе Ярема; слышитъ онъ уже тяжелое дыханіе уставшаго коня; еще нѣсколько мгновеній—и Ярема почти поровнялся съ мурзой. Вотъ онъ ужъ заноситъ свою саблю; но не дремлетъ татаринъ: круто поворачивается онъ на сѣдлѣ, молніей взмахиваетъ своей кривой саблей,—и не увидѣлъ бы больше Ярема Божьяго свѣта, если бы, почувствовавъ опасность, не пригнулся весь къ сѣдлу. Свиснула по воздуху татарская сабля, и съ размаху понагнулся въ сѣдлѣ Челибей. Въ одно мгновеніе ока выпрямился на сѣдлѣ Ярема, и не успѣлъ Челибей поднять руки, чтобы отразить смертельный ударъ, какъ буйная голова его отдѣлилась отъ тѣла. Горестнымъ и яростнымъ воплемъ тысячи голосовъ огласилась степь; видѣли татары смерть своего любимаго богатыря и, не думая уже больше о спасеніи награбленной ими добычи, бросились по степи въ различныя стороны, спасая свою собственную жизнь. Разсыпались за ними и козаки, добывая отставшихъ хищниковъ.

Убивъ Челибея, Ярема сейчасъ же остановилъ его коня, разрѣзалъ кинжаломъ ремни, связывавшіе лежавшую безъ движенія дѣвушку, и бережно положилъ её на землю. Вспыхнуло его лицо, забилося его сердце при видѣ пышной красы лежавшей передъ нимъ дѣвушки. До сихъ поръ не встрѣчалъ онъ такой красавицы, до сихъ поръ не видѣлъ онъ такихъ чудныхъ черныхъ очей.

Дѣвушка продолжала лежать неподвижно. Отвязалъ Ярема деревянную баклагу отъ сѣдла, брызнулъ водой въ лицо освобожденной плѣнницы; медленно открыла глаза красавица. Радостной надеждой заискрились ея черныя, какъ темная ночь, очи, при видѣ стоявшаго передъ ней красиваго козака, и неизяснимой прелести тихая улыбка благодарности, мягкимъ свѣтомъ загорѣвшаяся на ея блѣдныхъ устахъ, была наградой за любовавшемуся ею спасителю. Быстро оправилась дѣвушка отъ испуга и черезъ нѣсколько минутъ уже рассказывала Яремѣ, какъ набѣжала татарва на зимовникъ отца ея, стараго запорожца Бурлая, уѣхавшаго по своимъ дѣламъ въ Украину, какъ перебили наймитовъ, храбро встрѣтившихъ ихъ съ мушкетами въ рукахъ, какъ разорили хату, а её, связавши крѣпко, увели къ тому самому татарину, который лежитъ теперь убитый. Видѣла она, какъ стремительно кинулись козаки на татаръ; бросилъ её на коня татаринъ, прикрутилъ её крѣпко ремнями къ сѣдлу и помчался съ нею по степи,—тутъ она потеряла память.

Узналъ Ярема, что зовутъ её Катрей, что она единственная дочь у покинувшаго Сѣчь бывшаго запорожскаго козака Бурлая, живущаго въ своемъ зимовникѣ недалеко отъ этого мѣста, въ Черной Балкѣ.

Въ степи стало спокойно; далеко уже, едва замѣтными точками мелькали татарскія и козацкія шапки. Ярема рѣшилъ отвезти дѣвушку домой. Снявши съ Челибея его богатое оружіе и захвативши его дорогого коня, пустился онъ съ Катрей въ дорогу. Скоро они пріѣхали въ зимовникъ. Кругомъ были видны свѣжіе слѣды хищнаго, разрушительнаго набѣга. Около открытой хаты лежало нѣсколько убитыхъ наймитовъ съ обрѣзанными ушами и носами; въ хатѣ всё было перебито и изло-

мано: видно было, что здѣсь жестоко хозяйничала варварская рука. Не успѣлъ Ярема войти въ хату съ Катрей, зарывавшей отъ боли и горя при видѣ грустной картины разрушенія и убійства, какъ прискакалъ съ нѣсколькими козаками на взмыленномъ и еле дышащемъ конѣ Бурлай, скинувшій въ степи свои везы и бросившійся спасать свою любимую единственную дочь. Оросилось слезами лицо стараго, никогда не плакавшаго козака при рассказѣ Катри о ея похищеніи и спасеніи. Крѣпко обнялъ и поцѣловалъ онъ Ярему и просилъ не забывать его зимовника, гдѣ его всегда встрѣтять лаской и привѣтомъ, какъ родного сына.

И не забывалъ Ярема хаты стараго Бурлая, часто заглядывалъ онъ туда; крѣпко полюбилась ему черноокая Катря, а онъ ей еще больше.

Сладкія думы навѣваетъ тихая, уснувшая степь. И чудится ему теплая, лѣтняя ночь, окутанная покрываломъ, сияющимъ мириадами звѣздъ. Мягко льетъ луна свои лучи на серебристый трепетный тополь, у подножія котораго шепчетъ любовную рѣчь бѣгущій по камнямъ ручей. Тысячи самыхъ чудныхъ благоуханій несетъ сонная степь. Поднялись вдругъ неожиданно широкой волной полные и страстные звуки запоздавшей соловьиной пѣсни,—и горячій, какъ огонь, жаркій поцѣлуй первой молодой любви горитъ на его пылающихъ устахъ. Вздрагиваетъ Ярема, сильнѣе бьется его переполненное счастьемъ сердце. И всё дальше, дальше, ярче, выпуклѣе длинной вереницей тянутся воспоминанія недавняго прошлаго.

Ярема былъ запорожець съ головы до ногъ; но горячая, стремительная юность, живымъ, полнымъ ключемъ бившая въ его не совсѣмъ еще закрутившемъ сердцѣ, уносила его въ тотъ яркій и живой міръ грезъ, гдѣ пылкимъ мечтамъ его во всей чарующей прелести своей является образъ любящей нѣжной женской души. Молодое сердце его жаждало горячей женской привязанности, но свободной и вольной, какъ его козацкая жизнь. Всѣмъ существомъ и понятіями сросшись съ Запорожьемъ, онъ былъ чуждъ всякой мысли о какой либо обязанности, могущей наложить узду на его безпечную, беззаботную жизнь.

Сиротой взятый на Украинѣ своимъ названнымъ отцемъ атаманомъ Ничипоренкомъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ прошелъ суровую школу боевой жизни, гдѣ одна лишь неустойчивая смѣлость и храбрость давали почетъ и уваженіе; здѣсь не имѣло мѣста нѣжное женское существо съ его горячими, безавѣтными привязанностями и мягкимъ, воспитывающимъ вліяніемъ. Какъ проказа, изгонялась женщина изъ среды грубыхъ и суровыхъ запорожскихъ рыцарей, и привязанность къ ней козака лишала его всякаго уваженія среди товарищей. Градъ самыхъ злыхъ и дерзкихъ насмѣшекъ сыпался на козака, позволившаго себѣ полюбить женщину. Но какъ свѣтлый лучъ солнца прорывается въ темную комнату и ослѣпляетъ ея яркимъ свѣтомъ, такъ вспыхиваетъ иногда въ заглубленномъ сердцѣ яркимъ пламенемъ любовь. Со всей страстностью молодого сердца отдается этому чувству человѣкъ, но часто время и нравы заставляютъ его таить эту любовь и скрываться съ нею отъ насмѣшливыхъ взоровъ друзей. Потребность любить у Яремы была слишкомъ велика, чтобы покончить съ нею на первыхъ шагахъ. Бросить Сѣчь и отдаться одной любви,—онъ былъ слишкомъ запорожецъ для этого; бросить любимую дѣвушку и подчиниться понятіямъ среды—не было силъ. Оставалось одно: спрятать эту любовь, уйти съ нею въ такое мѣсто, куда бы не могли проникнуть посторонніе любопытные взоры. Въ тотъ грубый вѣкъ нравственное чувство человѣка не было еще развито на столько, чтобы задуматься надъ тѣми явленіями, которыя останавливаютъ передъ собой современнаго человѣка. Смѣлымъ взмахомъ незрѣлой еще мысли рѣшала тогда человѣкъ самыя трудныя и сложныя задачи.

II.

Переночевавши въ степи, на слѣдующій день къ полудню наши путники были уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Черной Балки.

Кто не знаетъ Черной Балки и хутора стараго Бурлая! Нѣтъ въ степи богаче Бурлая, ни у кого не найдется такихъ

богатыхъ табуновъ быстрыхъ коней, какъ у стараго дуги, ни у кого не найдется и такой красавицы дочки! Не мало удалыхъ молодцовъ наѣзжало на хуторъ полюбоваться статной и пригожей дѣвушкой, не мало и сѣдыхъ чубатыхъ козаковъ, сидя на широкихъ лавкахъ съ люльками въ зубахъ, заглядывались на черныя очи красавицы.

Какъ пышная роза, разцвѣтала Катря на широкомъ, привольномъ просторѣ степи подъ яркими лучами южнаго горячаго солнца. Лишенная въ ранней юности заботливой и нѣжной материнской любви, она, еще несозрѣвшей дѣвочкой перешла на попеченіе угрюмаго отца, бывшаго сѣчевика, побывавшаго во многихъ походахъ и возвращавшагося оттуда всегда съ богатою добычею. Жизнь, близкая къ природѣ и среди постоянныхъ опасностей, полные трагическаго интереса, спокойные, безстрастные рассказы наѣзжавшихъ иногда въ хуторъ сѣдоусыхъ стариковъ съ ихъ суровыми, покрытыми рубцами отъ ранъ лицами, горячіе восторги пылкой юности съ ея волшебнымъ міромъ сказочныхъ подвиговъ и приключеній и оглашавшія по временамъ безмолвную степь при набѣгахъ татаръ неудержимыя рыданія неутѣшнаго горя и отчаянія, отзывавшіяся скорбнымъ стономъ въ ея чуткомъ сердцѣ,—дали какой-то своеобразный складъ ея душевной жизни.

Ея нѣжная душа не была чужда сладостныхъ мечтаній любви. Когда въ тихія лунныя ночи вся поверхность степи колыбалась и переливалась мягкимъ серебристымъ свѣтомъ и изъ глубины темныхъ небесъ трепетно сіяли звѣзды, она, сидя подъ вѣковымъ вѣтвистымъ тополемъ, по цѣлымъ часамъ предавалась задумчивымъ грѣзамъ; въ эти минуты ея мечты уносились далеко,—она вся, всѣмъ своимъ существомъ тянулась въ неопредѣленную даль, откуда набѣгавшій вѣтерокъ приносилъ съ собою цѣлый міръ сладкихъ, невѣдомыхъ звуковъ. Грудь ея тѣснилась какимъ-то томительнымъ, неизъяснимымъ желаніемъ, горѣвшія уста искали поцѣлуя, и мечтательная, неудовлетворенная уходила она спать въ хату.

Но вотъ надвигается съ горизонта черная туча. Грозно со всѣхъ сторонъ, ближе и ближе неотразимо охватываетъ она

ясное лазурное небо. Слышатся отдаленные, тихіе раскаты грома; все сильнѣе, крѣпче, опредѣленные величественные его звуки. Блеснула молнія,—одна, другая; тысячью огненныхъ линій засверкала темная глубина неба; моремъ ослѣпительнаго огня вспыхиваетъ небосклонъ, и рѣзкій, оглушительный трескъ раздается вдругъ гдѣ-то недалеко около самаго уха. Рвануль вѣтеръ, и самымъ дикимъ, бѣшенымъ ураганомъ застонала и заревѣла пробужденная степь. Тихо сидитъ Катря въ хатѣ, прислушиваясь къ реву разбушевавшейся стихіи. И чудится ей грозный ропотъ бѣшено катящихся волнъ, громъ и трескъ вражескихъ арматъ; слышатся ей въ бурныхъ порывахъ вѣтра рыданія и стоны томящихся въ неволѣ братій; невыразимогорестнымъ стономъ звучитъ въ ушахъ ея звонъ невольническихъ цѣпей. Загораются глаза ея яркими искрами, дышетъ быстрѣе взволнованная грудь, и вся горячая, страстная, возбужденная, она сама готова броситься спасать погибающихъ братьевъ. Распаленное ея воображеніе невольно влечетъ ея думы на берега тихаго, сверкающаго Днѣпра, въ Сѣчь, бывшую родной, любящей матерью всему страждущему, угнетенному и обездоленному, въ ту дерзкую и отважную Сѣчь, которая на своихъ утлыхъ ладьяхъ со смѣлой, отчаянной рѣшимостью переплывала бурлящее море, чтобы саблею разрубить невольническія цѣпи мучениковъ.

И въ пылкихъ мечтахъ ея рисуется образъ козака, мужественнаго, отважнаго витязя, лишеннаго нѣжной женской ласки и материнской любви, лишеннаго своего собственнаго тепла насиженнаго гнѣзда, но свободнаго и вольнаго душой. Доля его—томиться тяжелой галерной неволей или лежать съ выклеванными степной птицей глазами въ широкомъ полѣ. Никто не прольетъ о немъ слезъ любви и состраданія, и одинокаго, какъ всегда, приметъ его земля въ свои холодныя объятія. Невольно протягиваетъ къ нему Катря свои руки, и съ сострадательнымъ самоотверженіемъ юной души готова она отдать ему самую святую и лучшую свои чувства, чтобы сдѣлать милой и радостной его одинокую безталанную жизнь.

Встрѣча съ Яремой оставила въ мечтательной душѣ ея глубокіе слѣды. Въ ней заговорило не только одно чувство благодарности и признательности,—нѣтъ, болѣе глубокія, болѣе живыя струны зазвучали въ ея сердцѣ. Узнавши, что онъ круглый сирота, что у него нѣтъ ни отца, ни матери, нѣтъ никого, къ кому онъ могъ бы склонить свою одинокую голову, она, со всѣмъ самоотверженіемъ любящей женщины, отдала ему свою душу, свои мечты и желанія. Она отъ него ничего не требовала, кромѣ такой же любви. Ярема ее любилъ! Счастье живой, благодатной волной охватывало ее всю, и она на-яву жила въ какомъ то очарованномъ мірѣ грезъ, сновидѣній любви и поцѣлуевъ. Изрѣдка легкой, мимолетной тучкой набѣгала на ясное и спокойное чело ея мысль о будущемъ, но прояснится ея чело—и она опять вся, всѣми мыслями и чувствами въ настоящемъ.

Катря чувствовала, что отецъ, прожившій большую половину своей жизни въ Сѣчи и весь проникнутый суровыми правилами запорожской жизни,—не могъ понять ея мечтательной, восторженной любви. Любовь къ молодому козаку, давшему обѣтъ безбрачной жизни, была въ его глазахъ, если не преступной, то во всякомъ случаѣ опасной. Бурлай любилъ и уважалъ Ярему, какъ спасителя своей дочери и какъ храброго, отважнаго козака, но онъ первый грозный и неумолимый сталъ бы между ними, если бы эта любовь ложилась позоромъ на его сѣдую голову. Катря это понимала и скрывала отъ него свои чувства. Но ея сердце искало сочувствія; оно искало вылить кому нибудь то, что свято хранилось въ его глубокихъ тайникахъ.

Въ одной хатѣ съ нею на правахъ сестры жила молодая дѣвушка, почти однихъ лѣтъ съ нею. Во время одного изъ татарскихъ набѣговъ вся семья ея была вырѣзана татарами, и Марыся, оставшаяся круглой сиротой, была взята въ домъ Бурлаемъ. Катря рѣшилась открыть ей свое сердце. По цѣлымъ часамъ неумолчно рассказывала она Марысѣ о своей любви, о любви къ ней Яремы, о ихъ взаимномъ счастьи. Марыся молчала; иногда только лицо ея блѣднѣло, глаза загорались ревнивымъ огнемъ, и она низко опускала свою голову на

грудь, стараясь скрыть волновавшія ея чувства. Упоенная своимъ собственнымъ счастьемъ, вся радостная и воодушевленная, Катря не замѣчала, что ея откровенность мучительнымъ, судорожнымъ трепетомъ отдается въ сердцѣ Марыси; она не замѣчала, что Марыся любитъ и любить такъ же горячо и беззавѣтно, какъ и она, Ярему.

Марыся полюбила Ярему чуть ли не съ перваго его появленія на хуторѣ. Его красота и мужество произвели на нее неограниченное впечатлѣніе. Сознывая, что не хороша собой, она робко, стыдливо, тайкомъ взглядывала на Ярему, боясь самой себѣ сознаться въ своихъ чувствахъ къ нему. Но некрасивая, безцвѣтная, съ свѣтло-грязными волосами и съ лицомъ, покрытымъ веснушками, она не только не обратила на себя вниманія Яремы, но вызывала въ немъ жалость и состраданіе. Марыся своимъ любящимъ, но самолюбивымъ сердцемъ вѣрно угадала тѣ чувства, которыя питалъ къ ней красивый козакъ, и молча, глубоко страдала. Она знала, кто приворожилъ сердце статнаго Яремы, и у ней появилось и начало быстро расти къ Катрѣ враждебное чувство, которое она всѣми силами старалась скрыть.

Въ то утро когда Ярема съ Иваномъ подъѣзжали къ Черной Балкѣ, Катря сидѣла съ Марысей около хаты и внимательно прислушивалась къ доносившимся издалика звукамъ. Бурлая не было дома. Катря знала, что не сегодня, завтра придетъ Ярема проститься съ ней передъ походомъ, въ который по словамъ Бурлая, побывавшаго въ Сѣчи, запорожцы должны были выступить черезъ нѣсколько дней, окончивши снаряжать челны. Обѣ дѣвушки молчали. Марыся, углубившись повидимому вся въ свою работу, изрѣдка посматривала украдкой на Катрю, и въ глазахъ ея горѣла злобная зависть къ чужому счастью и радости.

— Что же это Ярема не ѣдетъ?—прервала молчаніе Марыся скоро вѣдь казаки отправятся въ походъ, а твой Ярема и носу своего не показываетъ. Не вѣрь ему, Катря, обманываетъ онъ тебя.

Марыся пытливо посмотрѣла на Катрю.

— Приѣдетъ Ярема, моя милая Марыся, чувствуетъ мое сердце, что приѣдетъ. Ярема не пойдетъ въ походъ, не простившись со мною; тайкомъ уйдетъ изъ Сѣчи, безъ атаманскаго вѣдома, а всё таки приѣдетъ въ Черную Балку.

— Ужъ такъ онъ объ тебѣ одной и думаетъ! Эхъ, Катря, жалко мнѣ тебя, моя голубка; не на радость ты связалась съ этимъ гультаемъ; опозорить онъ тебя и твоего стараго отца; найдетъ онъ другую красивѣе тебя дѣвушку и покинетъ, броситъ тебя, а тамъ ищи козака въ полѣ!

— Недобрая ты, Марыся, проговорила, вся вспыхнувши Катря; ты не знаешь Яремы,—никогда Ярема меня не разлюбитъ; а что его давно не было, то не его вина въ томъ, сама знаешь, что онъ ѣздилъ въ Украину по войсковымъ дѣламъ.

— Такъ ты вѣришь Яремѣ, вѣришь въ его любовь? Если такъ, то когда же ваша свадьба?—вотъ ужъ скоро годъ, какъ онъ ѣздитъ на хуторъ.

Катря ничего не отвѣчала.

— Развѣ Ярема ничего тебѣ объ этомъ не говоритъ, настойчиво продолжала Марыся допрашивать Катрю, грустно склонившую на грудь голову. Тайная радость начала проникать въ ея сердце при одной мысли, что Катря можетъ быть обманутой и сдѣлаться такой же несчастной, какъ и она. Но не успѣла Катря отвѣтить на этотъ вопросъ, какъ вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ раздался протяжный крикъ совы. Катря вскочила, услышавши условный знакъ.

— Слышишь Марыся? Моя правда—Ярема здѣсь; онъ любить меня и никогда не покинетъ!

Вотъ еще раздался условный крикъ, и Катря, вся радостная и сіяющая счастьемъ, бросилась бѣжать по направленію крика.

Мѣсто для свиданій у нихъ было давно условлено. По балкѣ протекалъ ручей, а въ полуверстѣ отъ хаты по берегу ручья росъ густой ивнякъ. Здѣсь, скрытые отъ всѣхъ постороннихъ взоровъ, проводили они цѣлые часы, отдаваясь всецѣло своей любви и своему счастью.

Катря бѣжала, что было духу. Увидѣвши Ярему, она стремительно бросилась къ нему на грудь и, вся трепетная отъ счастья, замерла въ его объятіяхъ.

Злобно посмотрѣла Марыся на убѣгавшую счастливую дѣвушку. Ревностью и злостью волновалось ея сердце. Задумалась Марыся, припомнила она свою грустную, блѣдную, бездѣльную жизнь, проходившую безъ любви и ласки. Хорошо ей было жить у Бурлая, относившагося къ ней, какъ къ родной своей дочери, но этого ей было мало; сердце ея жаждало горячей любви. Она сознавала, что она не хороша собой, и это сознание тяжелымъ камнемъ ложилось на ея душу; съ завистью смотрѣла она на красавицу Катрю, а еще больше завидовала любви къ ней Яремы. Доброта къ ней Катри сдерживала еще въ ней до нѣкоторой степени ревнивое чувство; благодарность къ Бурлаю и его дочкѣ, не изсякая въ ея сердцѣ, еще до поры до времени брала верхъ надъ другими чувствами; но съ каждымъ пріѣздомъ Яремы ревность разгоралась въ ней всё сильнѣе и сильнѣе. Оскорбленная и непризнанная ея любовь не давала ей покоя; откровенность Катри еще больше распалая ея страсть и всё сильнѣе возбуждала ревность, которая скоро перешла въ самую непреклонную ненависть. Ихъ счастье—полное, глубокое, безмѣрное счастье—сдѣлалось для нея, наконецъ невыносимымъ. Безпокойный червь зависти подтачивалъ ея сердце, и самая непреодолимая жажда разбить, уничтожить ихъ счастье, отомстить за свою любовь, за свое горе и несчастіе, трепетно охватывала всё ея существо. Безъ надежды на лучшее, она всей своей душой, всѣми своими помыслами отдалась этимъ мечтамъ.

Оставленная убѣжавшей Катрей, она задумчиво углубилась въ свои думы, и всё тотъ же червь продолжалъ грызть ея сердце. Но вотъ на дворѣ раздался голосъ возвратившагося домой Бурлая. Мысль о возможности теперь, сейчасъ же отомстить Яремѣ блеснула въ ея головѣ. Она видѣла, какъ Бурлай слѣзъ съ лошади и направился къ хатѣ, но осталась сидѣть неподвижной на томъ же мѣстѣ, опустивши голову на грудь.

— Марыся, что это ты сидишь одна пригорюнившись?— обратился къ ней подошедшій Бурлай. А гдѣ же моя Катря, что это она не выходитъ встрѣтить и поцѣловать своего стараго батьку?

Марыся промолчала.

— Гдѣ Катря, милая Марыся? Что же ты не отвѣчаешь?

— Катря? смущенно спросила Марыся. Катри нѣтъ дома, Катря ушла.

— Куда же ей уйти! Вѣдь ты сама знаешь, что съ хутора уйти некуда.

Марыся, опустивши глаза въ землю, молчала.

Бурлай пристально посмотрѣлъ на нее, и его вдругъ сразу охватило какое-то чувство безпокойства.

— Ты отъ меня что-то скрываешь, Марыся, продолжалъ Бурлай; ты не можешь не знать, гдѣ Катря; стыдно тебѣ скрываться отъ меня; вѣдь я тебѣ замѣнилъ родного отца и ничѣмъ не отличалъ отъ родной дочки.

— Не гнѣвайся на меня, панъ-отець, прошептала Марыся,—Катря мнѣ велѣла молчать и ничего не говорить тебѣ.

— Катря не велѣла мнѣ говорить, мнѣ, отцу! Эй, Марыся, сейчасъ же говори, гдѣ Катря, а то такъ тебя одеру за косу, что и на томъ свѣтѣ будешь вспоминать Бурлая. Отвѣчай, гдѣ Катря—началь волноваться терявшій терпѣніе Бурлай.

— Все скажу тебѣ, только прости Катрю, не сердись на нее. Катря съ Яремой.

— Такъ что-жь, что съ Яремой? Ярема добрый козакъ и настоящій рыцарь; дай Богъ ему всего хорошаго на этомъ и на томъ свѣтѣ; если бы не Ярема, то не пришлось бы мнѣ, можетъ быть, и видѣть больше мою Катрю.

— Да Катря тайкомъ отъ тебя ушла повидаться съ Яремой.

— Тайкомъ отъ меня! Что же ей скрывать отъ меня? развѣ я гналъ Ярему изъ хаты, не позволялъ ему говорить съ Катрей?

— Любитъ она Ярему, а онъ ее, и таятся, скрываются отъ тебя, панъ отецъ.

— Ну? нетерпѣливо спросилъ Бурлай.

— Ну, а дальше ты самъ долженъ знать, что бываетъ, когда красивый, да статный козакъ полюбитъ молодую и пригожую дивчину.

— Брешешь, змѣя, брешешь, не сдѣлаешь этого Катря, не опозорить она сѣдую голову стараго отца!—закричалъ Бурлай, у котораго, при одной мысли о возможности этого, вся кровь бросилась въ голову.

— Я брешу? Нѣтъ, Марыся никогда не брехала. Не вѣришь, такъ иди самъ посмотри,—сидятъ они теперь у рѣчки въ ивняѣ и цѣлуются, да обнимаются.

Бурлай больше не слушалъ. Захвативши съ собою двухъ дюжихъ наймитовъ, онъ, какъ дикій звѣрь, бросился къ тому мѣсту, на которое указала Марыся.

Ярема и Катря сидѣли близко другъ около друга и, всецѣло отдавшись охватившимъ ихъ чувствамъ, не обратили вниманія на то, какъ зашумѣла недалеко отъ нихъ трава и сквозь зеленяя вѣтви густыхъ деревьевъ глянули на нихъ сверкающіе глаза стараго козака.

— Слушай Яремо, продолжала начатый разговоръ Катря, нѣжно склонивши свою голову на грудь козака: батько начинаетъ уже говорить о томъ, что пора мнѣ найти и вѣрнаго друга, что онъ старъ, можетъ скоро умереть—и останусь я круглой сиротой на бѣломъ свѣтѣ.

Ярема поднялъ голову.

— Не слушай, моя голубка, брехни стараго батька.

— Батько говоритъ, продолжала грустно Катря, что Степанъ Вовкъ всѣмъ молодецъ собою,—и красавецъ, и богатъ, что лучшаго друга и найти трудно.

— Пусть провалится сквозь землю твой Вовкъ!—воскликнулъ Ярема, сверкнувши глазами: а тебя, мое сердце, я никому не отдамъ.

— Говорю я батькѣ,—молода я еще, можно и обождать; но батько погладить меня по щекѣ, поцѣлуетъ и засмѣется. Боюсь я, Яремо; прійдутъ сваты, что я буду дѣлать?—батько приневѣлитъ.

— Не приневолишь батько, если не захочешь! Жить съ нелюбымъ—хуже смерти. Вотъ что, моя ненаглядная Катруся: брось ты батька, поѣзжай ты со мною; будешь жить близко около меня, недалеко отъ коша. Все я тебѣ отдамъ; много у меня золота,—все будетъ твое.

— Какъ бросить стараго батька! Да въ своемъ ли ты умѣ Ярема! У батька только и есть радости что я. Не для того онъ меня выростилъ, чтобъ я бросила его старую голову; не покрою позоромъ его сѣдыхъ волосъ. Люблю тебя, Яремо; все отдала я тебѣ; душу свою, сердце свое отдала, но батька не брошу для тебя,—грѣхъ великій; Господь покараетъ, и не будетъ мнѣ счастья и доли на этомъ свѣтѣ. Не говори объ этомъ больше, Яремо; не разрывай ты моего сердца. Батько любитъ тебя, какъ родного сына, за что же хочешь ты зломъ отплатить за добро?

— Яремо, продолжала, нѣжно ласкаясь къ нему, дѣвушка: ты довольно козаковалъ, много раздобылъ рыцарской славы,—брось Сѣчь и живи съ нами.

— Бросить Сѣчь!—прервалъ ее быстро Ярема; никогда этого не будетъ, моя ласточка; бросить Сѣчь и лежать на печи, да нянчить дѣтей, когда товарищество будетъ проливать кровь свою за христіанскую вѣру, будетъ биться съ поганымъ татаринომъ! Никогда этого не будетъ! Не пропала еще во мнѣ молодецкая сила, не буду я гречкосѣемъ. А тебя, моя милая голубка Катря, люблю я, люблю всею душою и никому тебя не отдамъ; не пойдешь со мною своею охотою, силою увезу тебя отъ Бурлая.

— Какъ силою?—въ бѣшенствѣ заревѣлъ выскочившій изъ-за деревьевъ Бурлай. У Бурлая ты возьмешь силою его дочь? Не родился еще на свѣтѣ такой человекъ, который могъ бы силою отнять у меня Катрю. Вязать его, собачьяго сына, крикнулъ онъ двумъ наймитамъ, выглядывавшимъ изъ-за его спины. Ярема вскочилъ.

— Вязать меня, козака? запорожскаго рыцаря? Не выросли еще для этого руки, закричалъ онъ, хватаясь за саблю.

— Запорожскаго рыцаря? Не рыцарь ты,—разбойникъ, бабникъ; какъ воръ ночной. хотѣлъ выкрасть дѣвушку... Эй, хлопцы, чего смотрите, вязать его, да хорошенько кіями!

Бурлай и наймиты бросились къ Яремѣ; и не одобровать бы имъ, если бы вдругъ, точно изъ земли, не выросли передъ ними два рослыхъ запорожскихъ козака.

Давно они уже прислушивались ко всему происходившему. Проѣзжая по балкѣ въ зимовникъ Бурлая, они слышали въ ивнякѣ разговоръ и пріостановились въ ожиданіи, чѣмъ окончится вся эта сцена. Ихъ никто не замѣтилъ. Остановивши лошадей, они почти вплотную подошли къ разговаривавшимъ, скрытые густою зеленью деревьевъ. Увидѣвши, что Бурлай съ двумя наймитами бросился къ Яремѣ, они быстро выскочили изъ-за деревьевъ и остановились между ними.

— Стой, закричалъ одинъ изъ нихъ, не молодой, но крѣпкій и сильный козакъ, бывший куренной атаманъ Гусакъ, увидѣвши, какъ недобрымъ огнемъ сверкнули глаза Яремы и какъ крѣпко сжалъ онъ въ рукахъ свою саблю. Стой, не годится козака бить кіями,—на то есть войско и кошевой, чтобы разсудить твою обиду, обратился онъ къ Бурлаю. А связать и отвезти въ Сѣчь—отчего же, можно; пусть посмотритъ войско, какъ поважають войсковые всѣ обычаи и исполняютъ войсковую работу.

— Бросай саблю, Ярема, крикнулъ ему Гусакъ.

— Чорта лысаго свяжешь! Не сгнула еще во мнѣ молодецкая сила... И съ этими словами Ярема съ обнаженной саблей въ рукахъ стремительно направился впередъ въ надеждѣ пробиться къ своему недалеко привязанному коню.

— Такъ то ты поважаешь старшинъ! И оба сѣчевика, схватившись за саблю, бросились на Ярему. Въ одно мгновение ока скрестились сабли, и не прошло минуты, какъ Гусакъ лежалъ уже на землѣ съ разрубленной головой. Плохо пришлось бы и другимъ, если бы два наймита не догадались подкрасться сзади и, схвативши Ярему крѣпко за руки, повалить его на землю.

• — Такъ то, собачій сынъ! Не только съ бабами гуляешь, а еще и товарищей своихъ убиваешь! Узнаешь теперъ, что зна-

читать войсковой козацкій судъ. Эй, хлопцы, вязать его распроклятаго сына и въ хату, и тамъ и въ Сѣчь на расправу!—распоряжался другой козакъ.

Ярема угрюмо молчалъ. мрачно сдвинувъ брови.

Наймиты быстро скрутили ему назадъ руки своими поясами; Ярема двинулъ руками; но, увидѣвши, что всё усилія будутъ напрасны, опустилъ голову на грудь и больше не сопротивлялся.

Какъ виноватая, склонила Катря на грудь свою голову, затрепетавши вся при неожиданномъ появленіи отца. Она не знала, что дѣлать, что сказать, не въ силахъ будучи освободиться отъ овладѣвшаго ею смущенія. Но когда ея отецъ, весь дрожавшій отъ гнѣва и бѣшенства, бросился на Ярему, она стремительно рванулась впередъ, чтобы стать между ними; появленіе козакъ ея остановило. Затаивши дыханіе, съ воспаленными, блестящими глазами, она вся замерла въ томительномъ ожиданіи конца ужасной минуты. Она задрожала всёмъ тѣломъ, когда Ярема промелькнулъ мимо нея съ обнаженной саблей въ рукахъ; какъ безумная кинулась она за нимъ, чтобы остановить его руку. Но было поздно; не успѣла сдѣлать она нѣсколькихъ шаговъ, какъ одинъ изъ козакъ лежалъ уже на землѣ, а рядомъ съ нимъ обезоруженный Ярема.

— Ну, дочка, спасибо тебѣ за любовь, да за доброе слово; спасибо, что не хотѣла покинуть своего стараго батька. А на Ярему плюнь; не любитъ онъ тебя, если не хочетъ бросить Сѣчи и жить съ нами. А теперь ступай въ хату,—послѣ поговоримъ еще съ тобою.

— Батько, прости ему, умоляющимъ шепотомъ обратилась она къ Бурлаю; прости за меня, за мое спасеніе...

— Ступай, Катря, ступай домой; Бурлай простить теперь не можетъ. Видишь...—и онъ указалъ рукой на окровавленнаго Гусака; простить ему можетъ теперь только одно войско.

Взволнованная, со слезами на глазахъ и съ разбитымъ сердцемъ, направилась Катря въ зимовникъ, а за нею пошли и всё остальные. По дорогѣ къ нимъ присоединился и Иванъ, спавшій недалеко отъ рѣчки. Услышавши шумъ и звонъ сабель,

онъ бросился къ ивняку, когда все уже было окончено. Увидѣвши связаннаго Ярему и истекавшаго кровью Гусака, онъ сейчасъ же догадался, что произошло тутъ безъ него. Безнадежно махнулъ онъ рукою, посмотрѣвши на Ярему. „Бабы, все бабы, шепталъ про себя старый козакъ: говорилъ я—не доведутъ онѣ до добра“. Враждебно и злобно посмотрѣлъ онъ на Катрю и, уныло повѣсивши голову, пошелъ за всѣми, придумывая, какъ выручить товарища изъ бѣды.

Бережно перенесли оказавшагося живымъ Гусака въ хату, и Бурлай опытной рукою перевязалъ ему сочившіяся кровью раны. Скоро все успокоилось кругомъ, и только изъ небольшого сада, лежавшаго около хаты, доносились сдержанныя рыданія Катри, горестно прильнувшей къ груди Марыси.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Южно-русскія интермедіи изъ польской драмы „Comunia duchowna Ss. Borysa y Hleba“.

Въ старыѣхъ интермедіяхъ польскихъ хранятся драгоцѣнные матеріалы для исторіи народнаго быта, и интересующіеся разработкою исторіи народнои культуры не могутъ не желать, чтобы эти любопытныя изображенія народнаго прошлаго были собраны и перепечатаны въ возможной полнотѣ. (Тихонравовъ, Отчетъ о 19 присужденіи. стр. 100).

Въ польскомъ учебникѣ риторики конца XVII в.¹⁾ находится польская драма „Comunia duchowna Ss. Borysa y Hleba na akt dana przez mlodz Collegium Polockiego Societatis Iesu „съ южно-русскими интермедіями. Приведена она неизвѣстнымъ составителемъ этого учебника, вѣроятно, какъ подтвержденіе его правилъ о сущности драматическихъ произведеній, но самыхъ правилъ въ сборникѣ мы не находимъ: они точно также, какъ и начало, и конецъ нашей драмы, утеряны. Что нашъ сборникъ написанъ въ концѣ XVII в., этому мы находимъ слѣдующее доказательство: на послѣднихъ его листахъ помѣщены планъ и содержаніе другой драмы „*Mauritius orientis caesar*“, и сказано, что она была представлена въ 1693 году. Если и предположить, что самый сборникъ риторики могъ быть составленъ много позже представленія названныхъ драмъ, то все таки интермедіи изъ „Comunia duchowna Ss. Borysa y Hleba“ относятся къ любопытнымъ памятникамъ южно-русской рѣчи конца XVII в.

¹⁾ Этотъ сборникъ любезно былъ намъ предложенъ для изслѣдованія проф. П. В. Владиміровымъ, которому за это и приносимъ свою благодарность.

Содержаніе этой драмы слѣдующее: прежде всего идетъ интермедія, начало которой утеряно. Дѣйствующими лицами ея являются garbarz (кожевникъ) и хлопъ. Въ сохранившемся отрывкѣ интермедіи они, очевидно, разговариваютъ между собой о тѣхъ декораціяхъ, какія необходимы были для постановки драмы, при чемъ вся соль интермедіи заключается въ неудачныхъ замѣчаніяхъ хлопа по поводу объясняемыхъ ему кожевникомъ непонятныхъ предметовъ: ¹⁾

Garbarz. Да, мужыку, цына мон дорога то матерія.

Chłop. Одну маю, ой пане, дорога (а) пасіога (а),

Garbarz. Що тутъ сядат, усюгды їдят аксамыты.

Chłop. Такъ пане, и я знаю, од нас они сыты.

Garbarz. В них на полумысках атлас готованы.

Chłop. Так пане, од нас паны завше выхованы.

Garbarz. Еще ты, дурен, ходы, ос обачыш органы.

Chłop. Што, пане, да еще по пар не ораны.

А щож гето за скрыня, колыб як одомкнуты,
Мог бы што кольвек одтуль грошей высунуты.

Garbarz. В середине, дурню, найдеш тылько михи.

Chłop. Я казавъ, што грошы сут нетоще михи.

Garbarz. От, дурны, он напхане михи давны мае.

Chłop. Держы, пане сусиде, он там той утикае.

Жывіе гето гуслы, держы, утикают.

Garbarz. Не руш, коли потягнеш, то уси заграют.

Эй не руш, крыкне, зараз познают панове.

Не упынеш, як скрыня голосно зарове.

Chłop. А на щож разложено дощечки маліе?

Гето ж якіе дуды панове лихіе.

Garbarz. Не упыныш гета, як роговни..... ²⁾

¹⁾ Передавая польскую abeced'у русскими буквами, мы строго слѣдили за точнымъ воспроизведеніемъ фонетическаго правописанія нашей рукописи, и такъ какъ въ ней нѣтъ никакихъ знаковъ для обозначенія твердости и мягкости согласныхъ, то мы и рѣшили не употреблять ъ и ь, опасаясь надѣлать ошибокъ: фонетическое правописаніе нашего памятника вообще не выдержано, и потому разстановка еровъ можетъ выйти слишкомъ произвольно; только лишь і мы передаемъ черезъ ѣ, а л черезъ ѡ.

²⁾ Не разобрано слово.

Не бурчы, дурніло, щоб нас не зогналы,
 Як почнут нас хвостат, щоб не прыстогналы.
 Я есмы прышов сынка мого послухаты,
 Учнеш, як хорошенко буде казаты.
 Поладинску як репку грызе, як озме чытати
 Повна светлица іого усюды чуваты.
 Як лапку коли сати медвед озме малы,
 Так мармолыт мой сынок на своим Альвары....
 Колы.... ¹⁾ здойме, надметса як ропуха.
 Так то іому, а тут.... ²⁾ около опуха.
 Так то іому прыстойно, як бы то панятко,
 Альбо великого князя якое князатко.

Сћор. Такъ, сусиде, и нам Бог дав доброго сына.
 Там же то роскошна погана детіна.
 Год тыльво мае, юж з города гонит
 И свыне, хот и бохон озме, не уронит.
 Як народився, повны ночвы іого были,
 А корыто завысылы мисто колыбыли.
 Третіого дня почав смалыты капусту.
 Чы редку бувало даси, чы ты кашу густу,
 И палци осмокче. Дай Боже, дождаты,
 Буде землю, сусиде, кому там пахаты.

Послѣ этого отрывка слѣдуетъ Prologus. Выходятъ, над
 полагають, два ученика и прогоняють кожевника съ хлопомъ
 (въ текстѣ драмы стоятъ неясныя означенія primus, secundus).

Primus. Iakiescie wy tu weszli, precz z tąd, grubianie.

Garbarz. Не журыся, сподару, мілостівы пане.

Чы гутво Гаврылко буде говорыти?

Колыб то, пане, сынка мого обачыти.

Secundus. Abo ma twoy Nawryŭko tu iaką personą?

Garbarz! Так, мосци пане, и мает од матки перстонец

Primus. Ale ty nie wiesz, ze się akt wystawia?

Garbarz. Гак самому у горло,.... ³⁾ що за проява.

¹⁾ Неразобран. слово.

²⁾ Idem.

³⁾ Idem.

Secundus. Wiedz, chłopie, że nie iedna tu dzis będzie scena.

Garbarz. И я бачил, що стоит тут не одна стена (стѣна).

Primus. Ale, głupcze, wszak widzisz, że iest proscenium?

Garbarz. Простенко стены (стѣны) стоятъ,—и мы разумѣиом.

Secundus. Ale patrz, durny chłopie, wszak synopsys w ręku.

Garbarz. Сам ты свинопас, да не мой сынок..... ¹⁾

Чы чув, сусиде, згонят того, хто не мае.

Такой кардочки. Паничок ос гетой роздае.

Chłop. Дай же и нам, паняtko, продай готовую

Карточку мне одну, а йому другую.

Prologus.

Nie dla ciebie to, chłopie, co tu napisano,

Nie domyszlisz się, choc by to tobie powiedziano.

Pudz na strone a słuchaj, ia zas okrucienstwo

Opowiem Swantopełka a Ss. męszęstwa.

Borys y Hleb, xiężęta, Ruscy patronowie

Wielkiego Włodzimierza sławni potomkowie

Od brata Swantopełka są pozabiani,

Kiedy za konkurentow na panstwo mniemani

Bo Swantopełk po oycu chciał rządzić Ruskiemi

Kraiami, y iak ociec władnąc poddanemi.

A ne mogąc inaczey dopiąć tyran swego,

Ażby bracią wygubił w panstwie do iednego,

Wprzod Borysa przez zaboycow zgładzić namowionych,

Do siebie iadącego, potym przekupionych

Y na Hleba namowił, aby iadącego

Nozem skłoto, a po nim miał iuż y trzeciego

Jarosława pokonac, lecz inaczey rady

Bog obrocił; postrzegszy Jarosław te zdrady

Z panstwa go swego wyгнаł rospaczaiącego.

Pażarła Swantopełka ziemia surowego.

Между тѣмъ передъ сценой простонародная толпа все увеличивается, и среди нея происходятъ слѣдующіе разговоры:

Garbarz. Апанас, ходи до нас, ну и ты, Иване.

¹⁾ Idem.

А ты чого прыпіорсе, мужыку, пры том пане (панѣ)?
 Не мнитеса, мовчыте, и он прышла Хведя,
 А Овдуня не хотила ждаты и обеда.

Chŏp. И он, сусиде, и наш Спиридон прибрався,
 Он и Микита межы людьми показався.

Garbarz. Пане куме, поправ накрывлоную шапку,
 Назад горло, а наперед обернувсе лапку.

Chŏp. Паненко, от муха тут сила, изгоны рукою,
 Бестія, на што она пит (пить) кров мае твою.

Garbarz. Другая по другой от сидит стороне;
 Покусают те споренко. Ну, ты, Спиридоне,
 Втры нос табакою, таки засыпавес,
 Дуру того под носом, як лопатую, накладес.

Chŏp. Чы кров з носа текла, чом тут помазалася.

Garbarz. А га, га, дай покой, гето ты фарбовалася.
 Що гето за хвосточок, которы махлюеш.

Chŏp. Авжеж вымышляеш и троху дуруеш.
 Иване, пусты панов, в дороги умкнися.

Garbarz. И он не умкнется, и, смерде, не мнися.
 На тоби посог, Грышко, за кончык уймися,
 А сам на той помост боржей всхватися.
 Хотивес бы, мужыку, коли до косціола
 Ходити або до церкви, то тоби неволя.

Послѣ этого слѣдуетъ уже и самая драма. Въ первой сценѣ перваго акта рассказывается о томъ, какъ Святополкъ задумываетъ сдѣлаться единоподержавнымъ властителемъ Руси и уговариваетъ Ерымана, казначея своего отца, чтобы онъ склонилъ посредствомъ подкупа на его сторону сенаторовъ. Но Ерыманъ на это не соглашается и во второй сценѣ рѣшаетъ употребить деньги въ пользу избранія Бориса. Въ третьей сценѣ Ерыманъ совѣтуетъ сенаторамъ избрать княземъ Бориса и разсылаетъ „listy“ и до другихъ сенаторовъ, склоняя ихъ къ тому же. Въ четвертой сценѣ сенаторы убѣждаютъ Бориса сдѣлаться княземъ, тогда какъ онъ чувствуетъ отвращеніе ко всякаго рода почестямъ. Въ пятой сценѣ рассказывается о томъ, какъ козакъ, посланный Ерыманомъ съ письмами, теряетъ коня и до-

гадывается, что его уворовали солдаты Святополка. Въ этой сценѣ есть нѣсколько мѣстъ, написанныхъ на народномъ языкѣ. Козакъ, посланный Ерыманомъ къ сенаторамъ, сильно усталъ въ дорогѣ. Пожаловавшись достаточно на свою судьбу (iestem na dworze własnie grabieżna kobyła, говоритъ онъ въ своемъ монологѣ), козакъ ложится спать, „кобылу до рукъ привязавши“. Въ это время показываются два драгуна. Они уже много про- бродили, но успѣли уворовать только шкуру кобылы,—и ведутъ между собою такіе разговоры:

Драгунъ 1. Нѣтъ папехуров полову тож усюгды

Клеты, тож чые клуни, немаш нигды люды.

Перед тым подкопався часом под хорому,
Выволочеш, што Богъ дав мужыку дурному.

Тепер ледва на гною облизлы собака

Лежыт где на сели, а скотына усяка

Покынула, тож чые усюгды обору.

Німаш чого украсты и в панским двору.

Кобылы тылько скуру надыбав у клеті.

Где продаты не видаю и сам где задеты.

Драгунъ 2. Цыт, спит нехто, и голову, и ноги задравшы.

Драгунъ 1. Цыт, и кобылу паствыт, до рук привязавшы.

Драгунъ 2. Що чыныты, Иване, колыбы як дурного
Ошукаты, кобылу украсты з рук у іого.

Драгунъ 1. Бачыш, кобыла ходит по граским болоты

И ледво може хвостом облизлым молоты.

Так учыным: у гразы тут скуру утопым,

А зверху трошки всѣнку болотом покропим,

Да мнѣматы буде, вставшы, що у граз упала

Кобыла, а облизлы хвостъ тылко задрала,

И ле буде насъ гнаты, даст покой усіому.

Смих учыним и соби, и тому дурному.

Уткны, Іуско, я коня одгетуль спроважу.

Драгунъ 2. Зараз я стуки моей, Иване, докажу.

Спы, дурны, болш кобыла тоби не прыснутыся.

Драгунъ 1. Продавшы, пане Іуско, треба поділытця.

Козакъ, проснувшись и не находя кобылы, догадывается, что ее уворовали солдаты Святополка (Swantopelka żołnierstwo). Вытащивъ шкуру, которую утопили драгуны въ болотѣ, онъ говоритъ, что это „nie moja skora, ale mi się zgodzi, niż się kupies na towar ten iaki przygodzi“, и, увидѣвъ, что къ нему подходитъ жидъ, козакъ обращается къ нему съ такимъ привѣтствіемъ: „czemu się to nie często Borucha widami“. На это жидъ ему отвѣчаетъ.

Hetuska nasich mosciow, sцо до моей хаты,
Не хочете на пиво и на мід буваты.

Kozak. Czy nie kupisz u mnie towar?

Żyd. A sцо там такого?

Чы не скуру продаес коника здоглого.

Kozak. Nie zdehłego, bo zginął chwalebnie w potrzebie.
Targuy się, ja też wiele nie zachcę od ciebie.
Zobiedzoncy moy sabre, to skora kobyły.

Żyd. Три дни в полѣ вовен здохлую лупылы.

Kozak. Nie dzwi, żydzie, to skora z konia tureckiého,
Pod Chocinem złupiona ode mnie samego.

Żyd. Чы може на турецкы сафян преробити,
Турецке доботы цы могут тут быты?

Kozak. Jest to skora turecka y boty tureckie
Mogą byc, zrobisz sobie y skornie niemieckie,
Abo na zamsz wyprawic każesz ankolecie,
Dla chładu będziesz sobie przechodził się lecie.

Żyd. Сцож хочеш, пане сабре, за той товар взяты?
Много за турецкую скуру тобѣ дати?

Kozak. Parg, życiu, talerow, ty za każde boty,
Wiem, że nie ieden wezmiesz od twych kurcow złoty.

Żyd. Дорого, пане сабре, за скуру без мяса
Просис, гето видис, яка згуба наса.

Озмы талар.

Kozak. Kto widział turecką przedawac.
Za talar skurę, iakoś smiał tak wiele dawac.

Żyd. Озмы ж талар и други, а больш не торгуйся,
На други раз зо мною лепс, пане, сабруйся.

(Козакъ уходитъ).

Чы не зыск тут, панове, за так мало грочи
 Турецкую скуру купывь, товар так хороси.
 Покину орендарство, буду гандловаты,
 Юже ворцом в аренди не хоцу держаты.
 В куты мескою, нихто пива не свостуе,
 Ни табаки, ни меду нихто не торгуе.
 Я пива ковенского кажу наробыты,
 З боцки ячменя двадцят, а волы ситыси,
 Мед слахецки росважу, такы гырдяка
 Буде и лоб закрутыт тверды дубеняка.
 Юже не одну жменю соли усипати
 Казав у пиво, следдих головок напхаты,
 Сцоб смацненво мужыцтву пьяному було.
 Кажу класти бугуяну, сцоб лоб закрутыло.
 По старом не охвоцо цомус тягнут гости.
 А як год мыне, жыде, заплаты старости.
 Юже купцом остану, буду продавати
 Турецкіе скуры, буду ѣми торговати.

Настроенный такъ радостно выгодной покупкой, жидъ ложится отдыхать, накрывшись шкурой. Въ это время является дьяволъ. Злой духъ не доволенъ: дѣла его идутъ плохо, но, говоритъ онъ, „teraz dowcip pokaże, kiedy będą radził Swantopełkowi, aby swoię bracią zgładził, a sam na panstwo wstąpił. Doznaią, co umie ten diabel, прибавляетъ онъ. Дьяволъ желаетъ записать для себя „niecnoty wszystkie“, какія совершаются на землѣ, но у него нѣтъ ни пергамену, ни даже шкуры кобылы. Увидѣвъ жида, отдыхающаго подъ шкурой, дьяволъ приказываетъ ему вылѣзть изъ подъ нея,—и между ними завязывается слѣдующій разговоръ:

Żyd. Ахъ страх, пане дябле, з скуры лезти тоей,

Колыб з кобылыною не згубыты моей,

Пане дябле, копило.

Diabel. Iako, żydzie, kropidło wnet iacie skropie,

I jeszcze się miesz natrząsac z świętych rzeczy, chłopie!

Wylaz że mi z pod skury, stan tu, a tve złości

Powiadaу, żydzie, bo tve będą mlodzi kosci.

Żyd. Пане дябле, просты, жыд ницого не знае

- Diabel. Iako, ieczsze się zapizac chcesz, smierdzący baiu!
Powiedz twoie psykusi, ktore chrzescianom
Czynisz, ktore u chłopom, ktore wielkim panom.
- Żyd. Ницого, мости пане дябле, не видаю,
Однаково усенкі, мой satanie, даю
- Diabel. Iako, żydzie, kto miesza do gorzałki wodę,
Kto u w innych napoiach ludziom czyni skodę.
- Żyd. Ой не я, пане дябле, Лейба то завсюгды
Женет тылько смердзюнку, приливает воды,
А до табаки сыпле завше цемерыци,
А до ретки смажонной догтыку з мажницы,
- Diabel. Piszę u to, ale kto na ohyde czyni
Chrzescianom, a kto kal wrzuca w miody swini.
- Żyd. Боруг, мости пане, Боруг, он завсюгды, дою,
Уварывси, усипле у капусту гною.
- Diabel. Toto żydowskie złości, a wiesz co na innych?
- Żyd. Ой, пане дябле, много и христиан винных
- Diabel. Powiadaу mi, a naprzod od panow zaczniemy,
Ostatek przy ogonie na innych spiszemi.
- Żyd. Не выписес, мой дябле, на панов усіого,
Хоц быс зніос скуры свѣта.... цалого,
Горе жыдов и панове тепер салберами,
И пан тепер заровно мькитит з жыдами.
Пан одын за полтора тепер жыда стоит,
Торгует, барысует, як на то прыстоит,
Од тое, пане дябле, хотей написаты,
Позычывшы, панове не хотят оддаты.
- Diabel. Czy wszystko? czemu większe rzeczy, żydzie, miiasz?
A bo ty mię z pamięci, poganinie zbiiasz?
Czemu tego nie mowisz, że sprawedliwosci
Miedzy wiernemi nie masz, wzaiemney milosci,
Wolą grosz wziąć od żyda, niż trzy od wiernego;
Kiedy co arendowac, a w karczmie kożdego.
Żyd nie mal..., czemu nie zarabia chleba
Katolik w tey zè karczmie, to powiedziec trzeba
Czemus tego nie powiedzial, że krzywдę chłopkowie

Wielką od panow cierpią, a zotto brzuchowie
 Ich się krwią, ich potami w rosadzi rozpychają,
 Ty ią iako bedłęta ciata nabywają?
 Czemus tego nie mowil, że podatki częste,
 Dochody y z sel, y z myta tak przychodzą geste,
 Kiedy się zadziewają? na tey ia karbuie
 Skurze wszystko y na sąd Boży nagotuię.
 Nie żarty to, nie żarty, tam się postrzeżecie,
 Kiedy się pod me rządy w piekle dostaniecie.
 Popraw mi piora, kosm tę wyciągni rękoma.
 Nie umiesz ręką, widze, wyciągni zęboma.
 Ieczsze czy nie masz czego powiedziec, moy żydzie?—

Żyd.

Пане дябле, студевци часом нам здымуют
 Сапки и на улыцах часом зацепают.

Diabel.

Fraszka to, żydzie, za to wszak odsepie w szkole,
 Kiedy się porwie iakie na cię pochołę.
 Lecz ia postrzegłem, żydzię, ieczsze cos lepsze,
 Zapomniales u niewiast stroiu zbytecznego,
 Często się stroią nie tak, by się podobały
 Swym małżoukom, lecz innych oczy powiabiwały.
 Obetnę ia ogony, tam ia upiękrzone
 Posypię proszkiem włosy, tam ia rozpałone
 Wprowadzę włosy rozęki. Łeb z włosami
 Skręcisz się babę, ktora pysznisz się stroiami
 Przyczytayı że, żydzie, co iest tut napisano.

Żyd.

Босков яких, мой дябле, тут намаліовано!

Diabel.

Чытай, żydzie, umiesz, aby slobizowac.

Żyd.

Чы я скапа, мосци пане, сдоб умеv жолжовац?

Diabel.

Iako żydzie! mow za mną: wez tę ckore, diable...

Żyd.

He strас, юже жолжовац потрафлю, мой дябле,
 Ву, ву, ву, верни скуру, пане дябле.

Diabel.

Ieczsze się sam mi, żydzie, zapisz na tey skorze,
 Inaczeу, poganinie, na cię się oburzę

Żyd.

He сдо чыныты, юже рудка подписифа.
 Одно ты, пане дябле, просу, не глумися.

- Diabel. A coż mi po tey skorze, na niey nie poiadę,
Tylko po drogach chodząc, będę miał zawadę.
Ciebie ia za mierzyna, moy życiu, obiorę,
Będziesz u mnie romakiem, masz pedały spore.
Pokaż sam, która pasza lubos pokładany
I wałach dawni kiedys ieczsze obrzezany,
Lecz mi się za parobkę zgodzisz podrożnemu
Cieżko krażąc tak wielie diabłowi pieszemu.
Tylko czy nie tylczak ci, lub insza doymuie.
Choroba, powiedz, żysiu, to mie zafrasuiе.
- Żyd. Пане дябле, пов мили на мене не заедес,
Сам себе обсукаес, сам себе заведес.
Тыльчае и хороба у мене всенкіе,
Пусты, пане дябле, косточки бедные.
- Diabel. Nic trwoż, żydzie, zleczę cię, iak iełonek skoczysz,
Wnet tu nadusz kołka, w rozne strony zboczysz.
Sprawię ia cię, moy, żyśiu, powiedz, czuiesz kędy
Tylczak, iesli iakie cierpisz bole wszędy.
- Żyd. Под хвостом кобили тыльчак з тамтоль тым гоньти,
Пане дябле, постронком треба мене не быти.
- Diabel. Bredzisz, żydzie, twoy tylczak, iako pod ogonem
Ma byc cudzim, uciecha z tym głupim gawionem.
Lecz, złodzieiu, sprawię cię, będziesz ty wnet zdrowy:
Kiedy ciebie lekarstwem opatrzę ia tym powym.
A iuż es zdrow?
- Żyd. Мосци пане дябле, пусти, ой юже тыльчаки
Послы усенкіе з мене вон тепер червяки.

Послѣ этого діаволь садится на жида и уѣзжаетъ,—этимъ и оканчивается пятая сцена.

Въ шестой сценѣ перваго акта Святополкъ выманиваетъ письма у козака, пришедшаго къ нему съ жалобой на драгуновъ и, узнавъ о замыслахъ противъ себя сенаторовъ, рѣшаетъ подмѣнить письма Ерымана своими. Въ седьмой сценѣ козакъ, посланный Святополкомъ къ полковнику, жалуется ему на то, что драгуны уворовали у него коня. Тогда первый драгунъ спрашиваетъ козака:

Скажи, нешто мы, брате? яка твоя кобыла?

Kozak. Czy o szersc idzie, siwą iabkowitą była.

Драгунъ 2. Кто выдав, щобы яблыка на хрепти носыла!

Колы скапа, да скажи, яковая была?

Kozak. Miała w chrapach dwie driurki, a zaś ogon w tyle.

Uszy..., dwie oczy, iesli się nie miłę,

A nad to miała cztery z kopitami nogi,

Ręcza była y trwała, sposobna do drogi.

A nade wszystko ieczsze taki zwyczaj miała:

Inne stada zadartym ogonem zegnała

Драгунъ 1. Бѣс бѣ не возме, ой колы жегнала

Хвостом, чорт не озме. А як была мала?

Kozak. Wzrostu była miernego, Turka nie dorosła.

Więcey się nad zmudzina miernego podniosła.

Ale rącą biegała, twardousta była,

Kiedy w błoto leciała, żadna nie zatrzymała siła

Драгунъ 1. Она то, мелючы хвостом, бигла до Шершеніова,

Ржала, як бис там драв, бигучы вовкова.

Kozak. A gdzież to Chercheniowo, powiedz, miły panie?

Драгунъ 2. Але он где грышку горох там подобно стане,

Kozak. A gdzież to hryszko?

Драгунъ 2. Влево од курыловой грушы.

Kozak. Powiedz że, miły panie, niech mię ta wiadomosc nie
suży.

Драгунъ 2. Допытаем ся остатка, а тепер до пана.

Конецъ этой сцены утерянъ. Въ восьмой сценѣ Святополкъ отдаеть посланцу (козаку) подмѣненные письма, а Грамротъ, его преданный слуга, совѣтуетъ ему отравить Бориса, указывая и чернокнижника, который бы могъ это сдѣлать. Въ девятой сценѣ призванный чернокнижникъ совѣтуетъ Святополку отравить письмо къ Борису, прочитавъ которое, онъ умретъ. Исполняя этотъ совѣтъ, Святополкъ пишетъ письмо къ Борису, въ которомъ, повинувась будто бы голосу совѣсти, онъ предлагаетъ ему власть, и посылаетъ его черезъ Грамрота.

Въ первой сценѣ второго акта Грамротъ, распечатавъ письмо къ Борису, умираетъ отравленный ядомъ, и солдаты его об-

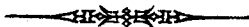
дирають. Затѣмъ вторая, третья, четвертая и пятая сцены въ сборникѣ утеряны. Въ шестой сценѣ убійцы, переодѣтые пилигримами, лишаютъ Бориса жизни. Въ седьмой сценѣ Ярославъ, встрѣтивъ слугъ Бориса, „stoiacych“ надъ своимъ убитымъ господиномъ, отсылаетъ ихъ къ Святополку, подозрѣвая ихъ въ злодѣяніи. Въ девятой сценѣ сенаторы, догадавшись, что тѣ письма, которыя они получили, ложны, и узнавъ о смерти Бориса, избираютъ княземъ Глѣба. Услыхавъ о новыхъ замыслахъ сенаторовъ, Святополкъ въ десятой сценѣ рѣшаетъ вооружить Глѣба и Ярослава другъ противъ друга, чтобы они погибли въ междоусобной войнѣ,—и въ одиннадцатой сценѣ Глѣбъ получаетъ извѣстіе отъ посланца Святополка, будто Ярославъ идетъ на него съ войскомъ, желая истребить всѣхъ братьевъ, чтобы сдѣлаться единодержавнымъ властителемъ Руси. Подобное же извѣстіе о замыслахъ Глѣба въ двѣнадцатой сценѣ получаетъ и Ярославъ.

Третій актъ начинается сценой, въ которой сходятся вѣстники Ярослава и Глѣба и уговариваются насчетъ войны. Но Глѣбъ, боясь пролитія братской крови, рѣшаетъ уйти въ пустыню. Тоже въ третьей сценѣ дѣлаетъ и Ярославъ. Въ четвертой сценѣ сенаторы, узнавъ о новой жизни Глѣба и Ярослава, идутъ въ пустыню, чтобы убѣдить ихъ принять власть надъ Русью. Между тѣмъ въ пятой сценѣ Глѣбъ и Ярославъ случайно встрѣчаются въ пустынѣ, но не узнаютъ другъ друга. Туда же въ шестой сценѣ приходятъ къ нимъ и сенаторы и, узнавъ ихъ, силою уводятъ изъ пустыни. Въ седьмой сценѣ Святополкъ, услышавъ, что Ярославъ и Глѣбъ ушли въ пустыню, замышляетъ ихъ тамъ убить. Но когда онъ узналъ, что сенаторы уже вывели ихъ оттуда, онъ рѣшаетъ убить сначала Глѣба. Въ восьмой сценѣ Глѣбъ тоскуетъ о жизни пустытника, и Святополкъ, живо предлагая ему уступить свою власть, приглашаетъ его къ себѣ. Въ девятой сценѣ поварь Святополка, узнавъ, что у князя будутъ гости, печалится. Этой сценой обрывается наша драма.

Анализируя языкъ интермедій, мы видимъ, что въ немъ нѣтъ ни дзеканья и уваканья, которыя въ бѣлорусскомъ нарѣчій

появляются уже съ XVI в. ¹⁾), ни аганья, начало котораго въ бѣлорусскомъ нарѣчїи восходитъ уже къ XIV в. ²⁾), но за то въ немъ очень часто встрѣчается такая довольно характерная особенность малорусскаго нарѣчїя, какъ *и* вмѣсто *ъ* Правда, *и* вмѣсто *ъ* и въ срединѣ словъ сильно распространено и въ сѣверно-восточной части бѣлорусскихъ говоровъ (въ юго-западной менѣе), но во всякомъ случаѣ, эта звуковая черта не составляетъ особенности чисто бѣлорусской, а представляетъ ту или другую степень—на югѣ вліянія малорусскаго нар., а не сѣверѣ—новгородскаго говора ³⁾). Поэтому, хотя въ нашихъ интермедїяхъ и не встрѣчается самой рѣзкой черты малорусскаго нарѣчїя— *и* вм. *о* и *е*, попадающей въ южно-русскихъ памятникахъ изрѣдка уже съ XIV в. ⁴⁾), ихъ можно отнести къ памятникамъ южно-русской письменности конца XVII в. Составителемъ этихъ интермедїй былъ, надо полагать, какой-нибудь малороссъ (быть можетъ, школьникъ Полоцкаго іезуитскаго коллегіума), который и не могъ поэтому сообщить имъ яркаго колорита того народнаго языка, который звучалъ среди простаго люда г. Полоцка, но, съ другой стороны, рассчитывая на туземную публику, авторъ и не рѣшился ввести въ свои интермедїи рѣзкихъ чертъ своего роднаго языка.

Сообщилъ М. Марковскій.



¹⁾ Недешевъ, Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ, Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1884 г., т. XII, стр. 28.

²⁾ Ibid. стр. 3—13.

³⁾ Карскій, Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи, стр. 35.

⁴⁾ Кочубинскій, отчетъ о 32 присужденіи наградъ граф. Уварова, 313—314.

НѢСКОЛЬКО СТРАНИЧЕКЪ ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Въ № 2-мъ 1893-го года были напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“ мои воспоминанія, касающіяся періода моей жизни въ Петербургѣ и знакомства моего съ Н. И. Костомаровымъ, Т. Г. Шевченкомъ, С. С. Гулакомъ - Артымовскимъ и др. Теперь я хочу подѣлиться тѣми впечатлѣніями, которыя остались у меня отъ времени пребыванія моего въ юго-западномъ краѣ сейчасъ послѣ польскаго возстанія.

Оставивши окончательно Петербургъ, я пріѣхалъ съ семействомъ въ м. Радзивиловъ, волынской губерніи, расположенное на самой австрійской границѣ, гдѣ мнѣ назначена была постоянная служебная квартира. Польское возстаніе хотя было потушено, но броженіе продолжалось; войскъ, какъ для м. Радзивилова, было сосредоточено немало: стояла часть пѣхотнаго Селингинскаго полка, уланы, козаки и батарея 11-ой бригады. Семейной квартиры не было возможности найти, и, благодаря обширной почтовой станціи, я прожилъ въ ней съ семействомъ до двухъ мѣсяцевъ. Въ Радзивиловѣ тогда жилъ начальникъ таможеннаго радзивилловскаго округа, генераль-маіоръ Богданъ Ивановичъ Крейтеръ, изъ гвардейскихъ офицеровъ. Въ таможнѣ было много чиновниковъ изъ Петербурга, такъ-что жизнь не казалась скучной, не смотря на стѣснительное квартирное положеніе. Офицеры ежедневно проводили время у полиціймейстера, капитана Федора Владиміровича Зайковскаго, человѣка хлѣбосольнаго и гостепріимнаго. Въ нашей компаніи очень часто бывалъ есендзь мѣстнаго костела, человѣкъ уже пожилой и весьма сдержанный. Очень много было между таможенными чиновни-

ками поляковъ, или лучше сказать—католиковъ, даже съ чисто русскими фамиліями, напримѣръ—Афанасьевъ.

По рассказамъ очевидца, таможенного чиновника Григоровича, въ началѣ 1863 г. польскій генераль Милославскій или Мирославскій (когда и кто его произвелъ въ генералы, остается неизвѣстнымъ) подступилъ къ Радзивилову съ трехтысячнымъ отрядомъ повстанцевъ. Когда узнали о движеніи на Радзивиловъ Милославскаго, пограничная таможенная стража была снята для охраны таможи, а пѣшая вошла въ составъ инвалидной роты. Милославскій остановился на самой границѣ по таможенной дорогѣ, ведущей изъ Радзивилова въ Броды. Польскіе конные разъѣзды взяли Григоровича, оставленнаго для охраны пограничной рогатки, и представили своему генералу. Генераль этотъ очень былъ обходителенъ и любезенъ, распросилъ его, о чемъ ему нужно было, затѣмъ спросилъ „какого звѣданія“, т. е. какой религіи; отвѣтомъ Григоровича было, что онъ русскій и православный, на что генераль сказалъ: „ты русинъ, а потому и православный; какой-бы ты ни былъ религіи—это ничего не значитъ, но ты все-таки русинъ этого края“,—и затѣмъ велѣлъ его отпустить, съ приказаніемъ не трогать его, какъ исполняющаго свою службу. Послѣ этого генераломъ этимъ была послана шайка въ тысячу человекъ въ Радзивиловъ обходнымъ путемъ, не чрезъ таможию, а на предмѣстьи „Левятинь“. Отрядъ вошелъ въ Радзивиловъ стройными колоннами; такъ какъ войскъ нашихъ, за исключеніемъ инвалидной роты и пограничной стражи, не было, то дали возможность войти повстанцамъ въ самое мѣстечко. На военномъ совѣтѣ отряда нашего, состоящаго изъ одной роты, рѣшено было двинуть наши силы противъ непріятеля подъ командою капитана Полищука-Замлинскаго. Отрядъ нашъ двинулся на встрѣчу, но, при видѣ стройныхъ колонъ консеньеровъ, оробѣлъ и сталъ на мѣстѣ; впрочемъ, благодаря храбрости командира-капитана, который сумѣлъ воодушевить солдатъ, они двинулись впередъ и завязали перестрѣлку. По первому выстрѣлу былъ убитъ предводитель-двудца тысячной арміи Подгородинскій, вслѣдствіе чего непріятель смѣшался; начали отступать тѣмъ же путемъ, въ безо-

рядкѣ и, наконецъ, при сильномъ напорѣ со стороны нашей, начали бросать оружіе и прятаться по жидовскимъ хатамъ; а другіе черезъ огороды и рвы бѣжали за границу, находящуюся въ 1½ верстѣ отъ мѣстечка. Заднія колонны польскаго отряда, болѣе сохранившія строй, отступили тѣмъ же путемъ чрезъ Левятинскую плотину. Крестьяне наши, видя бѣгство поляковъ, бросились на нихъ, кто съ чѣмъ только могъ. Пошли въ дѣло вилы, косы и колья. Отъ сильной паники много поляковъ попряталось въ тростникѣ на Левятинскомъ прудѣ и много ихъ тамъ потонуло. Милославскій, узнавши о поражениі части его войска, не спѣшилъ на помощь, а разругалъ свой ржондъ за увѣреніе его, что ему только слѣдуетъ показаться на границѣ, какъ все населеніе русское и польское нашего государства бросится ему чуть-ли не въ объятія. „Я вижу“, говорилъ, онъ „что крестьяне больше свирѣпствовали, чѣмъ регулярныя войска“, и затѣмъ съ уцѣлѣвшимъ отрядомъ удалился вовнутрь Галиціи. Однихъ убитыхъ поляковъ похоронено на польскомъ кладбищѣ болѣе 60-ти человекъ; въ общей могилѣ за плотиною на „Левятинѣ“ тоже насыпанъ большой курганъ, гдѣ похоронено тоже немало убитыхъ крестьянами и утопившихъ, но сколько именно—преданіе умалчиваетъ. А сколько-жъ было раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ! Вообще у поляковъ вышло изъ строя немало. Съ нашей стороны тоже были убитые и раненые, до 15-ти человекъ, но это сравнительно количество небольшое. Русскіе воины были похоронены на русскомъ кладбищѣ, отдѣляющемся отъ польскаго однимъ деревяннымъ заборомъ; кругомъ-же кладбища, какъ польскаго, такъ и русскаго возведена одна ограда. Кладбище съ двухъ сторонъ входитъ въ самое мѣстечко. Однажды во время прогулки съ дѣтьми возлѣ кладбища, меня подстрекнуло любопытство зайти на кладбище и посмотрѣть на памятники павшихъ русскихъ воиновъ. На общей могилѣ поставленъ былъ крестъ съ надписью времени событія. Няня дѣтей моихъ, пріѣхавшая съ нами вмѣстѣ изъ Петербурга, уроженка ярославской губерніи, женщина уже пожилая, грамотная и отъ природы разумная, обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: „что это значитъ: ограда кругомъ кладбища

одна, а посрединѣ перегорожено заборомъ; кресты, какъ тутъ, такъ и по другую сторону забора одинаковые? Я ей объяснилъ, что это русское кладбище, гдѣ мы гуляемъ, а тамъ—польское. „Господи Иисусе Христе“! воскликнула старуха: „что же это? одинъ только заборъ?—„Согласенъ съ тобою“, отвѣчаю ей: „одинъ только заборъ, и вотъ уже тысячу лѣтъ, какъ эта перегородка отдѣляетъ насъ отъ живыхъ и мертвыхъ нашихъ братьевъ.“

Дальше оставаться жить на почтовой станціи, при семейномъ положеніи моемъ, было немыслимо. Стѣсненіе и неудобства заставили меня нанять домъ въ уѣздномъ городѣ Кременцѣ, отстоящемъ отъ Радзивилова въ 45 верстахъ, и перевезти туда семейство. Сборы были не велики; все было упаковано; запрягли въ экипажъ почтовыхъ лошадей и тронулись въ путь. Дорогою, подъ Радзивиловымъ встрѣтили подъ военнымъ конвоемъ партію плѣнныхъ поляковъ; ихъ направляли въ Радзивилонъ, для передачи австрійскимъ властямъ, какъ оказавшихся австрійскими поданными галичанами. Австрійское же правительство, по договору съ нашимъ обезоруживало инсургентовъ, бродившихъ по австрійской пограничной территоріи, и тѣхъ, которые оказывались русскими подданными, передавало намъ тоже обратно. На эту партію плѣнныхъ обратила вниманіе та-же няня. „Что это за мальчики и куда ихъ гонять? да какіе славные ребята, ровно-бы изъ благородныхъ!“ Когда я ей объяснилъ, что это плѣнные польскіе воины, которые вздумали воевать съ Россіей, то старуха ахнула: „да вѣдь это дѣти; у насъ въ Россіи такихъ малолѣтокъ при кулачныхъ бояхъ посылаютъ въ задоръ, а въ бою одни пожилые да старики дѣло вершатъ“.

Въ Кременцѣ я устроилъ домъ по семейному, а самъ отправился по служебнымъ дѣламъ въ объѣздъ и между прочимъ заѣхалъ въ Почаевъ. Приѣхавши въ Почаевъ, я прямо направился въ станovou квартиру, гдѣ засталъ полный дворъ солдатъ въ полной походной формѣ. Обстоятельство это меня нисколько не удивило, такъ какъ постоянно происходили фальшивыя тревоги то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, благодаря тому,

что являлись донесенія, будто изъ за границы такого-то дня прійдутъ шайки инсургентовъ; въ большинствѣ-же случаевъ это не оправдывалось. Изъ Почаева я направился къ границѣ въ с. с. Крутневъ и Лопушню. Въ то время въ каждомъ селѣ стояла стража изъ мѣстныхъ крестьянъ съ пиками, которая никого не пропускала, хотя бы и изъ оффиціальныхъ лицъ, пока не будетъ предъявленъ видъ за печатью. Если въ числѣ стражи были грамотные, что въ то время было большою рѣдкостью, то не приходилось долго ждать пропуска; въ противномъ-же случаѣ для прочета нужно было ѣхать къ мѣстному священнику, или же, за отсутствіемъ священника, къ дьячку, на что не мало терялось времени. При этомъ не обходилось безъ курьезовъ. Мнѣ рассказывалъ одинъ помѣщикъ полякъ, что ему нужно было выѣхать изъ дому непременно по весьма важному дѣлу, а за свидѣтельствомъ приходилось посылать къ исправнику, или же становому; процедура эта была не легкая, а время не терѣло. Придумывалъ я всѣ способы, рассказывалъ онъ, какъ бы уѣхать, и, роясь безсознательно въ бумагахъ, нашелъ старья афиши Варшавскаго цирка, гдѣ были изображены четыре лошади и два сѣдока на колесницѣ Римскихъ проконсуловъ. Недолго думая, я велѣлъ закладывать четверку лошадей и отправился въ путь. На дорогѣ, въ первомъ селеніи по пути стража меня остановила, требуя паспортъ; я вынулъ афишу и показалъ со страхомъ, боясь, чтобы меня не задержали съ этимъ документомъ, но каково-же было мое удивленіе, когда крѣстьяне пришли въ восторгъ отъ этого нагляднаго документа, говоря: „оце паспортъ настоящій, дивысь! и тутъ четверо коней и два сыдыть, и у пана тожь саме; оттаки бы всимъ выдавали паспорта, то не було-бы замороки“, и меня свободно пропустили. Но говорятъ, бывали случаи еще покурьезнѣе, свидѣтельствующіе о томъ, какъ своеобразно понимали иногда крестьяне, поставленные на стражѣ, свои обязанности. Имъ велѣно было съ проѣзжающими отправляться къ батюшкѣ, или въ волость, для прочета паспорта. По разсказу одного очевидца, было такъ. „Когда я подъѣзжалъ“, говоритъ онъ, „къ селу, меня стража остановила, требуя съ однимъ изъ стражниковъ ѣхать къ ба-

тюшкѣ читать предъявленный мною имъ документъ. Тутъ-же вслѣдъ за мною подѣхалъ другой господинъ, который не имѣлъ никакого документа для свободнаго пропуска. Стража обратилась къ пріѣзжему за документомъ; отвѣтъ послѣдовалъ: „у мене нема ніякои бумаги“—„Ну, то йдите собі съ Богомъ“.

—„Какъ такъ“? обратился я къ стражѣ: „меня задержали съ паспортомъ, а этотъ панъ-безъ паспорта, и его свободно пропускаете“? „Бо у ёго нема чога чытать, то нехай собі йде съ Богомъ“.

Пріѣхавши въ село Лопушню, расположенное на самой границѣ, я остановился въ волости, гдѣ и ночеваль. Ночью слышу шумъ и бѣготню; я соскочилъ съ постели и обратился къ стойчику съ вопросомъ: „что это за бѣготня“? Стойчикъ объяснилъ мнѣ, что ночью пришла бумага отъ становаго, чтобы люди, „хто мае пыки“, шли въ Почаевъ, „бо кажуть, що пидъ Каменемъ (польскій монастырь называется Подкаменемъ, расположенный отъ границы верстахъ въ двухъ, а отъ Почаева неболѣе 9 или 10 верстъ, откуда видѣнъ какъ на ладони) зибралось багацько польскаго вѣйска и хоче идты на Почаивъ“. Впослѣдствіи оказалось, что это была тоже фальшивая тревога. Изъ Лопушни нужно было мнѣ ѣхать въ Старыя Алексѣнцы, принадлежавшіе графу Ржевскому, и служебныя обязанности заставляли меня видѣться съ самимъ помѣщикомъ; но графа я не засталъ дома, почему мнѣ пришлось объясняться съ женою его. Графиня оказалась женщиною очень развитою, съ утонченнымъ воспитаніемъ; но вся бѣда была въ томъ, что по-русски не могла или не желала говорить. Наше объясненіе не поддавалось пониманію ни на одномъ языкѣ. Наконецъ, она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:—„а панъ муви по-хлопску?“ „Хлопскаго языка нѣтъ, а есть языкъ малороссійскій, на которомъ наши крестьяне объясняются и говорятъ“, отвѣчаю ей, „и я его понимаю.—“Ну, то добже, то бендземы мувиць по малороссійску“,—и какъ оказалось, графиня прекрасно владѣла этимъ языкомъ.

На другой день я возвратился въ Почаевъ и остановился въ домѣ еврея Мордка, у котораго останавливались всѣ, какъ

военныя, такъ и гражданскія власти, какъ въ единственномъ чистомъ и порядочномъ домѣ. Мордко сообщилъ мнѣ, что вчера у пристава былъ обыскъ, и его уже арестовали, что по этому дѣлу и его, Мордка, военная комиссія допрашивала. Причина обыска у пристава и ареста его, какъ разсказалъ мнѣ Мордка, человѣкъ всевѣдущій и разбитной малый, была слѣдующая. Еще до повстанія, приставъ одолжилъ одному помѣщику поляку своего стана 2 тыс. р.; а когда вспыхнуло повстаніе, то должникъ панъ перешелъ границу и поступилъ въ одну изъ польскихъ бандъ, сформированныхъ за границею. Приставъ зналъ чрезъ евреевъ, гдѣ находится его должникъ, и по этому поводу велъ съ нимъ переписку, наставляя на возвратѣ ему денегъ. Переписка эта была перехвачена и доставлена полковнику, командиру Селенгинскаго полка Салову, какъ начальнику военно-пограничнаго отряда. Сейчасъ же былъ произведенъ обыскъ, и пристава арестовали; какъ я слышала, его въ скоромъ времени засудили въ Сибирь и чуть ли не въ каторжныя работы.

Возвратившись домой, въ Кременецъ, я засталъ жену въ слезахъ: плакала она вмѣстѣ съ няней, соскучившись по родицѣ, а болѣе всего оттого, что все окружающее—другой народности, съ другимъ, непонятнымъ для нихъ языкомъ. Чиновники уѣздные если и были русскіе, то женаты были на полькахъ, вслѣдствіе чего въ семействахъ преобладалъ польскій языкъ; однимъ словомъ—попали онѣ въ другой міръ по нравамъ, вѣрѣ, языку и политическимъ тенденціямъ. А тутъ еще подвернулся такой случай. Во время моего отсутствія въ Кременцѣ, на военной гауптвахтѣ умеръ содержавшійся по подозрѣнію въ политическихъ польскихъ дѣлахъ православный помѣщикъ Спановскій. Жена, увидѣвши изъ оконъ своей квартиры церковную процессію съ крестами и хоругвями (въ Петербургѣ съ такимъ парадомъ никого не хороняютъ) и немалое количество дамъ, преимущественно польекъ, какъ оказалось впоследствии, ожидавшихъ выноса тѣла, подстрекаемая любопытствомъ, и сама отправилась съ няней туда; но исправникъ, пріѣхавши на мѣсто сборища, разогналъ публику и безперемонно пригрозилъ дамамъ, что если онѣ не разойдутся, то онъ всѣхъ ихъ по-

садить за рѣшетку, а процессіи велѣлъ удалиться. Жена моя была зрительницей, а не участницей въ этой оваціи и нисколько не подозрѣвала, что это была со стороны поляковъ манифестація; однако угроза исправника и безцеремонное обращеніе, чего, конечно, она въ Петербургѣ не видала и не слышала, произвели на нее удручающее впечатлѣніе. Изъ этого она составила себѣ понятіе, что въ этомъ краѣ иного обращенія и не бываетъ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1864 г. я опять переѣхалъ съ семействомъ въ м. Радзивилловъ, во избѣжаніе расходовъ на частые поѣздки, а главное потому, что Радзивилловъ представлялъ колонію русскихъ людей, и семейство мое находило болѣе утѣшенія среди своихъ, чѣмъ въ Кременцѣ. Въ началѣ іюня того же года я отправился въ уѣздъ, на самой границѣ—къ м. Алексѣнцамъ. На пути я заѣхалъ на Ледоховскій постъ къ знакомому мнѣ пограничному офицеру. Постъ находился въ полѣ, на самой границѣ. Гуляя по границѣ, я обратилъ вниманіе на бѣленькую крестьянскую избу на австрійской территоріи, стоящую отъ поста не далѣе полуверсты совершенно особнякомъ въ полѣ. Я спросилъ своего спутника, кто тамъ живетъ. Въмѣсто прямого отвѣта, спутникъ мой пригласилъ меня отправиться къ той избѣ, говоря, что увидимъ тамъ интересный феноменъ. Сначала я не рѣшался переходить границу, изъ опасенія быть задержаннымъ австрійскими властями; но мой знакомый увѣрилъ меня, что этого быть не можетъ, и я рѣшился перейти границу. Вошли мы въ избу и увидѣли старика, сидѣвшаго за работой съ иглой; онъ сейчасъ-же поднялся, сталъ во фронтъ, и въ отвѣтъ на наше привѣтствіе, держа руку по-швамъ, отчетливо отвѣтилъ: „здравія желаемъ ваше благородіе“. Сразу можно было узнать въ старикѣ николаевского солдата: волосы выстрижены на головѣ по-солдатски, сѣдые бакенбарды сливались съ усами, подбородокъ выбритъ, на груди изъ цвѣтной матеріи теплый нагрудникъ. Я спросилъ, въ какомъ онъ полку служилъ, и отвѣтъ послѣдовалъ—въ гренадерскомъ корпусѣ, князя Суворова полку, а стояли то въ Москвѣ, то въ Новгородѣ, а въ Петербургѣ подъ Красное ходили въ лагерь.—„Какъ же ты, старикъ, по-

паль сюда, за границу, ты—русскаго царя воинъ? На заданный мною вопросъ, старикъ сначала пригласилъ насъ усѣсться и началъ свое очень романическое повѣствованіе. „Это было, ваше благородіе, такъ. Я родомъ галичанинъ, изъ ближайшей отсюда деревни; съ малыхъ лѣтъ, будучи мальчуганомъ шустрымъ, проворнымъ и расторопнымъ, попалъ я въ партію контрабандистовъ; сначала посылали меня въ развѣдчики на границу, узвать, какъ и гдѣ расположена пограничная стража, а когда я уже подросъ, то началъ самъ носить контрабанду съ товарищами, а послѣ того, замѣтивъ мою ловкость, пригласили меня въ партію конныхъ контрабандистовъ, и со временемъ я самъ уже былъ вожакомъ партіи. Товары мы доставляли въ Почаевъ, Кременецъ и даже въ г. Дубно, верстъ за 50. Лошадей намъ выбирали что ни есть лучшихъ, выносливыхъ и бѣгуновъ, на случай погони, чтобы возможно было уйти. Въ одинъ пріемъ товары возили партіей человекъ въ двѣнадцать, на десятки тысячъ рублей. Въ партіи моей находились и закордонные крестьяне с. Ледухова. Между нами въ одно время возникъ споръ: не подѣлились, какъ слѣдовало быть, заработанными деньгами, и на меня больше всего озлились Ледуховскіе компаніоны; когда же я сопровождалъ небольшую партію съ контрабандою въ м. Почаевъ, а путь лежалъ черезъ Ледуховъ, то на меня сдѣлали засаду и задержали въ селеніи; контрабанду отобрали, а какъ это было во время рекрутскаго набора, то, недолго думая, заковали меня въ кандалы и на другой день повезли въ пріемъ и сдали въ солдаты за свое общество. Жаловаться я не рѣшился, такъ какъ меня напугали, что если я только пожалуюсь, то меня, какъ пойманнаго съ контрабандою, сошлютъ въ Сибирь. У меня созрѣлъ было планъ бѣжать, но насъ привели къ присягѣ и сейчасъ же отправили съ партіею рекрутъ въ Москву; и чѣмъ дальше мы углублялись внутрь Россіи, тѣмъ побѣгъ мой казался болѣе невозможнымъ. Наконецъ, послѣ долгаго похода, прибыли мы въ Москву, и меня, какъ парня рослаго и здороваго, назначили въ гренадерскій полкъ князя Суворова. Сначала въ полку было мнѣ трудно, но я парень былъ смысленный и усердный къ дѣлу, скоро понялъ службу, и на-

чальство мною было довольно, о побѣгѣ я уже не помышлялъ. На письма къ женѣ не получалъ отвѣтовъ: должно быть, письма не доходили къ ней; а тутъ наступила война венгерская, а послѣ—турецкая. Будучи постоянно въ походахъ и передвиженіяхъ, я мало-по-малу про родину началъ и забывать. Благодаря Бога, 25-ти лѣтній срокъ пробѣжалъ незамѣтно. Получивши отставку, я пожелалъ побывать на родинѣ; хотя и не думалъ застать никого изъ родныхъ въ живыхъ, но меня тянула какая-то невидимая сила, и я желалъ хоть взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ я родился и провелъ свою юность. Прибывши въ с. Ледухово, откуда былъ данъ въ солдаты, я многихъ уже изъ знакомыхъ не засталъ въ живыхъ. Изъ Ледухова нужно было обратиться за границу на свою родину, отстоящую въ 6 верстахъ, но переходить границу я побоялся, такъ какъ я считался уже русскимъ, да еще солдатомъ; въ родное село явиться было небезопасно: могли судить, какъ бѣглеца изъ своей родины. Но большого труда мнѣ не представлялось собрать нужныя для меня свѣдѣнія о родныхъ. Нашелся одинъ изъ крестьянъ, который перешелъ границу ночью и, побывавъ въ моемъ селѣ, въ ту же ночь возвратился обратно съ двоюроднымъ моимъ братомъ. Послѣ долгихъ разспросовъ о родителяхъ, братьяхъ, сестрахъ и женѣ, я узналъ, что почти никого не осталось въ живыхъ, а жена въ скоромъ времени послѣ моей сдачи въ солдаты пошла за кордонъ, т. е. въ Россію, и больше уже не возвращалась. Оставаться въ Ледуховѣ было невозможно: ни родныхъ, ни своихъ, ни кола, ни двора, какъ говорится, своего не было; нужно было искать работы,—я и направился въ м. Радзивиловъ. Сборы были, какъ солдату, не велики; уложивъ въ котомку все свое имущество, я отправился въ путь-дорогу. Подъ Радзивиловымъ нужно было проходить с. Башаровку. Въ Башаровкѣ зашелъ въ корчму отдохнуть, а словоохотливый шинкаръ-еврей началъ разспрашивать меня, откуда я и куда иду; но когда онъ узналъ, что я ищу работы, то предложилъ мнѣ, не согласенъ-ли я буду остаться у мѣстнаго батюшки. „Пишъ старенькій, чоловикъ дуже поцтывый, ихъ тилько двое стариѳовъ, и вамъ тамъ буде добре, абы вы самы были чо-

ловиць працювытый и не пьяныця, якъ хочете, то ходимъ заразъ. Мене батюшка давно просивъ нараять ему чоловика и за те пообицаявъ дать курку на шабасъ“. Нечего было мнѣ долго думать, я согласился, и мы вмѣстѣ съ Янкелемъ отпра- вились къ багюшкѣ. Батюшка, разспросивъ меня, могу-ли я ходить возлѣ хозяйства, велѣлъ остаться, а тамъ посмотрю, • сказала онъ, по твоей работѣ, и послѣ договоримся „на рикъ“. Янкель же былъ очень радъ этому случаю и обратился къ ста- рухѣ-матушкѣ: „я вамъ прививъ хорошого роботника, и вы за те обицалы дать мени курку на шабасъ“.— „Колы обицалы, то и дамо, курки намъ не жалко, абы що путнѣго выйшло съ цего робитника“, и въ тоже время обратилась къ старухѣ-ку- харкѣ съ приказаніемъ, чтобы она поймала курицу и отдала Янкелю. Старуха-кухарка пришла въ негодованіе на Янкеля. „Оце вже“, обращаясь къ матушкѣ, кричала кухарка: „жидюга цей десяту курку бере, а толку все таки нема: ни одного не нараявъ путнѣго чоловика; ему абы курку ухопыть“. Долго старуха ворчала, а все-таки Янкель ушелъ съ курицею, а я остался и принялся за работу по хозяйству. Въ продолженіе двухъ недѣль хозяйство я привелъ въ порядокъ; мальчугана- подростка, смотрѣвшаго за скотиной, я прибралъ въ руки по солдатски и, поощряемый батюшкою, сталъ хозяйничать какъ будто у себя дома. Въ одно время, когда я убиралъ на току смолоченную мною рожь, пришла старуха Марина (такъ звали кухарку) звать на обѣдъ. Я не торопился идти, а она уходитъ, и завязался у насъ разговоръ; она разспросила, откуда я; я ей разсказалъ, откуда я самъ родомъ, какъ сданъ въ солдаты, какъ, вернувшись домой, узналъ отъ двоюроднаго брата, что родители, братья и сестры поумирали, а жена ушла за кордонъ, и никто не знаетъ, куда дѣвалась, а можетъ быть ее уже и на свѣтѣ нѣтъ. Кончивъ разсказъ, слышу и вижу, что Марина рыдаетъ; слезы такъ и льются рѣкой, и, наконецъ, не выдер- жала она да прямо мнѣ въ ноги такъ и упала: „Остапе, мій голубе, я твоя жинка Марына“; проговорила она съвозъ слезы. Тутъ и я уже не выдержалъ, не смотря на то, что солдатъ закаленный, и самъ заплакалъ. Узнавъ объ этомъ, батюшка и

матушка приняли сердечное участіе въ нашей радости, а батюшка (царство ему небесное: хорошій и добрый былъ человѣкъ) сказалъ: „пойдемъ всѣ въ церковь и помолимся Богу, что онъ своею милостію сохранилъ васъ въ живыхъ и на старости вашихъ лѣтъ благословилъ вамъ найти другъ-друга“, и отслужилъ молебенъ Спасителю и Божіей Матери. Итакъ, я съ найденною женою прожилъ у добраго батюшки годъ; жилъ бы и больше, если бы не постигла смерть батюшку-старика. Послѣ этого старуха-матушка уѣхала къ замужней дочери, а мы съ женой начали подумывать, какъ бы сколотить свой уголь. Я хотѣлъ остаться въ Россіи, но жена пытала надежду, что братья ея не откажутъ угнѣвить кусочекъ земли, чтобы построить хатенку на сколоченныя ею за долготѣнную свою службу кой-какія деньжонки. Надежда не обманула ее. Родные жены отвели намъ на своихъ поляхъ, прилегающихъ къ самой границѣ, кусокъ земли, гдѣ мы и построили эту хатенку, а теперь и живемъ, вѣкъ доживаемъ, и, пока силы есть, я работаю, благодаря тому, что въ молодости научился портняжничать, что теперь для меня какъ находка: съ голоду не помремъ и съ сумою не пойдемъ по міру“.

Въ 1864 или 65 г. былъ назначенъ въ Радзивилловскую таможеню нѣкто Пейзенъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, а раньше этого, какъ говорили, былъ учителемъ въ Иркутской гимназіи. П. по службѣ былъ строгъ, но Радзивилловское общество почему-то относилось къ нему сухо, какъ къ человѣку гордому и несообщительному. Польская смута улеглась, и сообщеніе съ заграницею сдѣлалось безопаснымъ. Чиновникамъ, съ разрѣшенія начальства, дозволялось ѣздить за границу, въ Броды за покупками для домашнихъ надобностей. Въ одно время отправился въ Броды Пейзенъ, и въ тотъ же самый день изъ Бродъ начальникъ округа и полиціймейстеръ получили доносъ, что Пейзенъ будетъ везти контрабанду, заключающуюся въ шелковой матеріи. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы при возвратѣ управляющаго П. обыскать его. Дѣйствительно, когда Пейзенъ возвращался обратно, то таможенная прислуга обыскала его экипажъ и кучера, у котораго подъ ар-

мякомъ найдено было два куска шелковой матеріи. Пейзенъ тутъ же оплатилъ найденный товаръ пошлиною и просилъ начальника округа произвести по этому дѣлу дознаніе, такъ какъ онъ матеріи въ Бродахъ не покупалъ. Вслѣдъ за этимъ явился жандармскій офицеръ, который тоже получилъ доносъ изъ Бродъ, что Пейзенъ намѣренъ былъ пропустить на двухъ подводахъ-балагулахъ оружіе для поляковъ, независимо отъ задержанной контрабанды. По дознанію оказалось, что въ Бродахъ какой-то еврей отдалъ кучеру матерію, сказавши ему, что баринъ его велѣлъ спрятать подъ армякъ и отдать ему въ Радзивиловъ. Допрошенъ былъ офицеръ Володковскій, начальникъ отряда, квартирующій на самой пограничной рогаткѣ, и другіе, которые показали, что послѣ проѣзда управляющаго чрезъ рогатку обратно въ Радзивиловъ, дѣйствительно двѣ балагулы пріѣхали изъ Бродъ къ рогаткѣ и сейчасъ же повернули и уѣхали обратно въ Броды. Обстоятельство это надѣлало немало тревоги, но впослѣдствіи выяснилось, что всю эту злую штуку продѣлали евреи за строгій осмотръ товаровъ въ таможднѣ.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1865 г. въ м. Радзивиловъ появился изъ заграницы контрабанднымъ путемъ одинъ цадикъ. Приверженцы его по цѣлымъ днямъ осаждали квартиру своего учителя и апостола. Между евреями оказалась партія, не признающая ученія цадика; пошли между ними религіозные споры, и дошло до поголовной свалки: партія на партію наступила, и учинили общее побоище. Недовольствуясь этимъ, начали бить окна одинъ другому, и чуть не кончилось всеобщимъ погромомъ, если бы въ свое время не прибыла полиція во главѣ съ полиціймейстеромъ маіоромъ Романовымъ. Толпа была разогнана, а цадика, съ помощію противной ему партіи, удалось схватить и посадить за рѣшетку. Защитники цадика, видя себя окончательно побѣжденными и оскорбленными противною партією съ помощію властей, воодушевились еще больше и съ неумѣренною поспѣшностію всею толпою бросились на приступъ, завладѣли полицейскимъ дворомъ и, разломавъ дверь отъ кутузки и схвативъ плѣннаго своего учителя, направились въ мѣстечко, гдѣ и скрыли его до ночи, а ночью передали его за границу также конт-

рабанднымъ путемъ. О поступкѣ этомъ полиціймейстеръ телеграфировалъ губернатору и генераль-губернатору. Генераль-губернаторъ, получивши объ этомъ свѣдѣніе, телеграфировалъ въ Луцкъ, гдѣ расположены были наши войска въ лагеряхъ, чтобы сейчасъ же одинъ баталіонъ пѣхоты былъ командированъ въ Радзивиловъ въ распоряженіе полиціймейстера. Въ тотъ же день отрядъ выступилъ въ походъ. На третій день баталіонъ пѣхоты прибылъ въ Радзивиловъ. Внезапное появленіе солдатъ въ полной походной формѣ смутило евреевъ: „какъ такъ,“ говорили они, „квартирьеровъ не было, а солдаты явились,“ и предчувствовали какую-то для себя бѣду. Полиціймейстеръ же тоже получилъ телеграмму отъ генераль-губернатора, что въ распоряженіе его командированъ баталіонъ солдатъ для военной экзекуціи Радзивиловскому еврейскому обществу, на время, по усмотрѣнію полиціймейстера. Солдаты скоро были разведены по еврейскимъ домамъ, сами не зная, для какой надобности они сюда пришли; но когда узнали, что они присланы для экзекуціи за бунтъ жидовъ, то стали съ евреями безцеремонно обращаться и упрекать ихъ, что они бунтуются противъ царя. „Какого тебѣ рожна нужно? на перинахъ спать, и вздумалъ бунтовать еще! Нѣтъ, братъ! теперь я лягу на перинѣ, а ты поспи по-солдатски—на землѣ,“ говорили солдаты. Евреи не знали, какъ имъ уже угодить; всѣмъ подчивали, угощали виномъ, водкой, кормили до отвала, лишь бы только задобрить и лишь-бы ихъ не называли бунтовщиками противъ царя. Въ продолженіе недѣли солдаты какъ сыръ въ маслѣ катались, но подъ конецъ уже сдѣлалось евреямъ невоготу, и они, собравшись всѣмъ кагаломъ, такъ какъ общее горе помирило враждующія партіи, явились къ полиціймейстеру съ повинною и упросили, чтобы солдатъ перевести на котлы, а они обязались отпускать для солдатъ всѣ съѣстные продукты. Главной причиной было то, что у нихъ наступаетъ праздникъ кущей, и они боялись, что солдаты не дадутъ имъ свободно отпраздновать богослуженіе. Полиціймейстеръ, переговоривъ съ военными властями, порѣшилъ перевести солдатъ на котлы. Объ этомъ отданъ былъ приказъ по баталіону, но солдаты заявили

своимъ ротнымъ командирамъ, что ихъ хорошо кормятъ и что они желаютъ остаться по прежнему на еврейскихъ харчахъ. На другой день поутру велѣно бить тревогу; но предъ этимъ распустили между евреями слухи, что въ Радзивиловъ идутъ еще козаки и артилерія. Евреи, услыхавши тревогу и понимая ея значеніе, такъ какъ имъ еще остался въ свѣжей памяти 63-й годъ, были напуганы до того, что между ними произошло общее смятеніе: кто куда могъ удираль,—кто въ лѣсъ, а кто по крестьянскимъ хатамъ; прятались съ дѣтьми, и едва полиція могла ихъ разувѣрить, что поступокъ ихъ уже прощенъ, а тревогу били для того, чтобы солдатъ перевести на котлы.

Зосимъ Недоборовскій.



ВОСПОМИНАНІЯ ІОСИФА САМЧЕВСКАГО.¹⁾

(1800—1886 г.).

XXXVI.

Директоръ Науменко. — Экзамены въ гимназіи. — Учитель Микульскій. — Качества директора Науменка. — Распоряженія его по гимназіи. — Надзиратели Гиргасъ и Лавида. — Клевета учителя Орловскаго. — Отношеніе Науменка къ чиновникамъ гимназіи. — Взаимное сближеніе наше при Науменкѣ. — Представленіе меня въ директоры. — Выбитіе Науменка.

По прибытіи моемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ я отъ жены моей узналъ, что въ Новгородъ-Сѣверскомъ казначействѣ получена уже бумага о выдачѣ мнѣ пенсіи со времени окончанія 25-ти лѣтней моей службы, что дало мнѣ возможность расплатиться съ долгами, сдѣланными передъ выѣздомъ въ Немировѣ.

На другой день, утромъ, я въ мундирной формѣ явился къ директору Науменку. Онъ принялъ меня совсѣмъ не такъ, какъ Зимовской въ Немировѣ, не съ упреками въ поздней моей явкѣ на службу, а съ выраженіемъ своего удовольствія, что я поспѣлъ къ начавшимся тогда экзаменамъ въ гимназіи. Странное тогда произошло для меня сопоставленіе случайностей: передъ выѣздомъ изъ Немирова я уклонился отъ экзамена по латинскому языку, чтобы не сдѣлаться орудіемъ непріятности преподавателю его; по приѣздѣ-же въ Новгородъ-Сѣверскъ я,

¹⁾ См. „Кіев. Стар.“ 1894 г. № 6.

безъ всякаго моего намѣренія, подалъ поводъ къ непріятности тоже для учителя латинскаго языка. Учитель полякъ Микульскій, получившій образованіе въ бывшемъ Виленскомъ Университетѣ у іезуитовъ, конечно хорошо зналъ латинскій языкъ, но преподавалъ его по методу, не обѣщавшему успѣховъ: вмѣсто того, чтобы заставлятъ учениковъ самостоятельно работать, онъ самъ дѣлалъ имъ переводы въ классѣ, а въ слѣдующій урокъ спрашивалъ ихъ имъ переведенное; вслѣдствіе этого ученики сами не приготавливались къ уроку и, какъ извѣстно было, оставляли латинскія книги въ классѣ. Во время экзамена по латинскому языку я, предсѣдательствуя на немъ, при отвѣтѣ лучшаго изъ учениковъ, Овсѣнка, которому въ списокѣ Микульскимъ поставлено было *пять*, замѣтилъ, что Овсѣнко плохо знаетъ латинскую этимологію, и заставилъ его просклонять мѣстоименіе *ego*, при чемъ онъ отвѣчалъ ошибочно, а такъ какъ это было въ присутствіи его сотоварищей, то я, недоумѣвая, какой ему поставить баллъ, вышелъ въ другой классъ, въ которомъ Науменко производилъ экзамень по законовѣднію (преподававшемуся тогда въ гимназіи), и просилъ его разрѣшить мое недоумѣніе. Науменко велѣлъ мнѣ по окончаніи экзамена оставить одного Овсѣнка въ классѣ, и, окончивъ свой экзамень, пришелъ къ намъ. Овсѣнко вновь былъ проэкзаменованъ и на этотъ разъ также оказался незнающимъ латинской грамматики. Микульскій чрезвычайно сконфузился и говорилъ намъ, что онъ удивляется такому незнанію означеннаго ученика, который, по словамъ его, Микульскаго, всегда отлично отвѣчалъ ему. Поставить соотвѣтственный его отвѣту баллъ значило бы лишить его аттестата, котораго онъ заслуживалъ по всѣмъ другимъ предметамъ; мы поставили ему баллъ три (3). Овсѣнко окончилъ курсъ въ Университетѣ со степенью кандидата и былъ хорошимъ учителемъ математики.

По окончаніи всѣхъ экзаменовъ въ гимназіи, по тогдашнему обычаю, былъ актъ, на которомъ я читалъ годичный отчетъ и списокъ о переводѣ учениковъ въ высшіе классы.

Такъ началъ я мою инспекторскую службу въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, гдѣ и продолжалъ ее спокойно и благо-

получно, благодаря добродушію директора Науменка. И легко мнѣ было служить при немъ, потому что въ Немировѣ я вполне изучил инспекторскую службу, а къ тому же въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи обучались все русскія дѣти; среди учениковъ тогда почти не было поляковъ, и совсѣмъ не было евреевъ; родители смотрѣли на насъ не какъ на приставниковъ изъ чуждой народности, а какъ на воспитателей ихъ дѣтей. Науменко никогда не любилъ подчиненнымъ своимъ высказывать начальническую власть, но постояннымъ наблюденіемъ за исполненіемъ ими своихъ обязанностей предотвращалъ ихъ неисправность по службѣ и въ нужныхъ случаяхъ, съ спокойнымъ видомъ, давалъ имъ свои совѣты, никого не оскорбляя своими замѣчаніями.

Науменко, пріѣхавши въ Новгородъ-Сѣверскъ, занялъ въ гимназіи инспекторскую квартиру, зная, что я буду жить въ своемъ домѣ. Директору тогда отпускалось на наемъ квартиры сто рублей. Чтобы вознаградить меня за занятую имъ квартиру, онъ соотвѣтственно означенной суммѣ ежегодно велѣлъ на свой счетъ давать мнѣ десять сажень дровъ. Для меня было весьма выгодно, что Науменко жилъ въ самой гимназіи: я во всякое время могъ видѣться съ нимъ и совѣщаться по моимъ дѣламъ, отчего не происходило между нами никакого недоразумѣнія.

Науменко любилъ соблюдать чистоту въ зданіи гимназіи, самъ ежедневно осматривалъ всѣ классы, даже корридоры, заставляя служителей исправно убирать ихъ. Въ гимназіи тогда были двѣ залы—въ верхнемъ этажѣ и въ нижнемъ; находившаяся въ верхнемъ этажѣ назначена была только для торжественныхъ собраній и въ обыкновенное время была запираема, чтобы ученики не сорили; зала въ нижнемъ этажѣ была сборная, здѣсь ученики могли собираться и гулять. Отдѣльной комнаты для инспектора въ зданіи гимназіи не было, учителя предъ классами собирались въ комнатѣ возлѣ директорской канцеляріи, а для инспектора и надзирателей стоялъ большой столъ съ креслами въ концѣ верхняго корридора, въ которомъ я всегда могъ видѣть учениковъ, выходящихъ изъ класса, и учителей, входящихъ въ классы. Въ гимназію я всегда пріѣзжалъ около 8 ча-

совъ утра. Въ началѣ уроковъ подавались мнѣ классными старшими записки объ ученикахъ, не пришедшихъ въ классъ, и если означались въ нихъ неприбывшіе по болѣзни, то записки отсылались чрезъ служителя гимназическому лѣкарю, для свидѣтельствванія больныхъ учениковъ, а надзиратель, не дежурившій въ это время въ гимназіи, отправлялся осматривать квартиры учениковъ, не пришедшихъ въ гимназію по неизвѣстной причинѣ, и по осмотрѣ возвращался въ гимназію съ донесеніемъ о томъ, что находилъ въ нихъ ¹⁾).

¹⁾ Въ дополненіе печатаемъ полученныя нами прибавки къ воспоминаніямъ І. А. Самчевскаго, сдѣланныя однимъ изъ его бывшихъ учениковъ. Всѣ послѣдующія добавленія въ выноскахъ принадлежатъ ему-же.

На этомъ «большомъ столѣ съ креслами» надзиратели клали записки учениковъ, «сводившихъ до ихъ свѣдѣнія» о болѣзни. Предъ большой переѣмой эти записки отсылались къ гимназическому врачу Петру Алексѣевичу Зимину; но случалось нерѣдко, что между вторымъ и третьимъ уроками часть записокъ исчезала со стола; исчезали записки обыкновенно учениковъ высшихъ классовъ, которые, такимъ образомъ, освобождались отъ посѣщенія Зимина, и ему приходилось видѣть только дѣйствительно больныхъ учениковъ, но уклонявшихся отъ посѣщенія гимназіи подъ видомъ болѣзни если и приходилось навѣщать Зимину, то такіе случаи были очень рѣдки по отношенію къ ученикамъ высшихъ классовъ. Впрочемъ въ періодъ надзирательства Гиргаса могъ быть такой случай, что, подслушавъ у замочной скважины разговоръ въ квартирѣ, Гиргасъ явился на другой день къ мнимо больному съ врачомъ, не смотря на исчезнувшую со стола записку о болѣзни. Все десятилѣтіе 1850-хъ годовъ гимназическимъ врачомъ былъ П. А. Зиминъ, не имѣвшій, какъ врачъ, никакого авторитета въ городѣ: отъ всѣхъ болѣзней у него было три лѣкарства—касторка, ромашка и горчишники. Ученики знали о его слабыхъ медицинскихъ познаніяхъ и обманывали Зимина самымъ безцеремоннымъ образомъ, зачастую просто глумились надъ нимъ, выдумывая небывалыя болѣзни. Зиминъ, выслушавъ нелѣпное объявленіе ученика о своей болѣзни, осматривалъ языкъ, щупалъ пульсъ, а затѣмъ совѣтовалъ употребить одно изъ любимыхъ имъ лѣкарствъ, увѣряя, что завтра свободно можетъ ученикъ идти въ гимназію.

Науменко каждое утро находился въ своей канцеляріи, занимаясь текущими дѣлами. Всѣ мѣсячныя и годовыя вѣдомости онъ напередъ повѣрялъ самъ и потомъ уже въ другой разъ провѣрялъ ихъ со старшими учителями, составлявшими

Очень рѣдко Зиминъ заявлялъ инспектору о мнимой болѣзни ученика. Въ наше счастливое время (1851—1858 г.) и понятія не было о скарлатинѣ, дифтеритѣ и многихъ иныхъ нынѣ процвѣтающихъ въ гимназіяхъ болѣзняхъ. Въ теченіе означеннаго періода только одинъ ученикъ (Михаилъ Самохваловъ) умеръ, и то въ 1855 году отъ холеры. Никакихъ калошъ мы не знали и, благодаря уличной грязи, зачастую уроки просиживала съ мокрыми ногами. Рѣдко простуживались и зимою, хотя для учениковъ мученіемъ было хожденіе въ большіе морозы въ церковь, на другой отъ гимназіи конецъ города. Въ праздничные дни къ 8 часамъ ученики собирались въ зданіи гимназіи, отсюда попарно вель ихъ надзиратель въ Соборъ; этотъ далекій путь по не расчищенной отъ снѣга улицѣ замораживалъ многихъ, а въ холодномъ Соборѣ, на чугунномъ полу, ученики просто коченѣли отъ стужи, но все это проходило благополучно; тяжкія простуды и болѣзни невѣдомы были ученикамъ того времени.

Въ наше время ученикамъ дозволялось единственное развлеченіе—это игра на площади въ мячъ, въ которой принималъ участіе и Метлинскій. Спектакли впервые явились въ 1858 году. Никакихъ литературныхъ вечеровъ мы не знали. Съ литературными произведеніями мы знакомились только по тѣмъ выдержкамъ или образцамъ, которые помѣщались въ Хрестоматіи Галахова или учебникахъ Копанскаго. Учитель Словесности Терновскій далѣе учебниковъ не двигался. Въ 1854 году былъ назначенъ преподавателемъ Русскаго языка въ низшихъ классахъ извѣстный впоследствии Александръ Ивановичъ Стронинъ. Онъ долженъ былъ заниматься тѣмъ же предметомъ съ учениками 4-го класса, которые только съ 5-го класса начинали слушать Законовѣдѣніе. За этотъ одинъ годъ Стронинъ познакомилъ насъ съ русской литературой на столько, на сколько Терновскій, учитель Словесности, не въ состояніи былъ познакомить и за десять лѣтъ. Всѣми своими знаніями и грамотностью мы исключительно обязаны Александру Ивановичу, отъ него мы получали книги, онъ самъ во время уроковъ очень много читалъ намъ. Первый романъ, который мы въ своей жизни прочитали—это была «Обыкновенная исторія»

тогда педагогическій совѣтъ. Не имѣя надежнаго письмоводителя въ канцеляріи своей, онъ самъ для занятія этой должности образовалъ увольнившагося изъ гимназіи ученика Василя Деленчъ-Ленчевскаго, который и теперь исправляетъ эту должность, усвоивъ основательное знаніе канцелярскаго производства и относящихся къ нему законоположеній. По окончаніи своихъ занятій въ канцеляріи, Науменко обыкновенно приходилъ въ классы, въ которыхъ слушалъ преподаваніе уроковъ. Директоръ и инспекторъ въ то время преподаваніемъ уроковъ въ классахъ не занимались, а наблюдали только за порядкомъ, первый по учебной части, а второй по нравственной, и дѣла имъ по этимъ

Гончарова, получилъ же ее классъ отъ Стронина; массу монологовъ этого романа мы списали и теперь помнимъ слово въ слово, какъ напр.: «мать любить безъ толеу и безъ разбору; богаты-ли вы, красивые, горды, гремятъ-ли ваши дѣла по свѣту, голова старушки трясется отъ радости, она и плачетъ, и смѣется, и шепчетъ: это мой! и т. д.». По своему вліянію на развитіе учениковъ Стронинъ былъ достойнѣйшій сотоварищъ Метлинскаго, жаль только, что вскорѣ онъ былъ переведенъ въ Полтавскую Гимназію.

Прогулки за городъ ученикамъ строго воспрещались, только воровскимъ образомъ можно было отправиться за Десну или въ далекіе овраги, обружающіе прелестный по своему мѣстоположенію городъ. Туда и Гиргасъ боялся забираться, зная, что встрѣча можетъ добромъ не кончиться, если нарвется на компанію мужей. Въ началѣ 1850-хъ годовъ ученики за 25 лѣтъ были не рѣдкость; всѣ они носили за голенищами сапогъ воловьи рога съ нюхательнымъ табакомъ, который и употребляли согласно его назначенію. Странно было видѣть, какъ послѣ словъ Орловскаго: «болванъ! на колѣни!» эти гиганты мгновенно опускались на цѣлый часъ на полъ и смиренно стояли на колѣнахъ. Такого сорта ученики страха не знали, Гиргасъ ихъ побаивался. Былъ однажды такой случай. На площади, что около гимназіи, вдали отъ всякихъ построекъ стояла оставленная по ветхости кладбищенская церковь Св. Юрія; дожди промыли отверстіе, шедшее подъ церковь. Ученики его раскопали болѣе и когда полѣзли туда, то оказалось, что это склепъ, наполненный гробами съ совершенно истлѣвшими трупами, въ числѣ которыхъ былъ трупъ гене-

предметамъ наблюденія было не мало. Въ случаяхъ неприхода учителей на уроки Науменко считалъ бесполезнымъ сводить учениковъ въ одинъ какой-нибудь классъ, гдѣ они мѣшали только преподаванію, и велѣлъ отпускать ихъ на квартиры. Науменко, узнавъ, что незадолго до прибытія его въ Новгородъ-Сѣверскъ, когда ученики толпами бѣжали изъ классовъ, одинъ изъ нихъ упалъ на лѣстницѣ и сломалъ себѣ ногу, распорядился, чтобы по окончаніи уроковъ служитель не звонилъ въ колокольчикъ, а чтобы дежурный надзиратель, за пять минутъ до конца уроковъ, шель въ нижній коридоръ и, начиная съ 1-го класса, выпускалъ учениковъ изъ гимназіи; когда такимъ образомъ надзиратель оканчивалъ выпускъ учениковъ изъ классовъ нижняго этажа, тогда я такимъ-же образомъ выпускалъ ихъ изъ классовъ верхняго этажа; отъ соблюденія такого порядка въ гимназіи, по окончаніи уроковъ, не происходило такого шума, какой обыкновенно бываетъ при одновременномъ выпускѣ учениковъ всѣхъ классовъ по колокольчику.

Въ общей ученической квартирѣ были два особые надзирателя. По окончаніи уроковъ въ гимназіи, я обыкновенно зарала, судя по сохранившемуся въ гробѣ платью. Ученикъ 3 класса Т—й держалъ пари съ ученикомъ Ш—емъ (обоимъ далеко за 20 лѣтъ), на четверть фунта табаку Кріола папа Никола, что въ полночь онъ пойдетъ въ склепъ и напишетъ свою фамилію на гробѣ генерала. Пари состоялся. Когда вышелъ изъ квартиры Т—й, Ш—ъ другой улицей, пробѣжалъ на площадь, влѣзъ въ склепъ, накрылся простыней и сѣлъ на гробъ генерала ожидать Т—аго; тотъ не замедлил придти и, когда приблизился къ Ш—у, послѣдній стремительно летитъ изъ склепа, сталкивается уже на площади, у отверстія, съ Гиргасомъ, который подслушалъ ранѣе эти пари, бьетъ, какъ показалъ впоследствии, отъ испуга немплосердно Гиргаса и летитъ домой. Пари, безъ сомнѣнія, выигралъ Ш—ъ, такъ какъ Т—ый своей фамиліи на гробѣ не написалъ. Вспоминая это давно прошедшее, себѣ не вѣрншь, что жилъ во время оно съ такими богатырями, видѣлъ ихъ и, на одной скамьѣ сидя, слышалъ призывъ: «а ну-ста, расскажи урокъ-ста!» Смиренно поднимается богатырь, ни звука не произносить и смиренно идетъ въ уголь, гдѣ и становится лицомъ къ стѣнѣ, засовывая въ носъ золотникъ нюхательнаго табаку.

ходилъ въ эту квартиру и пробовалъ оставляемую для меня порцію чая и пищи. Науменко часто освобождалъ меня отъ этой обязанности и самъ приходилъ для того же въ общую квартиру.

Частныя ученическія квартиры въ городѣ состояли подъ наблюдениемъ двухъ гимназическихъ надзирателей, и подъ моимъ личнымъ надзоромъ, а иногда посѣщаемы были и самимъ директоромъ. Изъ двухъ гимназическихъ надзирателей, *К. П. Гиргасъ*, отличался своею энергіею и былъ порядочный сыщикъ 1).

1) Константинъ Петровичъ Гиргасъ оставилъ по себѣ недобрую память между учениками гимназіи. Это не былъ воспитатель, обязанный способствовать развитію разумныхъ и нравственныхъ началъ между учащимся; это былъ шпионъ по страсти, могущій стоять ночи гдѣ нибудь за угломъ, за деревомъ, если онъ предполагалъ что тамъ онъ изловить ученика съ папиросою, или увидить и помѣшаетъ свиданію ученика высшаго класса. Иногда Гиргасъ дѣйствительно проставалъ ночи у ставень гимназической квартиры, прислушиваясь къ разговорамъ, приложивъ ухо или глазъ къ скважинѣ съ цѣлю узнать, что говорятъ и что дѣлаютъ ученики въ квартирѣ. Высмотрѣвъ все, Гиргасъ входилъ въ квартиру, облизываясь, точно легавый песъ, садился и издалека начиналъ вести бесѣду о томъ, что онъ все знаетъ, что какъ бы ни были осторожны и скрытны ученики, ему всегда все извѣстно, что о немъ ученики говорятъ, кто его бранить и гдѣ у учениковъ находится все запрещенное. Намерками о томъ, что находится въ данной квартирѣ, онъ доводитъ слушателей до крайняго испуга и наслаждается всеобщимъ смущениемъ и страхомъ въ теченіе часа, или двухъ, а потомъ продолжаетъ: вотъ и здѣсь мнѣ извѣстно, гдѣ у кого лежитъ табакъ и гдѣ у Лисаневича (малый, лѣтъ 23, ученикъ 3-го класса) стоитъ шкаликъ съ лимонной. Послѣ этихъ словъ всѣ столбенѣютъ,—наступаетъ страшная минута. Гиргасъ встаетъ, отодвигаетъ кровать Лисаневича отъ печки, вынимаетъ тщательно придавленный кроватью кирпичъ и вытаскиваетъ изъ отверстія шкаликъ лимонной водки. Затѣмъ Гиргасъ подходитъ къ этажеркѣ съ книгами и внизу подъ послѣдней полкой находитъ табакъ, бумаги и мундштучки изъ очерету. Записавъ все происшедшее въ квартирный журналъ, несмотря ни на какія просьбы и мольбы, Гиргасъ, какъ истый охотникъ, съ добычей возвращается

Наблюдая за учениками, чтобы они не курили (что въ то время сильно преслѣдовалось), онъ нарочно прохаживался по городу; видя какого-нибудь ученика, идущаго въ лавку, Гиргасъ скрывался за нею и при выходѣ ученика изъ лавки осматривалъ его карманы и вынималъ табакъ. Узнавъ о предстоящемъ какомъ-нибудь безпорядкѣ между учениками, наприимѣръ о ночной пирушкѣ, Гиргасъ ночью же являлся въ ихъ квартиру,

домой. (Онъ жилъ на директорскомъ огородѣ въ домикѣ, имѣвшемъ двѣ комнаты, включая сѣни, или переднюю). Очевидно было, что Гиргасъ много часовъ простоялъ у скважины оконной ставни, чтобы высмотрѣть, гдѣ и что спрятано учениками. Самчевскій, говоря о немъ, что это былъ «порядочный сыщикъ», сказалъ мало,—это былъ идеальный шпіонъ по страсти, по призванію, неопѣненный при жизни, такъ какъ онъ попалъ на службу не туда, гдѣ бы ему слѣдовало служить. Доставалось иногда и Гиргасу: стоило только кому либо замѣтить, что онъ ходитъ по ночамъ подслушивать къ извѣстной квартирѣ, тотчасъ собирается облава на Гиргаса, приглашаются мастеровые, сапожники—и Гиргаса подъ видомъ вора поколотятъ. Побой ему наносились осторожно, издалека, палками, которыя бросали въ него. Прекомично окончилась исторія съ Лисаневичемъ. На другой день Гиргасъ обо всемъ доложилъ Самчевскому. Во время перваго урока входитъ О. А. въ третій классъ. «А ну, стерво¹⁾», сказалъ онъ обращаясь къ Лисаневичу, выходи сюда, се ты уже за водку принялся, то тылько нюхавъ и куривъ, а теперь вонъ якъ, ходимъ лишьъ. Это означало приглашеніе внизъ въ сторожку на расправу подъ розги. Проходить полчаса; О. А. является въ классъ съ Лисаневичемъ весь красный отъ смѣха и кричитъ Лисаневичу: покажь, покажь—и заставляетъ Лисаневича показать классу свои штаны. Оказалось, что Лисаневичъ, предвидя розги, продѣлалъ съвозъ петли штановъ замокъ, заперъ его и ключъ оставилъ дома. Приведа въ сторожку и видя, что приказанія «а ну, стерво, ложись» Лисаневичъ не исполняетъ, О. А. велитъ сторожу снять съ него штаны, причемъ обнаруживается, что послѣдніе заперты. Эта штука такъ поразила О. А. что онъ чуть не умеръ отъ смѣха; повелъ Лисаневича къ Науменку, показалъ замокъ директору,

¹⁾ Единственная и любимая ругань О. А., впрочемъ нѣкого особенно неоскорблявшая. Въ глазахъ учениковъ она равносильна была тому, какъ бы онъ сказалъ: а ну, дрянный мальчишка...

какъ снѣгъ на голову, а если ученики спали, зажигалъ спичку и повѣрялъ, всѣ ли они дома.—Однажды дошелъ до меня слухъ,

чуть того не уморилъ, а затѣмъ привелъ въ классъ. Хототь былъ всеобщій, Лисаневичъ сдѣлался героемъ дня. На большой перемѣнѣ Самчевскій показывалъ его учителямъ, интересовавшимся посмотрѣть, какъ это штаны заперты. Въ концѣ концовъ Лисаневичъ былъ на нѣсколько дней посаженъ въ карцеръ въ назиданіе другимъ. Не долго послѣ этой исторіи жилъ Гиргасъ; ходилъ слухъ, что на Воздвиженской улицѣ его такъ избили, что, проболѣвъ нѣкоторое время, онъ отправился ко всеобщей радости учениковъ ad patres. Совершенной противоположностью Гиргасу былъ другой надзиратель Гавріилъ Владиміровичъ Лакида; въ его участкѣ (городъ былъ раздѣленъ на два участка) жилось гимназистамъ спокойнѣе; на куренье учениковъ высшихъ классовъ Лакида смотрѣлъ сквозь пальцы. О шпионствѣ у благороднаго Г. В. и помину не было. Гиргасъ же развивалъ это искусство, приближалъ къ себѣ доносчиковъ, покровительствовалъ имъ и тѣмъ оказывалъ вполне развращающее вліяніе на учениковъ гимназіи. Личность Гиргаса была въ гимназіи такимъ зломъ, которое, какъ всякую нечисть, надо было убрать немедленно, и надо удивляться, какъ такіе почтенные люди, какъ Науменко и Самчевскій, терпѣли Гиргаса до кончины дней его.

Въ 1850-хъ годахъ, кромѣ общей квартиры, ученики селились на двухъ главныхъ улицахъ города и на Воздвиженской, самой любимой улицѣ, наполненной садами. За 30 руб. годовой платы можно было имѣть помѣщеніе со столомъ. Въ комнатѣ помѣщалось столько учениковъ, сколько могло быть поставлено кроватей. Многіе ученики жили на собственныхъ хлѣбахъ; они нанимали комнату съ правомъ варить кушанья въ хозяйской кухнѣ. Такъ напримѣръ, три ученика Василій, Петръ и Георгій Чуйкевичи нанимали въ дворѣ Яковенка за 1 р. въ мѣсяцъ комнату, привозили съ собою изъ села Быстрика, кролевецкаго уѣзда, Горшину съ коровой, съ надлежащей провизіей—мукой, масломъ, саломъ, круной и проч. Горшина въ хозяйской кухнѣ готовила обѣды. При такомъ способѣ содержаніе обходилось еще дешевле 30 р. въ годъ, ибо Горшина была баба своя, крѣпостная, и провизія была тоже своя, непокушная; въ деньгахъ не было никакой надобности. Чаю въ дешевыхъ квартирахъ не знали: поутру давался стаканъ молока съ бубликомъ. На учительскихъ квартирахъ ученики получали стаканъ жидкаго чая съ такимъ же грошовымъ бубликомъ.

что ученики гимназіи, толпою собравшись на одной изъ Новгородъ-Сѣверскихъ горъ, устроили драку съ учениками духовнаго уѣзднаго училища. Я хотѣлъ послать за Гиргасомъ, но онъ самъ явился ко мнѣ съ донесеніемъ, что онъ видѣлъ эту драку, замѣтилъ нѣкоторыхъ учениковъ на мѣстѣ ея, и когда ученики, увидѣвъ его, разбѣжались по своимъ квартирамъ, онъ обошелъ послѣднія и, ощупывая головы учениковъ, по тѣмъ, которыя оказались въ поту, узналъ участниковъ драки; при этомъ онъ представилъ списокъ послѣднихъ, которые были за это наказаны заключеніемъ въ карцеръ и въ классахъ. Объ ученикахъ духовнаго уѣзднаго училища я тогда же далъ знать инспектору этого училища, и съ тѣхъ поръ подобныя драки прекратились. Другой надзиратель—Г. В. Лакида—былъ исправень по службѣ, но не такъ энергичень, какъ Гиргасъ. Съ нимъ случилось слѣдующее, весьма неприятное происшествіе: одинъ изъ учениковъ, замѣченный въ дурной нравственности, когда Лакида, посѣтивъ его квартиру, выходилъ изъ сѣней, спрятался за дверь на скамейкѣ и облилъ его сзади купороснымъ масломъ; къ счастью оно не попало на тѣло, но испортило только шинель Лакиды. За этотъ поступокъ виновный ученикъ былъ исключень изъ гимназіи, а отецъ его заплатилъ Лакидѣ за испорченную шинель.

Къ ученикамъ, въ случаѣ ихъ провинности, Науменко былъ довольно снисходителень¹⁾. Когда я представлялъ ему шалуновъ

1) Кто зналъ директоровъ Невѣрова и Науменка у того они въ памяти совершенно сливаются, такъ они были похожи другъ на друга; оба представляются чрезвычайно добрыми и симпатичными начальниками. Кажется, никто не можетъ сказать, чтобы кто либо изъ нихъ наказалъ ученика. Характеръ ихъ служебной дѣятельности былъ также совершенно одинаковый, и манера говорить и замѣчать у нихъ была одна и таже. Оба были высокаго роста, худощавы, съ медленной походкой и медленной рѣчью; Невѣровъ былъ блондинъ, а Науменко болѣе подходилъ къ брюнету. Не особенно часто являлся въ классы и Павелъ Осиповичъ; входилъ онъ такъ-же, какъ и Невѣровъ, въ сопровожденіи почтительнаго инспектора, такъ-же скоро оставлялъ классъ, спросивъ учителя, о чемъ сегодня урокъ. Всѣ кругомъ гово-

или лѣнливыхъ, онъ обыкновенно говорилъ мнѣ: „побить, побить ихъ надо“, а я по его мимикѣ зналъ, кого должно наказывать, а кого только постращать розгою. По одному случаю такого рода наказанія, я имѣлъ большую неприятность отъ клеветы учителя Орловскаго¹⁾. Въ гимназій учились тогда два сына умершаго

или, что Науменко очень добрый директоръ и ученики этому охотно вѣрили, ибо знали, что П. О. никому никогда зла не дѣлалъ. Какъ въ Черниговѣ преподаваніе учителями своихъ предметовъ шло безъ всякаго вѣдома и надзора директора Невѣрова, точно тоже совершалось и въ Новгородъ-Сѣверской гимназій. Случая не было, чтобы Науменко когда либо пришелъ въ классъ во время урока, прослушалъ преподаваніе учителя и обратилъ бы вниманіе на отвѣты учениковъ. Если бы П. О. не былъ прежде учителемъ гимназій, о чемъ было извѣстно ученикамъ, послѣдніе имѣли полное основаніе думать, что ихъ директоръ ровно ничего не знаетъ, поэтому и уклоняется посѣщать классы. По неволѣ приходится допустить, что въ то время къ директору его начальствомъ были предъявляемы инья, чѣмъ теперь, требованія, что его обязанности были не точно опредѣлены, что канцелярская работа поглощала массу времени, поэтому методъ преподаванія учителями своихъ предметовъ ускользалъ изъ сферы вліянія и надзора директора. Какъ бы то ни было, но мы глубоко уважали Науменка и очень сожалѣли, когда узнали о переводѣ его въ другую гимназію.

¹⁾ Людвигъ Осиповичъ Орловскій былъ учителемъ ариѳметики и геометрій; свои предметы онъ зналъ превосходно, также и объяснялъ свои уроки ученикамъ: «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой». Л. О. являлся въ классъ одѣтымъ по послѣдней модѣ, медленно подходилъ къ доскѣ и тотчасъ объяснялъ слѣдующій урокъ, затѣмъ приказывалъ лучшему по математикѣ ученику повторить все то, что онъ объяснилъ, послѣ чего начиналъ спрашивать предъидущій урокъ. Въ классѣ Орловскаго была всегда мертвая тишина, никто слова не смѣлъ шепнуть своему товарищу. Орловскаго всѣ ученики очень боялись, зная его мстительный характеръ. Въ низшихъ классахъ онъ всегда почти всѣхъ вызывалъ къ доскѣ, и чуть только въ отвѣтѣ ошибка, тотчасъ: «болванъ! на колѣни!» Къ концу урока полъ класса на колѣняхъ окружали каеэдру. Орловскій охотно принималъ къ себѣ на квартиру учениковъ, чѣмъ и пользовались мало способные по математикѣ ученики; Орловскій ихъ никогда не спрашивалъ, ставилъ

Новгородъ-Сѣверскаго аптекаря О., изъ которыхъ одинъ въ особенности отличался лѣнностью и любилъ ходить на охоту, что

въ теченіе года переводныя отмѣтки, а на экзаменѣ они отвѣчали то, что имъ приказано было дома приготовить. Ученикамъ, жившимъ на квартирѣ у Орловскаго, покровительствовалъ и его другъ учитель Физики и Алгебры Леопольдъ Карловичъ Искерскій, замѣчательно умный и симпатичный учитель. Онъ никогда не ставилъ ученикамъ Орловскаго непереводной отмѣтки; бывало, видя, что ученикъ ничего не знаетъ, Л. К. подойдетъ къ доскѣ, объяснить весь урокъ ученику и затѣмъ поставитъ три, тоже онъ дѣлалъ и на экзаменѣ. Многіе ученики брали у Искерскаго уроки по математикѣ; плата была 50 р. въ годъ. Занимался Л. К. чрезвычайно добросовѣстно, и нельзя было не знать его предметовъ. Какъ преподаватели своихъ предметовъ, Орловскій и Искерскій были образцовыми учителями, у нихъ только тотъ не зналъ, кто ничего не хотѣлъ знать, или былъ совершенно неспособнымъ ученикомъ. Самчевскій къ нимъ относился недружелюбно, — вѣроятно онъ вообще не любилъ поляковъ. Искерскій женился на дѣвицѣ Ольденборгеръ, бракъ которой съ Орловскимъ почему то не состоялся, хотя въ городѣ говорили въ свое время о немъ, какъ о вопросѣ рѣшенномъ. Въ январѣ 1858 года Искерскій былъ переведенъ, кажется, въ Ровенскую гимназію, его мѣсто занялъ Илья Гавриловичъ Радкевичъ. Приѣхалъ къ намъ И. Г. совершеннымъ юношей, въ студентской фуражкѣ, лѣтъ повидимому 18, и тотчасъ сталъ съ учениками 7 класса на дружескую ногу, о чемъ мы прежде и мечтать не смѣли. До Радкевича всѣ учителя, кромѣ Метлинскаго, были олимпійскіе боги, страшно было подумать сказать изъ нихъ кому либо слово, въ ихъ присутствіи ученики были безгласны. Радкевичъ явился другомъ, товарищемъ, всѣ бросились къ нему съ распростертыми объятіями, и И. Г. сдѣлался всеобщимъ любимцемъ. При немъ ученики 7 класса впервые, какъ существуетъ гимназія, отправились съ нимъ въ поле на практическія занятія съ астролябіей. Это былъ незабвенный день. Всѣ запаслись на цѣлый день провизіей, взяли даже съ собою нѣсколько бутылокъ церковнаго вина. Сняли мы на планъ нѣсколько участковъ земли и возвратились въ городъ съ заходомъ солнца. Впослѣдствіи мы узнали, что милѣйшему Ильѣ Гавриловичу досталось отъ директора Кулжинскаго за эту прогулку. Кажется, всю бѣду надѣлало церковное вино. Болѣе уже научнаго свойства прогулокъ никогда не было — первый блинъ оказался комомъ.

тогда строго ученикамъ запрещалось; такъ какъ этотъ ученикъ былъ въ четвертомъ классѣ и могъ быть наказанъ розгами только съ согласія матери, то она дала мнѣ отъ себя записку о своемъ согласіи наказать ея сына, если онъ того заслужилъ; сынъ ея при мнѣ : въ присутствіи дежурнаго надзирателя, который всегда въ подобномъ случаѣ при томъ находился, былъ наказанъ розгами. На другой день, когда я пришелъ въ гимназію, надзиратель Лакида разсказалъ мнѣ, что Орловскій говорилъ учителямъ, будто я жестоко наказалъ ученика О., будто мать его показывала окровавленную рубаху наказаннаго сына и хочетъ послать на меня прошеніе попечителю. Пораженный такимъ на меня нареканіемъ, я тотчасъ пошелъ къ Науменку и, разсказавъ ему слова Лакиды, просилъ позволенія подать ему рапортъ съ просьбою разслѣдовать заявленное противъ меня обвиненіе. Павелъ Осиповичъ, не терпѣвшій никакой тревоги въ гимназій, убѣждалъ меня не начинать дѣла такимъ формальнымъ образомъ, говоря, что изслѣдованіе конечно обнаружитъ интригу Орловскаго, и что Бибиковъ, всегда строгій къ полякамъ, непременно отрѣшитъ его отъ службы; при этомъ Науменко просилъ меня ни съ кѣмъ не разговаривать о клеветѣ Орловскаго, чтобы молва о ней не разнеслась по городу и между учениками, и увѣрялъ меня, что время обнаружить клевету и выведетъ правду на чистую воду. Нельзя было не согласиться съ такимъ совѣтомъ благомыслящаго начальника. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени, когда мать наказаннаго ученика пришла ко мнѣ просить о назначеніи ей квартирантовъ изъ учениковъ, я спросилъ ее о ея намѣреніи жаловаться на меня попечителю; она съ изумленіемъ отвѣчала, что совсѣмъ не знаетъ, былъ ли сынъ ея мною наказанъ, что не видала его окровавленной рубахи и не думала на меня жаловаться, что Орловскій, сдѣлавшись женихомъ ея дочери, оставилъ ее и женился на другой дѣвицѣ полькѣ, а теперь хочетъ загладить предъ нею свой безчестный поступокъ безчестною на меня клеветою, выражая свое участіе къ наказанному ея сыну.—Ни Науменко, ни я ничего не говорили Орловскому о его клеветѣ.

Къ службѣ гимназическихъ чиновниковъ директоръ Науменко всегда былъ внимателенъ, ежегодно представлялъ ихъ по очереди къ денежной наградѣ изъ суммы, собираемой за право ученія, что тогда начальствомъ дозволялось.—Законоучителемъ гимназіи былъ въ это время Павелъ Крыловскій, недавно только посвященный въ священники¹⁾. Науменко совѣтовался со

¹⁾ Въ началѣ 1850-хъ годовъ законоучителемъ въ гимназіи былъ Протоіерей Василій Янчевскій. Онъ имѣлъ привычку прибавлять почти что къ каждому слову: «ста». А ну-ста иди-ста отвѣчать чтоль-ста! говаривалъ Янчевскій. Все преподаваніе Закона Божія Янчевскимъ заключалось въ требованіи выдолбить слово въ слово «отсюда и досюда». Такимъ же учителемъ, только безъ «ста», явился въ 1853 году и преемникъ Янчевскаго священникъ Павелъ Алексѣевичъ Крыловскій, мущина высокаго роста, съ громадной рыжей бородой и съ постоянно ругательной фразой на устахъ: «эхъ ты, остолопъ»; за что ученики и окрестили его этой кличкой,—инюго имени онъ не имѣлъ. Какъ и всѣ лица духовнаго званія, Крыловскій пользовался дружбой Самчевскаго; какъ окончившіе духовную академію, они имѣли много общихъ точекъ соприкосновенія. Очень часто, во время большой перемѣны, О. А. приходилъ завтракать къ Крыловскому, домъ котораго былъ вблизи гимназіи; разговоры ихъ всегда вертѣлись около служебныхъ движеній лицъ высшей духовной іерархіи. Крыловскій не умѣлъ составить себѣ надлежащаго положенія въ гимназіи; между учениками онъ пользовался извѣстностью отрицательнаго свойства; въ низшихъ классахъ онъ иногда прибѣгалъ къ собственноручной потасовкѣ. Будучи до сего учителемъ въ бурсѣ, Крыловскій всѣ свои привычки пзвѣстнаго свойства перенесъ и въ гимназію. Заданный урокъ онъ всегда спрашивалъ по книгѣ, поправляя каждое пропущенное, или не такъ сказанное слово, почему ученики предполагали, что по своему предмету онъ ровно ничего не знаетъ; этотъ способъ преподаванія убилъ въ глазахъ учениковъ всякій его авторитетъ. Крыловскій также держалъ у себя въ домѣ и во флигелѣ учениковъ—квартирантовъ, которые пользовались полной свободой; къ нимъ въ комнаты онъ никогда не ходилъ, а надзиратели не имѣли права навѣщать учениковъ, жившихъ на квартирѣ учителей. Флигель помѣщался въ саду, жизнь въ немъ была истиннымъ наслажденіемъ; это была вполне студентская квартира. Здѣсь,

мною, какъ бы намъ упросить архіерея посвятить Крыловскаго въ протоіерейскій санъ, и когда Архіепископъ Павелъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, Науменко и я пришли къ нему въ полной формѣ съ просьбою о томъ; владыка соизволилъ удовлетворить нашу просьбу и поручилъ прибывшему въ то же время архіерею Дамаскину, по пути его въ Кіевъ, посвятить Крыловскаго въ протоіереи. Когда архіепископъ Павелъ выходилъ изъ монастырскаго храма, на пути его шествія въ покои разставленные нами по обѣимъ сторонамъ этого пути гимназисты брали у него благословеніе. Когда мы явились къ владыкѣ за благословеніемъ въ его покояхъ, онъ сказалъ намъ: „вотъ ужъ и видно, что въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи теперь начальники русскіе, православные,“ намекая на поляка Бездона, бывшего прежде Науменка директоромъ; на принесенную нами ему

въ теченіе 1857¹/₂ года процвѣтала игра въ карты между учениками 7 класса, здѣсь устраивались попойки, отсюда предпринимались экскурсіи въ отдаленныя мѣста за городъ, за Десну и очень рѣдко на охоту. Половину флигеля занималъ одинъ изъ учениковъ 7 класса В.; къ нему изъ начальства никто никогда не заглядывалъ, — квартира прикрывалась флагомъ Крыловскаго. Очень многіе, выпуска этого года, игру въ преферансъ и ералашъ знали въ совершенствѣ. Въ Великій постъ 1858 года раза два или три въ недѣлю во флигелѣ Крыловскаго шла шумная и прувеселая игра. Никто изъ насъ впоследствии завзятымъ игрокомъ не вышелъ, эта страсть къ игрѣ окончилась у каждаго еще во время зеленой молодости, — уже въ университетѣ карты были забыты. — Крыловскій не долго былъ законоучителемъ: въ маѣ 1858 года всѣ замѣтили въ немъ большую переменъ; П. А. началъ часто задумываться и цѣлые часы сидѣлъ одинъ на балконѣ въ саду, понутивъ голову. Признаки малѣйшей важности въ немъ исчезли. Если человѣкъ предчувствуетъ ожидающее его несчастіе, то это предчувствіе имѣло полное развитіе въ Крыловскомъ, онъ сталъ для всѣхъ невѣдомымъ какъ бы психически больнымъ человѣкомъ, и дѣйствительно, 9 іюня его видѣли еще физически здоровымъ, а 10 онъ умеръ отъ удара и утромъ лежалъ уже на столѣ, оставивъ жену и пять малолѣтнихъ дѣтей съ самыми скудными средствами къ жизни.

благодарность за посвященіе законоучителя нашего въ протоіереи, онъ съ улыбкою проговорилъ: „да, я спроворилъ“.

Когда оканчивалось данное мнѣ пятилѣтіе на службѣ, Павелъ Осиповичъ, не дожидаясь отъ меня просьбы, самъ предложилъ мнѣ остаться еще на пять лѣтъ на службѣ, и представленіе его о томъ утверждено было попечителемъ.

Гуманнымъ своимъ обращеніемъ со всѣми чиновниками гимназій Павелъ Осиповичъ сообщалъ ихъ между собою, поселялъ между ними взаимное дружелюбіе, и въ праздничное время они собирались другъ у друга. Помню одинъ Рождественскій праздникъ; начиная съ 1-го дня его до 6-го января, мы съ семействами нашими каждый вечеръ собирались сперва у директора, потомъ у меня и далѣе, по взаимному назначенію, у каждаго изъ нашихъ сослуживцевъ, и весело проводили время въ бесѣдахъ, иные въ играхъ, другіе въ танцахъ, заканчивая такое пріятельское собесѣдованіе ужиномъ, предлагаемымъ по средствамъ каждаго.

— Въ лѣтнее ваканціонное время семейство Науменка, вмѣстѣ съ моимъ семействомъ, на лодкахъ, по рѣкѣ Деснѣ пріѣзжали на мой сѣнокосъ, гдѣ весь день проводили подъ открытымъ воздухомъ; косари, убиравшіе тогда сѣно, ловили намъ въ озерѣ рыбу, тутъ же ее варили и угощали насъ, поднося ее вмѣсто блюда на веслѣ; веселонравный надзиратель гимназій Киселевичъ своими забавными рассказами и шутками увеличивалъ нашу веселость. Пріятно вспомнить проводимое такимъ образомъ время!

Отъ веселаго воспоминанія перехожу здѣсь къ печальному. Жена моя, съ молодости привыкшая ко всѣмъ перемѣнамъ погоды, слишкомъ надѣясь на свое здоровье, не берегла его. Однажды въ холодную осеннюю пору, развѣшивая при сильномъ вѣтрѣ бѣлье, она получила такой кашель, отъ котораго уже не могли ее вылѣчить доктора—у нея образовалась чахотка. Прележавши въ постели около пяти мѣсяцевъ, она умерла съ полнымъ сознаніемъ: накануне смерти она сама распредѣлила все нужное для ея погребенія, заказала къ другому дню для насъ кушанья и за часъ предъ своею кончиною просила меня

прочитать надъ нею отходную молитву, послѣ которой поблагодарила меня за всѣ мои о ней попеченія, попросила у меня прощенія въ томъ, что не слушала моихъ совѣтовъ для сохраненія своего здоровья, и простившись со мной и сыновьями, велѣла намъ удалиться спать; черезъ часъ времени мы слышали послѣдній стонъ ея, и войдя, нашли ее уже мертвою. Это случилось въ ночь передъ праздникомъ Рождества Христова. Науменко принялъ самое дружеское участіе въ моемъ горѣ; по его совѣту меньшій сынъ мой Михайль перешелъ изъ Кіевской гимназіи учителемъ въ Новгородъ-Сѣверскъ, чтобы служить мнѣ подпорою въ моемъ несчастіи.

Науменко желалъ предъ концомъ службы своей получить другое мѣсто съ большимъ окладомъ жалованья и, по просьбѣ его о томъ, былъ переведенъ директоромъ въ Бѣлоцерковскую гимназію. Жаль намъ было расстаться съ такимъ благороднымъ начальникомъ; на данномъ ему прощальномъ обѣдѣ мы выразили общую нашу искреннюю признательность и благодарность. Попечитель предписалъ мнѣ исправлять должность директора, и Науменко сдалъ мнѣ все имущество гимназіи въ совершенной цѣлости и исправности. Въ Бѣлоцерковской гимназіи Науменко служилъ съ такимъ же уваженіемъ и любовью къ нему его подчиненныхъ, какъ и въ Новгородъ-Сѣверскѣ; тамошніе сослуживцы, при выходѣ его въ отставку, поднесли ему отъ себя подарокъ. Будучи въ отставкѣ, Павелъ Осиповичъ жилъ въ Кіевѣ, гдѣ воспитывались два сына его, и пользовался тамъ уваженіемъ отъ всѣхъ, его знавшихъ. Когда мнѣ случалось пріѣзжать въ Кіевъ, мы встречались съ нимъ, какъ старые пріятели, и съ удовольствіемъ вспоминали о нашей службѣ въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

(Продолженіе будетъ).

АКАДЕМИЧЕСКІЙ КОМИССАРЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Удивительно!.. Перечитывалъ и перелистывалъ и всѣ новыя и старыя изданія и нигдѣ, даже въ академическомъ словарѣ не встрѣтилъ достопочтеннаго имени Александра Семеныча Дороганѣвскаго, отъ котораго, какъ планеты отъ солнца, многіе ученые, многіе святители россійскіе, будучи воспитанниками академіи, черпали свѣтъ и силу. Александръ Семенычъ съ сороковыхъ и до конца шестидесятыхъ годовъ былъ комиссаромъ Кіевской Духовной Академіи и не мало послужилъ просвѣщенію, раздавая студентамъ для вечернихъ занятій свѣчи и завѣдуя питаніемъ.

Такою непростительную невнимательность со стороны нашихъ лѣтописцевъ къ свѣтилу науки мы объясняемъ лишь скромностью нашего героя, не любившаго выставляться впередъ.

Беру на себя смѣлость пополнить этотъ пробѣлъ въ исторіи замѣчательныхъ людей XIX вѣка описаніемъ хотя нѣкоторыхъ сторонъ жизни Александра Семеныча. Долженъ къ сожалѣнію сознаться, что перо мое слабо для изображенія дѣяній великаго жреца науки; но боги да помогутъ моему намѣренію!

Между бумагами моего покойнаго дѣда—священника Фоки Струтинскаго—я нашель листокъ, озаглавленный: „изъ жизни Александра Семеныча Дороганѣвскаго—комиссара Кіевской Духовной Академіи“, и помѣченный 1852 годомъ. Этотъ листокъ и побудилъ меня описать интересную въ своемъ родѣ жизнь и

дѣянiя челоуѣка, безкорыстно отдавашаго лучшіе свои годы наукѣ. Пусть же этотъ листокъ послужить началомъ моему посильному труду, составивъ двѣ первыя главы настоящаго повѣствованiя.

Авторъ этихъ двухъ главъ жилъ въ одной комнатѣ съ описаннымъ имъ героемъ у своего родственника, архимандрита Димитрія—ректора академіи (впослѣдствіи архіепископа херсонскаго).

• Не лишень интереса случай, обрешій было этотъ драгоценный для меня листокъ, повидимому, на вѣрную гибель, но, какъ нерѣдко бываетъ, этому именно случаю мы и обязаны тѣмъ, что строки эти сохранились и доннѣ.

Написанная на большомъ листѣ бумаги и оставленная на произволь судьбы, рукопись эта очутилась подъ столомъ. Авторъ, видно, не придавалъ ей никакого значенiя, а написалъ только потому, что вообще любилъ что-нибудь писать. Александру Семенычу понадобилась бумага для завертыванiя испеченнаго имъ слоенаго пирога, который онъ посылалъ съ оузіей въ гостинець моему дѣду—священнику с. Гореничь Фокѣ Струтинскому. Не подозрѣвая, что валяющаяся подъ столомъ бумага касается его личности, Александръ Семенычь завернулъ въ нее пирогъ. Мой дѣдъ отличался любознательностію и за отсутствіемъ книгъ и журналовъ, которые въ ту пору, кста-ти сказать, были недоступною для сельскаго священника роскошью, не брезгалъ перечитывать печатную и писанную бумагу, какая попадалась къ нему въ качествѣ обертеи купленныхъ въ городъ предметовъ.

Получивъ пирогъ, дѣдъ не преминулъ прочесть и его засаленную обертеу, да и переписалъ ее въ свой дневникъ. (Выдержки изъ дневника дѣда моего—Фоки Струтинскаго были помѣщены на страницахъ журнала „Древняя и Новая Россiя“ за 1880 годъ въ 5, 6 и 7 книжкахъ подъ заглавіемъ „Дневникъ священника“. Подлинный дневникъ составляетъ девять большихъ томовъ и обнимаетъ собою время съ 1829 по 1854 г.). Въ этомъ дневникѣ часто встрѣчается имя нашего героя. А такъ какъ дальнѣйшія дѣянiя его происходили почти у меня

на глазахъ, то я и почелъ своей священной обязанностію повѣдать о подвигахъ великаго человѣка въ назиданіе потомству.

ГЛАВА I.

О томъ, кто у насъ комиссаръ ¹⁾.

Комиссаръ у насъ Александръ Семенычъ, а у послушниковъ Братскаго монастыря извѣстенъ просто подъ именемъ „Семенычъ“; студенты Академіи дали ему почему-то прозвище „Пентефрій“; въ училищѣ отъ преподавателя латинскаго языка онъ получилъ названіе „Сало“, а у эконома Академіи получилъ самое точное и вѣрное названіе „Кабанъ“, или дружеское „Кабаша“. Съ этимъ послѣднимъ остается онъ и до-нынѣ.

Изъ него можетъ выйти очень многое: преизряднѣйшій угодникъ Бахуса, почитатель Минервы, поклонникъ Венеры, отчаянный сибаритъ, эпикуреецъ, послѣдователь Діогена касательно излишества одежды, когда онъ, Александръ Семенычъ, въ жаркое время лѣта отправлялся нагишемъ чрезъ все село на рѣчку купаться.

Смотря по таковымъ рѣдкимъ свойствамъ, онъ человѣкъ выше своего вѣка и только жертвуетъ собою для блага міра ученаго, занимая такую обыкновенную должность. У него вездѣ и во всемъ видно стремленіе къ высшему, идеальному. Начиная съ манишки, отличающейся длинными выше ушей воротничками, плотно обхватывающими толстую шею Александра Семеныча, въ которой заключается богатырская глотка, все, рѣшительно все въ немъ носитъ характеръ необыкновеннаго величія. Ротъ нашего героя свободно вмѣщаетъ въ себѣ половину пятикопѣечной булки, оставляя при этомъ довольно мѣста для десятка крѣпкихъ словъ, необходимыхъ для вразумленія неисправныхъ служителей. Ничуть не меньше, если еще не больше, достойны удивленія бѣгающіе глазки Семеныча. Это какая-то музыка, не поддающаяся никакому описанію. Главнымъ же украшеніемъ величественной фигуры Семеныча служить безъ сомнѣ-

¹⁾ Изъ лѣстка, помѣченнаго 1852 г.

нія его идеальный носъ, который, подобно зеркалу, отражаетъ всё ощущенія благородной души нашего героя. Въ минуту гнѣва носъ его задирается кверху, уступая поле брани оскаленнымъ зубамъ. Конфузится ли Семенычъ,—а это случается, когда его хвалятъ или благодарятъ,—носъ его виляетъ направо и налево, словно ищетъ выхода изъ неловкаго состоянія. Тщетно Семенычъ старается его успокоить, придавая ему при помощи двухъ пальцевъ правильное положеніе. Попробуйте удерживать въ спокойномъ состояніи хвостъ вашей вѣрной собаки, встрѣчающейся съ вами послѣ нѣкоторой разлуки! Да простить мнѣ герой за такое свободное сравненіе...

Для полноты описанія внѣшности нашего героя слѣдуетъ упомянуть, что ростъ его выше средняго, то есть именно такой, какой необходимъ комиссару для внушенія страха и почтенія къ его особѣ со стороны непокорныхъ служителей, которые могутъ быть совершенно различнаго роста. Вѣдь смѣшно бываетъ глядѣть со стороны, какъ маленькаго роста начальникъ, обуреваемый гнѣвомъ, подскакивая, старается достать до ланитъ своего подчиненнаго, челоуѣка очень высокаго роста. Относительно Семеныча мы должны сознаться, что „лазить по мордасамъ“ было не въ его характерѣ. Къ такой мѣрѣ, и то только для поддержанія дисциплины, онъ прибѣгалъ чрезвычайно рѣдко; обыкновенно же ограничивался тѣмъ, что къ носу провинившаго поднесетъ свой богатырскій кулакъ,—повюхай, моль... Запахъ кулака на служителей производилъ благотворное дѣйствіе; вкусъ же его приходилось отвѣдывать только пьяницамъ, коимъ отъ Семеныча не было пощады. Будучи и самъ угодникъ Бахуса, Семенычъ посвящалъ ему только совершенно свободное отъ занятій и службы время.

ГЛАВА II.

О происхожденіи Комиссара.

Родился нашъ герой отъ благочестивыхъ родителей въ 1820 году и по желанію отца его—діакона одной изъ подоль-

скихъ г. Кіева церковей—нареченъ Александромъ. Отецъ его былъ строгъ и не разъ потягалъ сына полѣномъ, желая усовершенствовать на диво стаченный образъ.

Въ дѣтствѣ любимымъ занятіемъ нашего героя было катанье съ горы Киселевки (нынѣ Флоровской) зимой на салазкахъ, а лѣтомъ на соломѣ, а также пусканіе бумажныхъ змѣй, кои онъ дѣлалъ весьма искусно. Это послѣднее, повидимому невинное, занятіе было причиною большого переполоха въ городѣ.

Дѣло въ томъ, что маленькій Семенычъ въ одну темную, довольно вѣтреную ночь пустилъ большого змѣя съ прицѣпленнымъ къ нему фонаремъ, въ которомъ горѣла свѣча. Кіевляне, не привыкшіе еще къ уличному освѣщенію города, а тѣмъ болѣе къ такому необыкновенному, сильно взбудоражились. Чины полиціи и пожарной команды забили тревогу. Не успокоились даже тогда, когда убѣдились, что свѣтъ исходитъ отъ фонаря, привѣшеннаго къ бумажному змѣю, о чемъ легко было догадаться по знакомому всѣмъ змѣиному гудку. У всѣхъ былъ въ памяти громаднѣйшій пожаръ 1811 года, истребившій почти весь Подоль, а потому тотчасъ же принялись за строжайшіе розыски дерзкаго новатора, но конечно не нашли виновнаго. Семенычъ черезъ своихъ братьевъ былъ извѣщенъ, что его затѣя произвела въ городѣ большой переполохъ, а потому привязалъ къ дереву шнурокъ отъ летающаго змѣя; самъ же по возвращеніи домой благоразумно скрылся на чердакѣ, гдѣ высидѣлъ 3 дня, такъ какъ тѣ же братья сообщили ему, что отецъ догадывается, чьи это штуки, и собирается отдуть юнаго просвѣтителя тьмы. Добрая мамуня тайкомъ отъ отца посылала на чердакъ любимчику своему пищу. А за три дня отцовскій гнѣвъ остылъ.

Уже изъ этого незначительнаго случая видно, что Александръ Семенычъ съ юныхъ лѣтъ призванъ къ просвѣтительской дѣятельности, но въ то время невѣжественные кіевляне, погрязавшіе во тьмѣ, его не оцѣнили. Это общая участь всѣхъ великихъ открытій.

Когда Семенычу было пятнадцать лѣтъ, онъ первый разъ надѣлъ штаны, ибо почувствовалъ себя неловко, катаясь съ мальчи-

ками по зимнимъ вечерамъ съ горы. Не удивляйтесь, что онъ до пятнадцати лѣтъ прожилъ безъ штановъ. Въ первой четверти настоящаго вѣка нерѣдко бывали примѣры, что молодые люди до самой свадьбы обходились безъ штановъ. Это доказываетъ только то, что въ старину нравы молодыхъ людей были чище и что имъ нечего было стыдиться. Прародители наши Адамъ и Ева до своего грѣхопадѣнія не чувствовали наготы.

И такъ, Семенычъ въ пятнадцать лѣтъ первый разъ надѣлъ штаны. Когда увидѣли, что онъ привыкъ къ штанамъ, его отдали въ Кіево-подольскую бурсу. Вотъ здѣсь уже вполнѣ открылся геній юнаго Семеныча, съ одной стороны, въ неподражаемой ловкости сѣчь учениковъ, которые не повыучивали своихъ уроковъ, за каковую добродѣтель онъ прибрѣлъ почетное званіе класснаго цензора, а съ нимъ и то право, что его самого не сѣкли; а съ другой стороны...¹⁾ въ умѣнїи пользоваться выгодами своего цензорскаго положенія, не накликаая на себя непріятностей.

Поставленный въ необходимость сѣчь своихъ товарищей и записывать ихъ проступки, Семенычъ могъ только вселить ненависть къ себѣ ихъ,—повидимому такъ, но на дѣлѣ вышло наоборотъ: его любили всѣ товарищи. Въ такомъ случаѣ другая сторона—педагогическій синклить былъ-ли доволенъ такимъ цензоромъ? Да, вполнѣ доволенъ. Это былъ образцовый цензоръ. Какъ сумѣлъ онъ примирить интересы обѣихъ вѣчно враждующихъ между собою сторонъ—учителей и учениковъ, объ этомъ читатели узнаютъ изъ слѣдующей главы.

Вскорѣ по опредѣленїи Семеныча въ училище отецъ его скончался.

ГЛАВА III.

Дореформенная бурса и начало служенія нашего героя Минервѣ.

Въ старое доброе время въ бурсѣ не было ни надзирателей, ни классныхъ наставниковъ, ни воспитателей; не смотря

¹⁾ На этомъ и обрывается найденная мною рукопись 1852 г.

на это, контроль надъ учениками былъ гораздо строже, чѣмъ въ любой изъ нынѣшнихъ гимназій. Въ каждомъ классѣ старой бурсы было около ста учениковъ, и они по успѣхамъ въ наукахъ раздѣлялись да три разряда. Ученикамъ перваго разряда, какъ лучшимъ, ввѣрялось выслушиваніе уроковъ у своихъ товарищей низшихъ разрядовъ. Аудиторы—такъ называли перво-разрядниковъ—въ свою очередь выслушивались другъ у друга. Результаты выслушиваній отмѣчались въ классномъ журналѣ, носившемъ характерное названіе *эrrаты* (отъ егго—грѣшу, ошибаюсь), впоследствии передѣланное въ *иратки* (вѣроятно отъ іга—грѣвъ). Отмѣтки же свои аудиторы дѣлали не цифровыми баллами, на что имѣли право лишь учителя, а сокращенными латинскими словами: ег. (егgavit)—ошибался, nt (non tota)—не все, nsc (nescit)—незнаетъ.

Благодаря такому мудрому порядку, ни одинъ ученикъ не могъ скрыть ни одного даже самомалѣйшаго грѣшка противъ науки.

Какъ въ книгѣ живота отмѣченъ каждый шагъ человѣка, такъ и въ эрратахъ отмѣчалось всякое отступленіе отъ заданнаго урока. Грозному судьѣ-учителю оставалось только взглянуть въ эрраты и, сообразно аудиторской отмѣткѣ, назначить каждому виновному количество ударовъ розгой, кои немедленно тутъ же у порога цензоръ и отсчитывалъ полностью.

Цензоръ—важная птица въ классѣ. Это блюститель чистоты, порядка и тишины, хранитель мѣлу и розги и, что главнѣе всего, исполнитель кары надъ преступными товарищами. Въ виду того, что на обязанности цензора лежали: наблюденіе за порядкомъ и чистотою въ классѣ, записываніе въ журналъ неявившихся, удравшихъ, заболѣвшихъ, нарушавшихъ до прихода учителя тишину и спокойствіе класса, переключка, сѣкунція, добываніе мѣлу, розгъ, линейки, чернилъ и перьевъ для учителя и проч. и проч.,—то ему не ставился въ вину неуспѣхъ въ наукахъ. Цензоръ могъ не слушать, что рассказываетъ въ классѣ учитель, и зѣвать по сторонамъ. Это его право, это его даже обязанность, такъ какъ, зѣвая по сторонамъ, онъ подмѣчаетъ всякія нарушенія класснаго порядка.

Возможно ли было требовать отъ цензора, что бы онъ успѣвалъ и въ наукахъ? Поэтому рѣдкій изъ цензоровъ оканчивалъ курсъ не только семинаріи, но даже и училища.

За розгами цензора Кіево-подольской бурсы отправлялись за Днѣпръ въ лозы; мѣлъ крали съ плотовъ; чернила же сами готовили изъ чернильныхъ орѣховъ и квасцовъ. На пріобрѣтеніе мѣла и чернилъ въ бурсѣ былъ установленъ традиціонный послѣрождественскій сборъ по три коп. съ ученика.

Такъ какъ совершенства въ мірѣ нѣтъ, то даже и при такой мудрой организаціи контроля надъ знаніемъ уроковъ и поведеніемъ учениковъ встрѣчались несправедливости. При помощи булки или иной снѣди, преподнесенной аудитору или цензору, виновные избѣгали заслуженнаго наказанія.

Извѣстно, что человѣческой контроль въ разсужденіи непогрѣшимости всегда и вездѣ хромалъ, хромаетъ и будетъ хромать, потому, главнымъ образомъ, что въ человѣкѣ сидитъ желудокъ. Человѣчество давно уже сознало свою несостоятельность въ борьбѣ съ желудкомъ и давно уже трудится надъ изобрѣтеніемъ всевозможныхъ механическихъ счетчиковъ, контрольныхъ снарядовъ и проч. для провѣрки дѣйствій. Эта же слабая сторона человѣчества, то есть зависимость его отъ желудка, была извѣстна и бурсацкимъ учителямъ, а потому они не очень то довѣряли аудиторскимъ отмѣткамъ.

По окончаніи сѣкуціи надъ тѣми изъ учениковъ, которые имѣли въ эрратахъ отмѣтки er, nt, nsc, если времени до звонка оставалось довольно, учитель вызывалъ и спрашивалъ наиболѣе слабыхъ, но отмѣченныхъ въ эрратахъ знающими. Горе было аудитору, если вызванный срѣзывался! За несправедливую отмѣтку въ эрратахъ аудитору отсчитывалась „у порога“ двойная порція.

Изъ этого можете заключить, какому страшному риску подвергался аудиторъ, удовлетворяя требованію голоднаго желудка!

Но возвратимся къ нашему герою. Хотя люди привыкли видѣть въ исполнительѣ правосудія бездушнаго и безчеловѣчнаго изверга, но отнюдь не слѣдуетъ думать, что Семенычъ, по волѣ судебъ назначенный палачемъ, былъ таковымъ. Напротивъ, о его безграничномъ великодушіи свидѣтельствовали всѣ тѣ,

кого неумолимый рокъ приводилъ „къ порогу.“ Пользуясь отдаленностью „порога“ отъ учительской резиденціи въ классѣ—кафедры, цензоръ при нѣкоторой умѣлости могъ ослаблять истязательное дѣйствіе розги. Управляемая опытной рукою Семеныча, розга со свистомъ газсѣкаетъ воздухъ и яростно опускается на ватную, грубую одежду преступника, минуя обнаженное тѣло. Въ довершеніе же иллюзіи преступный бурсакъ, безчувственную одежду коего наказуютъ, неистово реветъ:

— Ой, не буду! ей Богу не буду!

— Такъ, такъ его; хорошенько!—подбодряетъ учитель, не подозрѣвающій обмана.

Послѣ такой полезной гимнастики, возбуждающей аппетитъ, Семенычъ и его признательные кліенты усаживаются на мѣста и принимаются за блины, коими предусмотрительныя матери снабдили своихъ любимцевъ, уложивъ блины между листами засаленной псалтыри.

Во время провѣрки, которая для аудиторовъ, равно какъ и ихъ кліентовъ, рѣдко оканчивалась благополучно, когда въ классѣ раздается грозное „къ порогу!“,—Семенычъ, державшій за секунду до этого въ обѣихъ рукахъ по блину, стоитъ уже у порога съ розгой. Куда онъ успѣлъ дѣвать блины—неизвѣстно. Многіе считали Семеныча магомъ и волшебникомъ, владѣвшимъ тайной превращать блинъ въ розгу, но мы думаемъ, что волшебства не было, а быстрое превращеніе блиновъ въ розгу объясняется присущимъ одному лишь Семенычу феноменальнымъ проворствомъ.

Послѣ учительскаго восклицанія „къ порогу“, медленно подходит къ Семенычу бурсакъ, еще медленнѣе разстегиваетъ пуговицы своей одежды, въ коей одинъ изъ кармановъ, сильно оттопырившійся, общаетъ аппетиту Семеныча нѣкое удовольствіе, спускаетъ съ попружки (пояса) штанишки, ложится ничкомъ на полъ, довѣрчиво предоставляя себя на благоусмотрѣніе великодушнаго Семеныча. Снова для героя нашего полезная въ смыслѣ возбужденія аппетита гимнастика—и въ результатѣ къ недоѣденнымъ блинамъ является кусокъ сала.

Послѣ обѣда, когда ученики зубрили латинскую грамматику, Семенычъ не терялъ времени бесплодно, а, по изготовленіи нужнаго количества свѣжихъ розгъ, отправлялся на кухню чистить картофель, крошить капусту, нарѣзать порціи хлѣба на ужинъ. Въ этихъ полезныхъ занятіяхъ нашъ герой достигъ необыкновенныхъ успѣховъ, стяжавшихъ ему похвалу, признательность и уваженіе бурсацкаго повара и лучшіе куски, а впоследствии мировую извѣстность.

Благодаря такому разумному распоряженію своими досугами, а также толковому и умѣлому обхожденію съ педагогическимъ пособіемъ добраго стараго времени, сирѣчь розгой, Семенычъ вполне оправдалъ на себѣ извѣстный стихъ: „науки юношей питають“..... и, вмѣстѣ съ прекраснымъ воспитаніемъ, получилъ отъ учителя латинскаго языка кличку „Сало“, данную ему за его лоснящуюся отъ жиру фізіономію.

ГЛАВА IV.

Повѣствующая объ окончаніи образованія нашего героя и о вступленіи его въ высшій храмъ Минервы.

Какими бы совершенствами вы ни обладали, людская несправедливость не минуетъ васъ. По прояскамъ бурсацкаго инспектора И. А. Демченка, котораго старшій братъ Семеныча сдѣлалъ на вѣки калѣкою, пустивъ ему въ ноги во время вечерняго обхода полѣно, нашъ герой изъ второго класса вынужденъ былъ оставить училище. Черезъ недѣлю онъ поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію.

Вотъ какъ это случилось. Всякій, я думаю, знаетъ, что значить имѣть хорошую протекцію. У Семеныча былъ дядя ризничимъ въ Братскомъ монастырѣ, въ оградѣ котораго находится и Кіевская Духовная Академія. Отецъ Исаія,—такъ звали дядю,—былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ академическимъ экономомъ и упросилъ послѣдняго дать племяннику какое-нибудь мѣсто въ его вѣдомствѣ. Нечего и говорить, что отецъ эконома остался весьма доволенъ своимъ новымъ подчиненнымъ.

Для испытанія поручили Семенычу нарѣзать около двухсотъ порцій хлѣба. Не прошло и пяти минутъ, какъ всѣ порціи, аккуратно нарѣзанныя, красиво разложены были на студенческихъ столахъ. Каково же было удивленіе эконома и поваровъ, когда Семенычъ показалъ имъ свое искусство въ чисткѣ картофеля и крошкѣ лапши.

За такія добродѣтели Семенычъ, не въ примѣръ прочимъ, опредѣленъ былъ сразу *столовымъ* при академической кухнѣ съ правомъ покрикивать на служителей.

Вскорѣ Семенычъ свелъ знакомство съ мальчиками академическаго хора, которыхъ поражалъ необыкновенной быстротой своихъ дѣйствій, взимая за то съ нихъ контрибуцію въ видѣ выигранныхъ пари.

Когда въ Академію навезли для просола огурцовъ, Семенычъ предложилъ пѣвчукамъ слѣдующее пари: трое изъ нихъ станутъ очищать огурцы, а Семенычъ тутъ же вслѣдъ долженъ уплетать ихъ, и наоборотъ: Семенычъ одинъ беретъ снабжать ихъ всѣхъ троихъ очищенными огурцами, какъ бы скоро они ни уплетали ихъ.

Не смотря на такое громадное неравенство, побѣда осталась за Семенычемъ. Въ первомъ случаѣ трое, какъ ни торопились чистить огурцы, не могли угоняться за проворно дѣйствовавшими челюстями Семеныча, и ему приходилось ждать; а во второмъ—трое не въ состояніи были справляться съ очищаемыми Семенычемъ огурцами; какъ они ни старались быстро уплетать, а горка предъ ними все росла.

А вотъ другой опытъ съ вишнями. Обѣдали мы какъ-то шестеромъ; подали двѣ тарелки вишенъ. Придвинувъ къ себѣ одну тарелку, Семенычъ предложилъ намъ:

— А ну, кто скорѣй справится съ вишнями—я одинъ, или вы всѣ пятеро? но съ условіемъ класть въ ротъ по одной ягодѣ.

Что же вы думаете? Семенычъ раньше насъ управился съ своей тарелкой. Онъ пальцами обѣихъ рукъ бралъ по одной ягодѣ и подбрасывалъ себѣ въ ротъ, при этомъ ни одна ягода не пролетѣла мимо рта.

Изъ всего этого можете заключить, какое сокровище приобрѣла Академія въ лицѣ нашего героя.

ГЛАВА V.

Семенычъ на службѣ у ректора Академіи и нѣсколько словъ о ректорѣ архимандр. Димитріѣ.

Понятно, что необыкновенные таланты нашего героя, пока онъ занималъ скромную должность столоваго, не могли развернуться во всемъ своемъ блескѣ. Геній его требовалъ большаго простора, и вотъ фортуна, чтобы выдвинуть его, указала ему путь управителя ректорскаго хозяйства.

Эта отличающаяся непостоянствомъ богиня заинтересовалась Семенычемъ, хотя нельзя сказать, чтобы баловала его; напротивъ, часто, вѣроятно по своей вѣтренности, строила ему такія закорючки, что каждый только руками разводилъ. Другой бы при этомъ голову потерялъ или запилъ бы, но Александръ Семенычъ ни головы не терялъ, ни зацивалъ, хотя для борьбы противъ козней злой богини и пальцемъ ни разу не шевельнулъ. Только „въ минуты жизни трудныя,“ продолжавшіяся иногда по нѣсколько лѣтъ, нашъ герой ложился и засыпалъ, предоставляя времени улаживать свои дѣла. Выведенная изъ терпѣнія такой невозмутимостью нашего героя, фортуна сама первая подаетъ ему руку примиренія и возвращаетъ то, что сама же и отняла.

Изъ академической столовой Александръ Семенычъ переселился въ ректорскіе апартаменты и принялъ бразды правленія, какъ ректорскимъ хозяйствомъ, такъ и массой просителей, которые обращались къ отцу ректору, извѣстному милостыне-раздавателю.

Ректоръ этотъ былъ архимандритъ Димитрій (Муретовъ),—впослѣдствіи архіепископъ Херсонскій. Его помнитъ вся Россія за его необыкновенную отзывчивость къ нуждамъ человѣческимъ; при этомъ онъ былъ крайне неразсчетливъ. Получая сравнительно большое содержаніе отъ Академіи и, какъ настоятель,

отъ Братскаго монастыря, Димитрій не только не собралъ ничего, но нерѣдко на другой же день по полученіи жалованья нуждался въ нѣсколькихъ рубляхъ. Его великой душѣ былъ совершенно чуждъ какой-бы то ни было расчетъ; онъ давалъ, не вѣдая кому даетъ, на что даетъ и сколько даетъ; онъ отдавалъ все. Объ отказѣ не было и помину, потому что Семенычъ вполне раздѣлялъ взглядъ на этотъ предметъ своего патрона, который говорилъ:

— Если просить кто, стало быть очень нуждается—и ему необходимо дать.

Потому-то Семенычъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ докладывалъ отцу ректору о каждомъ, рѣшительно каждомъ просителѣ.

Такъ какъ въ распоряженіи отца ректора часто не было ни копѣйки, то для удовлетворенія просителей онъ долженъ былъ частенько прибѣгать къ займамъ. Займы эти производились чрезъ посредство Семеныча у монастырскаго эконома или другого кого и были такъ значительны, что едва-едва прикрывались слѣдуемой настоятелю изъ монастырскаго кружки долей. Въ рѣдкихъ случаяхъ кое-что наличностью попадало къ отцу ректору въ его краснаго дерева конторку ¹⁾, которая никогда не запиралась и изъ которой мальчуганы пѣвчіе таскали деньги.

Когда кто-то замѣтилъ отцу Димитрію, что деньги слѣдуетъ запирать, онъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вѣдь деньги въ настоящее время, какъ вода и воздухъ, всякому нужны, даже дѣтямъ нужны. Могу ли я запирать то, что каждому нужно?

Вотъ въ какой сферѣ образовывался характеръ и наклонности нашего героя, эпикурейца и отчаяннаго сибарита, какъ рекомендовалъ его авторъ первыхъ двухъ главъ. Куда же дѣвались въ немъ эти качества самаго черстваго эгоизма? Уступили мѣсто тѣмъ качествамъ, коими прославился милостивый архипастырь Димитрій, къ которому и вернемся.

¹⁾ Эта знаменитая конторка находится у автора.

Уѣзжая на епископство въ Тулу, преосвященный Димитрій по пути роздалъ всѣ имѣвшіяся при немъ деньги; и только счастливая случайность—встрѣча его съ знакомымъ протоіереемъ—вывела его изъ критическаго положенія путешественника безъ денегъ...

При управленіи преосвященнымъ Димитріемъ Волынской епархіей, богатой архіерейскими доходами, онъ не переставалъ нуждаться, и по смерти его (1883 г.), кромѣ двухъ рясъ, у него ничего не осталось.

ГЛАВА VI.

Способъ Семеныча добывать деньги; мечь его эконому и пожалованіе съ рукъ Семеныча наперсныхъ крестовъ.

Впродолженіе семилѣтней службы у ректора Семенычъ усвоилъ себѣ такой же духъ милосердія, какимъ отличался и его любвеобильный хозяинъ—архимандр. Димитрій. Впослѣдствіи, будучи комиссаромъ, и даже до самой глубокой старости, онъ старался быть подражателемъ архипастыря. Но не даромъ говоритъ пословица: *quod licet Jovi, non licet bovi*, въ вольномъ же переводѣ: — что возможно было ректору съ его содержаніемъ, то не подь силу комиссару съ 60 руб. годоваго жалованья.

Вмѣстѣ съ любовью помогать ближнему Семенычъ унаслѣдовалъ отъ своего патрона и его неразсчетливость. Но что ректору ставилось въ заслугу и возвышало его въ глазахъ народа, то у комиссара выходило порокомъ, и практичные люди, а такихъ на свѣтѣ большинство, называли его безразсуднымъ расточителемъ. И они правы: вмѣсто того, чтобы на старости лѣтъ пользоваться покоемъ и плодами трудовъ своихъ, Семенычъ въ шестьдесятъ лѣтъ вынужденъ былъ приняться за самый непріятный и неблагодарный трудъ—веденіе подворной книги, гдѣ въ графѣ о занятіяхъ противъ своей фамиліи отмѣтилъ: „*по старости лѣтъ голодаю.*“ Не правда-ли много сказано въ этихъ четырехъ словахъ? Но я забѣгаю впередъ.

Если академическіе пѣвуки пользовались изъ ректорской конторки, какъ изъ своихъ кармановъ, то о домочадцахъ, къ которымъ принадлежалъ и Семенычъ, и говорить нечего. Впрочемъ, къ сожалѣнію какъ пѣвчихъ, такъ и домочадцевъ, эта конторка рѣдко бывала съ содержимымъ. Но, какъ мы уже замѣтили раньше, шаловливая фортуна на первыхъ порахъ благоволила къ Семенычу и доставляла ему пріятные сюрпризы.

Какъ-то совершенно случайно, помимо своей воли, нашему герою посчастливилось оказать большую услугу академическому инспектору, іеромонаху Данилу. Нужно замѣтить, что тѣнистыя аллеи Братскаго монастыря, за отсутствіемъ въ то время городскихъ скверовъ, были любимымъ мѣстомъ для дѣтей съ няньками и мамками. Бѣдному инспектору, окна котораго выходили въ аллею, цѣлый день не было покоя отъ дѣтскаго шуму, но протестовать онъ не имѣлъ духу.

Однажды Семенычъ, будучи въ раздраженномъ отъ безденежья состояніи и не зная на комъ сорвать зло, набросился на дѣтей и съ няньками выгналъ ихъ вонъ изъ монастырскихъ владѣній. Вышелъ изъ своей келии инспекторъ и съ горячими выраженіями своей искренней благодарности за такую услугу далъ Семенычу двугривенный.

Послѣ этого Семенычъ ревностно принялся оберегать инспекторскій покой и, когда нуждался въ деньгахъ, выходилъ на дворъ, громогласно крича:

— Какъ вы, такія да сякія, смѣете тутъ шумѣть?! Развѣ нѣтъ вамъ другаго мѣста, что подъ окнами отца инспектора балуетесь? Пошли отсюда прочь!...

Признательный монахъ, не справляясь—точно ли у него подъ окнами баловались дѣти, или Семенычъ, какъ часто и случалось, кричалъ на вѣтеръ—неукоснительно каждый разъ выносилъ Семенычу двугривенный.

Награждая Семеныча двугривенными, подчасъ совершенно даромъ, инспекторъ такимъ образомъ обезпечилъ себѣ покой, застраховалъ себя отъ дѣтскаго шуму и приобрѣлъ въ лицѣ нашего героя искренно преданнаго ему челоуѣка.

А вотъ монастырскій экономъ за свой отказъ одолжить денегъ, нажилъ себѣ въ Семенычѣ непримиримаго врага.

— Вы съ настоятелемъ принадлежи къ себѣ всѣхъ кіевскихъ дармоѣдовъ, а я давай для нихъ деньги? Вы и такъ много уже перебрали. Нѣтъ у меня про васъ денегъ.

Семенычъ и помимо эконома раздобылъ для отца настоятеля денегъ, а объ отказѣ эконома не счелъ нужнымъ докладывать своему патрону, зная, что при добротѣ послѣдняго такая дерзость останется безнаказанной, а проучить дерзкаго слѣдовало. Въ сообразительной головѣ нашего героя созрѣлъ планъ, достойный Макиавелли. Время не замедлило и исполненіемъ его.

На Оболони есть сѣнокосъ Братскаго монастыря. Быль июль мѣсяць—время косовицы. Отецъ экономъ съ боченкомъ водки отправился на сѣнокосъ, гдѣ толокою убирали монастырское сѣно. Угощая рабочихъ, отецъ экономъ не забывалъ и себя, такъ что къ вечеру вернулся въ монастырь, какъ говорится, „еле можаху.“ Семенычъ давно ждалъ такого благополучнаго случая для исполненія своего плана.

При помощи послушниковъ о. экономъ добрался до своей келіи и тотчасъ же захрапѣлъ. Вдругъ влетаетъ въ келію Семенычъ.

— Отецъ экономъ! Отецъ экономъ! Вставайте, васъ спрашиваетъ настоятель. Слышите? Васъ требуетъ къ себѣ настоятель. Да вставайте же! Такъ говорилъ Семенычъ, тормоша, что есть мочи, храпѣвшаго эконома.

— Чего ты присталъ? Скажи отцу настоятелю, что я еще не вернулся. Завтра утромъ прійду.

— Какъ можно?! Отецъ настоятель своими глазами видѣлъ, когда вы вѣзжали во дворъ, и велѣлъ сейчасъ же позвать васъ. Одѣвайтесь!

Дѣлать нечего, надо идти! Всталъ о. экономъ, одѣлъ рясу и клобукъ и съ помощію Семеныча кое какъ добрался до ректорской квартиры.

— Сядьте, отецъ экономъ, вотъ здѣсь, здѣсь!—говорилъ Семенычъ, бережно усаживая ослабѣвшаго эконома въ ректорской пріемной я сейчасъ доложу отцу настоятелю.

Димитрій что-то писалъ, когда вошелъ Семенычъ съ докладомъ, что къ его высокопреподобию явился зачѣмъ - то экономъ.

— Передай эконому, что я нынче занятъ; можетъ завтра утромъ зайти,—сказалъ Димитрій, не отрываясь отъ работы.

Не выгорѣло, подумалъ Семенычъ и направился въ приемную, сочиняя, что бы такое сказать эконому въ оправданіе за причиненное ему безпокойство; но не успѣлъ еще ничего и придумать, какъ увидѣлъ, что экономъ заснулъ въ приемной. Такая продерзость со стороны эконома переполнила всякую мѣру терпѣнія, и противъ него, т. е. эконома, въ душѣ нашего героя поднялась буря негодованія. Не раздумывая о послѣдствіяхъ, Семенычъ рѣшилъ во что бы то ни стало выдать врага головою, т. е. представить его въ такомъ именно положеніи настоятелю, и снова отправился къ Димитрію съ докладомъ.

— Ваше высокопреподобіе! экономъ не желаетъ уходить. Сѣлъ и говоритъ, что пока не примете его, онъ не уйдетъ, а будетъ сидѣть въ приемной хотя всю ночь.

Бросивъ перо, Димитрій, нѣсколько раздраженный, выходитъ въ приемную со словами:

— Ну, что тамъ загорѣлось у тебя, что не могъ до завтра...

Но тутъ случилось такое обстоятельство, котораго и нашъ доморощенный Макиавелли не ожидалъ. Сгоряча онъ не соображалъ, какія послѣдствія можетъ имѣть для него такая необдуманная и неумѣстная шутка. Въ послѣдній моментъ онъ раскаялся было уже и ломалъ голову надъ вопросомъ, какъ бы извернуться, когда обнаружится его мистификація, жертвой которой стали почтенный настоятель и экономъ, и конечно ничего не могъ придумать въ свое оправданіе. Но шаловливая фортуна выручила нашего героя.

Внезапно разбуженный громкимъ настоятельскимъ голосомъ, экономъ торопливо поднялся со стула, сдѣлалъ какое-то движеніе, обозначавшее, вѣроятно поклонъ, потерялъ равновѣсіе и весьма некрасиво растянулся на полу.

Всѣ усилія его подняться, чтобы принять настоятельское благословеніе, оказывались напрасными.

Благодаря этой оказіи, которой Семенычъ и не предвидѣлъ, между дѣйствующими лицами не послѣдовало никакого объясненія, и мистификація Семеныча, какъ для настоятеля, такъ и для эконома, осталась тайною. Разсердившійся настоятель только плюнулъ и велѣлъ вывести эконома, поручивъ это дѣло нашему герою.

Провожая или вѣрнѣе влача эконома, Семенычъ не преминулъ при этомъ удобномъ случаѣ прочесть ему наставленіе о томъ, какія подчасъ непріятныя послѣдствія влечетъ за собою отказъ въ такихъ пустякахъ, какъ напримѣръ—хотя бы въ ссудѣ пятью рублями, когда къ нему, какъ къ доброму, обращаются порядочные люди.

Впрочемъ казусъ этотъ для эконома не имѣлъ печальныхъ послѣдствій, а Семенычъ выигралъ то, что экономъ, не только никогда не отказывалъ ему въ ссудѣ на счетъ настоятельской доли въ монастырской кружкѣ, но даже съ величайшей предупредительностію открылъ ему свой неограниченный кредитъ.

Къ чести нашего героя мы должны сказать, что онъ не злоупотреблялъ этимъ кредитомъ, а предпочиталъ добывать средства разными остроумными способами.

При награжденіяхъ монаховъ Братскаго монастыря наперсными крестами Семенычъ извлекалъ довольно крупныя по тогдашнему времени доходы. Обыкновенно представленіе монаховъ къ наградамъ производилось помимо ихъ вѣдома.

Когда кому либо изъ представленныхъ выходитъ крестъ, то секретарь консисторіи препровождаетъ его вмѣстѣ съ указомъ настоятелю монастыря. Въ Братскомъ монастырѣ при настоятельствѣ архим. Димитрія передача наперснаго креста по принадлежности поручалась Семенычу.

— Отнеси крестъ и бумагу отцу Юсафу, да поздравь его отъ меня,—говоритъ настоятель, передавая Семенычу крестъ съ указомъ.

Съ дорогой ношей въ боковомъ карманѣ отправляется Семенычъ къ ничего нечающему старцу Юсафу; стучитъ въ дверь его келіи съ обычнымъ въ монастыряхъ возгласомъ:

— Молитвами святыхъ отецъ нашихъ, Господи Иисусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ!

— Аминь! отвѣчаетъ монахъ, впуская къ себѣ Семеныча.

— Здравствуйте, отецъ Іосафъ!

— А, это вы, Александръ Семеновичъ? А я думаю, кто бы это ко мнѣ? Садитесь, Александръ Семеновичъ.

Усаживаются. Наступаетъ неловкое молчаніе, какое бываетъ при свиданіи двухъ знакомыхъ, ничего между собою общаго неимѣющихъ. Отецъ Іосафъ вопросительно глядитъ на Семеныча, думая: „что тебя занесло ко мнѣ? Никогда не заходилъ и вдругъ пришелся“... Семенычъ, утерши носъ, прерываетъ молчаніе.

— Гляжу я на васъ, отецъ Іосафъ, и думаю: пора бы вамъ и крестъ получить; вы такъ давно уже служите.

— Охъ! сорокъ два года въ монастырѣ, говоритъ отецъ Іосафъ.—Тридцать одинъ годъ въ іеромонахахъ состою.

— А вотъ отецъ Панкратій и годами моложе васъ, однако четыре года уже носить крестъ.

Такъ подзадориваетъ Семенычъ отца Іосафа, зная, что съ Панкратіемъ онъ въ натянутыхъ отношеніяхъ, и продолжаетъ:

— А за что, подумаешь, ему такое предпочтеніе? За то развѣ только, что онъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи? Вѣдь вы и старше, и ваше богослуженіе благолѣпнѣе, и жизни строгой, а Панкратій... да развѣ его можно сравнить съ вами?

— Да что и говорить объ этомъ!—молвить съ грустью отецъ Іосафъ.—Видно, и помру, а наперснаго креста не увижу.

— Что вы, отецъ Іосафъ! Помирать вамъ еще рано. Богъ дастъ, мы еще долго будемъ любоваться на васъ, когда вы, украшенный золотымъ наперснымъ крестомъ, будете сидѣть подъ колокольной и окроплять св. водою богомольцевъ.

— Развѣ вы слышали что нибудь?... Можетъ быть, меня собираются представить, или отецъ настоятель говорилъ обо мнѣ? оживился отецъ Іосафъ.—Вотъ если бы Богъ сподобилъ на старости!.. Я бы кажется послѣднее отдалъ за такую милость, а то Панкратій больно ужъ куражится.

О, человекъ! Ты и на старости лѣтъ остаешься ребенкомъ. Дитя огорчается не тѣмъ, что ему не дали игрушку, а тѣмъ, что не ему, а другому дали. Предпочтеніе, оказываемое одному, порождаетъ зависть другого; а зависть переходитъ въ ненависть. Вся исторія человечества, начиная съ Каина и Авеля, полна такими примѣрами. Не получи отецъ Панкратій наперснаго креста, отецъ Юсафъ прожилъ бы весь свой вѣкъ спокойно, ни разу не помышляя о наградѣ. Теперь же, разогрѣтый рѣчами Семеныча, онъ готовъ былъ на всякія жертвы, чтобы получить крестъ и тѣмъ самымъ посбавить куражу съ отца Панкратія.

Семенычъ, какъ видите, былъ опытнымъ психологомъ и повелъ дѣло какъ слѣдуетъ.

— Не унывайте, отецъ Юсафъ! говоритъ Семенычъ.—Богъ дастъ — и вы получите крестъ, да еще лучшей, чѣмъ у отца Панкратія. У него уже и позолота облезитъ.

— Получите!... съ пафосомъ воскликнулъ монахъ.—Развѣ дубовый... Да поглядите, Александръ Семеновичъ, какія мои лѣта! Не сегодня—завтра въ Китаевъ свезутъ ¹⁾).

Чувствуя, что почва уже достаточно подготовлена, Семенычъ, безъ всякихъ околичностей спросилъ:

— А вы бы дали двадцать пять рублей за крестъ?

— И пятьдесятъ бы съ радостью отдалъ.

— Почему же вы не сказали мнѣ раньше, что не пожалѣете дать за наперсный крестъ пятьдесятъ рублей? Вы давно уже носили бы его.

— Да ну?!... И вы не шутите? Да я готовъ хоть сейчасъ выложить... то есть я хотѣлъ сказать, спохватился осторожный монахъ, что, какъ получу крестъ, то сію же минуту выложу и деньги. Вы бы, Александръ Семенычъ, замолвили отцу настоятелю обо мнѣ. Вы близки къ нему, вы можете; а я сейчасъ, какъ получу крестъ, вамъ полсотни.

— Вынимайте грѣши! говоритъ Семенычъ, вытаскивая при этомъ изъ бокового кармана золоченый съ длинной цѣпью крестъ.—Вы думаете я не заботился объ васъ? А вотъ и указъ.

¹⁾ Въ Китаевѣ—предмѣстїи Кіева—монастырскія кладбища.

Александръ Семенычъ ушелъ съ пятидесятирублевой бумажкой, а въ келіи монаха, не смотря на позднюю пору, видѣлся огонь. Это—монахъ въ десятый разъ перечитываетъ указъ, не вѣря своему счастью.

Пока о. Іосафъ перечитывалъ указъ, нашъ герой размѣнялъ сѣренькую ассигнацію на мелкія и въ кругу своихъ друзей, въ квартирѣ пѣвчихъ, провозглашалъ тосты и многолѣтствія новонагражденному; при этомъ не жалѣлъ своей богатырской глотки, выражая свою признательность щедрости отца Іосафа.

Н. Ракитинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ отношеній печерской лавры къ кіевской митрополіи въ XVIII в. Печатаемый здѣсь документъ, найденный въ бумагахъ А. М. Марковича, издателя Дневныхъ Записокъ своего дѣда, представляетъ любопытный фактъ изъ отношеній печерской лавры къ кіевской митрополіи въ то время, когда лавра ревниво берегла свою самостоятельность и управлялась архимандритами, почти независимыми отъ кіевскихъ митрополитовъ. Документъ этотъ представляетъ собою письмо кіевского митрополита Варлаама Ясинскаго къ гетманшѣ Скоропадской о томъ, что печерскій архимандритъ Романъ Копа будто бы старается въ Москвѣ отторгнуть Гамалѣвскій монастырь отъ кіевской митрополіи и подчинить печерской лаврѣ.

А. Л.

«Ясповелможная м-цѣ п-нѣ гетмановая; мнѣ велце м-цѣ п-нѣ п милостивая благодѣтелко,

Дано смиренію моему отъ певныхъ нѣкоторыхъ особъ извѣстіе, что будто остающій теперь въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ страпческихъ монастыря святопечерского кіевского дѣлахъ, отецъ Романъ Копа, схимникъ и начальникъ ближней пещеры, намѣриваетъ и монастырь строенія велможности вашей Гамалѣвскій со всякими угодыми къ нему прилежащими чрезъ страпаны свое въ Москвѣ къ высокимъ лицамъ отторгнувши отъ епархіи и катедры нашей архіерейской и подвергнути къ монастырю святопечерскому и во владѣніе свое и въ область свою подчинить, какое отцевъ святопечерскихъ намѣреніе и замышленное дѣло есть ли велможности вашей извѣстно или нѣ—извѣститися отъ велможности вашей за благо желаю воскорѣ, понеже хотя нѣкоторое мѣрности моей и приходить мнѣніе, чи не съ согласіемъ велможности вашей сіе дѣло устро-

яется, однакъ не надѣялся бѣ я дабы такой подлогъ епархіи кievской и моему смиренію архіерейской особѣ и по мнѣ будучимъ архіереямъ отъ велможности вашей содѣся. О чемъ до велможности вашей подъ секретомъ сіе мое писаніе ординуючи, прошу и молю вашу велможность, такожде подъ секретомъ, мене, пастыря своего, писаніемъ своимъ немедленно увѣдомити. Какой вѣдомости ожидаючи отъ велможности вашей, божіе и моего смиренія архіерейское велможности вашей засилаю благословеніе и желаю при молитвахъ моихъ архіерейскихъ, о здравіи вашемъ всегда приносимыхъ, здравствовати благополучно на множество лѣтъ.

Велможности вашей, милостивой моей благодѣтелки всѣхъ благъ желающій пастырь и богомолецъ смпренный Варлаамъ, архіепископъ кievскій.

Кіевъ, 1728 г. февраля 13 дня. (Съ копіи).

Одинъ изъ фактовъ утраты памятниковъ малорусской старины. Приводимъ здѣсь разсказъ, записанный когда-то со словъ покойнаго редактора нашего журнала А. С. Лашкевича о гибели памятниковъ фамильной старины Рубцовъ, громадныя владѣнія которыхъ возбуждали зависть самого гетмана Самойловича ¹⁾. У одного изъ многочисленныхъ потомковъ богача Ильи Рубца, Афанасія Ивановича Рубца, въ хуторѣ Раздорахъ, близъ с. Истобокъ (новозыбковск. у., черниг. губ.) сохранился фамильный архивъ Рубцовъ, ихъ портреты (числомъ 18) и множество старинныхъ вещей, въ томъ числѣ и жалованные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ—Михаилу Рубцу (брату Ильѣ) кубки. Афанасій Ивановичъ Р-ць въ сороковыхъ годахъ сошелъ съ ума и до зимы 1869—70 г. жилъ подъ вѣдѣніемъ опекуновъ, въ своей усадьбѣ, гдѣ вся Рубцовская старина продолжала сохраняться въ томъ видѣ, какъ было и до болѣзни ея владѣльца. Слухи о богатомъ собраніи серебра, хранившася въ усадьбѣ, расположенной среди дремучихъ лѣсовъ, давно уже привлекалъ вниманіе жителей сосѣднихъ раскольничьихъ слободъ... Въ зиму 1869—70 г. собралась шайка грабителей и напала на Раздорскую усадьбу; случайно не нашедши сундука съ серебромъ, грабители напали на больного Афанасія Ивановича и страшно изранили его топорами. Отъ этихъ ранъ онъ тогда же и умеръ. Потомъ, изрубивъ мебель въ домѣ, забрали разную

¹⁾ Опис. Стар. Малорос. I. 396.

движимость, въ томъ числѣ фамилныя бумаги и портреты, и всю эту движимость, ломая и уничтожая, разбросали по лѣсу... Такъ погибло одно изъ богатѣйшихъ собраній фамилной старины. Оставшееся старинное серебро разошлось между множествомъ бѣдныхъ наслѣдниковъ Афанасія Ивановича, отъ которыхъ затѣмъ было приобрѣтено разными спекулянтами.

У нѣкоторыхъ изъ Рубцовъ сохранилась впрочемъ часть фамилныхъ бумагъ и была собрана А. С. Лашкевичемъ. Этими бумагами мы пользовались при разсказѣ о Рубцахъ, въ первомъ томѣ описанія старой Малороссіи.

А. Л.

Дѣятельность „шаритокъ“ въ Житомирѣ. Въ сборникѣ «Charitas», недавно вышедшемъ въ пользу благотворительнаго общества при римско-католической церкви св. Екатерины въ С.-Петербургѣ, помѣщена небольшая статья, сообщающая свѣдѣнія о пребываніи шаритокъ въ Житомирѣ. Шаритки или сестры милосердія ордена св. Викентія а Paulo появляются въ Житомирѣ впервые въ 1766 году. Трое ихъ прибыло тогда сюда по приглашенію кіевскаго бискупа Іосифа Залускаго и въ сосѣднемъ съ бискупскимъ домомъ зданіи основали пріютъ для сиротъ и больныхъ. Но въ началѣ же ихъ ожидала неудача. Большой пожаръ 1768 года, истребившій большую часть города, уничтожилъ и ихъ пріютъ. Ихъ перевели въ село Сербиновеу, а потомъ въ Дубно. Черезъ годъ, однако, онѣ снова были въ Житомирѣ. Во время эпидеміи въ 1769 г. онѣ оказали громадныя услуги. Много обездоленныхъ сиротъ, много больныхъ нашли у нихъ пріютъ и опеку. Горожане цѣнили ихъ труды. Въ ихъ руки стекались все новыя и новыя приношенія.

Тогда явилась возможность значительнаго расширенія дѣятельности шаритокъ. Рѣшено было построить новое обширное для нихъ помѣщеніе въ окрестностяхъ города. Съ 1805 года и въ послѣдующіе годы община постепенно приобрѣла обширную площадь на лѣвомъ берегу Тетерева, которая раньше называлась Поповкой, а теперь получила прозвище Паненскаго плаца или Дѣвичьяго поля. Мѣстность выбрана была весьма удачно въ гигиеническомъ отношеніи. Берегъ здѣсь высокій, сухой, воздухъ превосходный, вокругъ рощи, вдали—прекрасный видъ на противоположный берегъ. Здѣсь-то 2-мая 1816 года положено было основаніе новому обширному зданію общины

шаритокъ. Волынскій губернаторъ Гижицкій своими средствами и своимъ вліяніемъ содѣйствовалъ этой постройкѣ. Государь Александръ I рескриптомъ 7 ноября 1825 года отдалъ во владѣніе шаритокъ деревню Вильскъ и разрѣшилъ имъ пользоваться дровами изъ казенныхъ лѣсовъ подъ городомъ. Большія пожертвованія стекались отовсюду. Въ грандіозномъ зданіи устроено было помѣщеніе для сиротъ, госпиталь для больныхъ, часовня и квартиры для монахинь. Мѣстный дворянинъ Осовецкій особенно много оказалъ услугъ при окончаніи постройки зданія и часовни.

Въ 1840 году произошло торжественное освященіе зданія и открытіе въ немъ дѣятельности общины въ болѣе значительныхъ размѣрахъ. Съ 1844 года госпиталь былъ поставленъ подъ непосредственное казенное завѣдываніе. Много услугъ оказалъ онъ больнымъ и сирымъ обывателямъ Житомира. Въ 1865 году въ городѣ свирѣпствовала холера. Сестры милосердія самоотверженно ухаживали за больными, и одна изъ нихъ Схоластика Свищевская умерла отъ холеры, заразившись у постели больного. То былъ послѣдній годъ ихъ дѣятельности въ Житомирѣ. Въ декабрѣ 1865 года шаритки выѣхали въ Краковъ.

Обширное и прекрасное зданіе, гдѣ помѣщалась прежде община шаритокъ, теперь занято мѣстнымъ военнымъ лазаретомъ. Чудное мѣстоположеніе, капитальность стѣнъ, обширныя комнаты, громадныя окна—все свидѣтельствуетъ о сознательномъ отношеніи къ тѣмъ благотворительнымъ задачамъ, которыя руководили при постройкѣ зданія. Большое пустопорожнее мѣсто между госпиталемъ и городомъ, называвшееся Дѣвичьимъ Полемъ, постепенно застроилось; здѣсь возникъ цѣлый рядъ улицъ и домовъ. Послѣдній остатокъ Дѣвичьяго поля, расположенный у второго бульвара, отданъ теперь подъ новое зданіе Окружнаго суда. Только улицы Монастырская и Дѣвичья, ведущія къ зданію лазарета, напоминаютъ о бывшей здѣсь когда-то общинѣ.

Дѣятельность шаритокъ въ Житомирѣ была въ общемъ весьма благотворной. Ихъ здѣсь живало одновременно не болѣе 12, но въ госпиталѣ ихъ бывало до 100 дѣтей сиротъ и до 300 больныхъ и престарѣлыхъ. Политическихъ цѣлей община никогда не преслѣдовала и не могла играть никакой политической роли. Это было учрежденіе чисто филантропическое и, какъ таковое, заслуживаетъ добраго о немъ воспоминанія.

Болгары колонисты въ с. Борщаговкѣ. Десять человѣкъ болгаръ съ семействами поселились на землѣ Кіево-Братскаго монастыря при с. Борщаговкѣ, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1768 г. выдано имъ изъ Кіев. Губ. Канцеляріи «на хлѣбопашество и домостроительство и на заведеніе скота» въ ссуду по 50 руб. каждому за круговую порукою. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1771 г. оставшіеся за ними 300 рублей были отсрочены, «уважая послѣдовавшее отъ бывшей опасности не-состояніе», до 1-го Ноября того же года, но и въ этотъ срокъ болгары представили только 153 р., а остальныхъ 147 р. просили отсрочки на годъ: «какъ здѣсь въ Кіевѣ опасная болѣзнь наки возобновилась и продолжается, то и въ торгу ихъ препятствія противъ прошлагодняго не только не уменьшены, но еще и большею осторожностію пресѣчены, почему они, болгары, едва съ нуждою и то число 153 р. нынѣ собрать могли». Прошелъ годъ, и въ Ноябрь 1772 г. болгары «едва-едва» собрать могли только 57 р., потому что изъ нихъ Искра Дмитріевъ отѣхалъ предъ симъ изъ Кіева въ 1-ю армію по найму его маркитентерами для отвозу туда съѣстныхъ припасовъ, къ тому же изъ нихъ нѣсколько уже и померло», а поэтому просили отсрочки еще на годъ остальныхъ 90 р. Губ. канцелярія въ отсрочкѣ этой отказала. Трудолюбивые хозяева, хорошіе огородники, болгары крѣпко держались занятой ими земли; но не владѣя ею на правахъ собственности, какъ видно, не мало встрѣчали затрудненій при возобновленіи своихъ арендныхъ контрактовъ. Въ 1781 году въ Апрель мѣсяцѣ болгары Иванъ Искра, Михаилъ Златоновъ и Иванъ Юрьевъ заключили съ Кіево-Братскимъ монастыремъ новый договоръ (вмѣсто заключеннаго въ сентябрѣ 1773 г.) на два года: какъ огородами, или до сего занятыми, такъ и полями, изъ чагарниковъ на землѣ того монастыря раздѣланными, пользоваться, при чемъ и сѣно каждому продовольство зимнее скота своего потребное количество въ хуторѣ Которскомъ угашивать, за что и должны они платить ежегодно чиншу отъ каждой хаты по два рубля.

Не такъ-то легко было болгарамъ справиться съ хозяйственною властію Кіево-Софійскаго монастыря, и для заключенія необходимаго договора въ томъ же 1781 г. потребовалось вмѣшательство свѣтской власти, которая и обратилась въ «кафедру» съ просьбой, чтобы «благоволено было прежде отведенныя отъ того монастыря и расчищенныя собственнымъ ихъ капиталомъ и трудомъ пахатныя и сѣновосныя отобранныя у нихъ земли возвращены были имъ болгарамъ по прежнему съ заключеніемъ съ ними надлежащаго кон-

тракта такъ, какъ и въ Кіево-Братскомъ училищномъ монастырѣ свазанной контрактъ уже заключенъ, дабы они болгары не могли нести въ томъ напрасной обиды и убытковъ и чрезъ то прійти вовсе въ несостояніе къ платежу состоящаго на нихъ казеннаго долга».

Изъ послѣднихъ словъ видно, что или этимъ болгарамъ была выдана новая ссуда, или же здѣсь рѣчь идетъ о новой партіи болгаръ.

Къ характеристикѣ московскихъ „ратныхъ людей“, служившихъ въ малороссійскихъ городахъ. Въ тѣхъ изъ малороссійскихъ городовъ, въ которыхъ, послѣ присоединенія къ Московскому государству, было введено воеводское управленіе, какъ существенная принадлежность послѣдняго, были размѣщены гарнизоны, составленные изъ стрѣльцовъ, солдатъ, рейтаръ и т. д. Что не всегда эти гарнизоны заключали въ себѣ здоровые элементы, объ этомъ даютъ понятіе приводимые ниже факты, взятые нами изъ официальной переписки.

Начнемъ съ «отписки» кіевского губернатора Андрея Гулица.

«Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу холопъ твой Андрей Гулицъ челомъ бьетъ. Въ прошломъ 1703 году ноября въ 16 день въ твоей великаго государя грамотѣ, какова прислана изъ приказу Малыя Россіи за приписью дьяка Ивана Волкова въ Кіевъ, ко мнѣ, холопу твоему, написано: буде въ Кіевѣ приводные воры какихъ чиновъ нибудь есть, которые по твоему, великаго государя, указу по уложенію и по новоуказнымъ статьямъ доведутся смертной казни или ссылки, и имъ, не чиня того, заковавъ ихъ всѣхъ въ кандалы, велено присылать къ Москвѣ съ кѣмъ пригожъ и съ провожатыми на подводахъ, приказавъ имъ тѣхъ воровъ вести съ великимъ береженіемъ, чтобъ тѣ воры съ дороги у нихъ не ушли или какого зла сами надъ собою не учинили. А въ какихъ дѣлахъ тѣ воры приведены и въ чемъ въ распросѣ и съ пытокъ винулись, о томъ къ тебѣ великому государю велено писать и перечневую выписку прислать въ приказъ Малыя Россіи за дьячьею приписью. И въ нынѣшнемъ 1704 г. февраля въ 23 день пришелъ въ приказную палату съ извѣтомъ ко мнѣ холопу твоему твоего великаго государя подданнаго войска запорожскаго обонихъ сторонъ Диѣпра гетмана и славнаго чина св. апостола Андрея кавалера Ивана Степановича Мазеня, родственникъ его Андрей Ивановъ сынъ Войнаровской;

а въ извѣстїи сказалъ: февраля де противъ 23 числа въ ночи по-крали у него Андрея во дворѣ воровскіе люди, а кражею взяли три сѣдла оправныхъ подушки и крыльца и тебенки вышиты волоченымъ золотомъ и серебромъ и орчаки обложены тннутымъ серебромъ, четвертое сѣдло орчакъ обшить краснымъ сафьяномъ, крыльца писаны золотомъ и серебромъ и красками, пятое сѣдло простое, два потника покрыты кожей, третій же покрытой, да платъ суконной; и что-бъ о той его пропажѣ въ Кіевѣ, въ верхнемъ городѣ, заказать по проѣзжимъ воротамъ. И февраля-жъ 23-го числа съ тою кражею при-слалъ въ приказную палату отъ Золотыхъ Воротъ солдацкаго строю полковника Вилимова полку Фанзалина караульной начальной чело-вѣкъ прапорщикъ Герасимъ Стебловской того-жъ полку знаменщи-комъ съ Григорьемъ Смыковымъ да съ солдатомъ съ Дмитріемъ Ді-яновымъ дву человекъ рейтаръ—Карпа да Тимофей Кизиловыхъ да отставнаго рейтера Сидора Каракулина да жилого полку солдата причиннаго человекъ Терентія Мыльникова. И тѣ приводные воры рейтары Карпъ и Сидоръ въ той кражѣ, а Тимофей въ провозѣ и въ похоронкѣ безъ пытки винулись. И по твоему великаго государя указу тѣхъ воровъ, заковавъ въ кандалы изъ Кіева къ Москвѣ по-слалъ я, холопъ твой, марта 9 числа нынѣшняго 1704 году, а въ провожатыхъ за ними послалъ я солдатскаго строю полковника Ви-лимова полку Фанзалина сержанта Василия Подтележника да съ ними разныхъ полковъ солдатъ и стрѣльцовъ шти (?) человекъ, и при-казалъ я, холопъ твой, тѣмъ провожатымъ накрѣпко, чтобъ они тѣхъ воровъ везли дорогою съ великимъ береженіемъ и смотрѣли-бъ того накрѣпко, чтобъ тѣ воры съ дороги у нихъ не ушли или какова-бъ зла сами надъ собою не учинили. А что они воры о той кражѣ въ распросѣ сказали и изъ тѣхъ ихъ допросныхъ рѣчей велѣлъ я, хо-лопъ твой, учинить перечневую выписку, и изъ Кіева къ тебѣ вели-кому государю къ Москвѣ послалъ я, холопъ твой, за дьячьею при-писью съ сею отпискою. А приѣхавъ къ Москвѣ провожатымъ, велѣлъ я, холопъ твой, явиться и отписку и перечневую выписку подать и про воровъ объявить въ приказѣ Малыя Россіи боярину Феодору Александровичу Головину съ товарищи.

Вотъ эта и перечневая выписка.

«А въ распросѣ рейтара Карпа Кизилова да отставнаго рейта-ра Сидора Каракулина написано: у Андрея Войноровскаго на дворѣ изъ чюлана сѣдла и потники и платъ они украли ночью порою, и укравъ, схоронили было за городомъ за Львовскими вороты въ

гумнѣ, и съ утра де рано за городомъ встрѣтился съ ними рейтаръ Карпа Кизилова братъ его, Тимофей, ѣхалъ въ саняхъ, и они, Карпъ и Сидоръ, взявъ у него лошадь, поѣхали на гумно, а брату велѣли себѣ дожидаться на дорогѣ; и положиа ту кражу въ сани подъ сѣно, поѣхавъ на то мѣсто, гдѣ велѣли дожидаться, ту его лошадь съ санями и съ кражею отдали рейтару, и его Карпову брату, Тимофею, и велѣли ему ѣхать въ Золотыя ворота, а что они положили въ сани ту кражу, про то ему Тимофею они не сказывали.

А рейтаръ Тимофей Кизиловъ сказалъ: февраля 24 числа поѣхалъ было онъ за Львовскіе ворота на мельницу для взятыя муки, и на дорогѣ, близъ Софійскаго дворца, встрѣтились съ нимъ братъ его Карпъ Кизиловъ, да отставной рейтаръ Сидоръ Каракулинъ, и, взявъ у него лошадь его, поѣхали на гумно, а ему велѣли себѣ дожидаться на дорогѣ, и помешкавъ небольшое время, пріѣхавъ съ гумна, ту его лошадь ему отдали и велѣли ему ѣхать въ городъ въ Золотыя ворота; и онъ Тимофей, взявъ лошадь, по ихъ словамъ поѣхалъ въ городъ въ Золотыя ворота, и что они въ сани положили, про то ему не сказывали. И какъ онъ, пріѣхавъ на дворъ свой, поднявъ сѣно, увидѣлъ въ саняхъ сѣдла, и тѣ сѣдла сталъ было хоронить въ погребъ; а какъ онъ клалъ въ погребъ и въ то число пришелъ къ нему на дворъ солдатъ Терентій Мыльниковъ; и въ томъ же скоромъ часѣ пришедъ къ нему съ караулу знаменщикъ Григорій Смыкаловъ съ караульщикою, его Тимофею и солдата, и сѣдла, и потники, и платъ взявъ повеси въ приказную палату, а онъ съ ними сѣделъ не крадовалъ.

Солдатъ Терентій Мыльниковъ сказалъ: на дворъ къ рейтару Тимофею Кизилува онъ приходилъ вина пить, а сѣделъ и потниковъ и плата съ Карпомъ и съ Сидоромъ не крадовалъ?

Интересенъ слѣдующій затѣмъ списокъ преступленій, раньше совершенныхъ обвиняемыми. Карпъ Кизиловъ былъ пойманъ всего одинъ разъ: въ 1701 г., „мѣстечка Бѣлогородки у жителя еврейна деньги и всякую рухледь онъ кралъ и въ той кражѣ онъ пытанъ и битъ кнудомъ, а покраденные деньги и рухледь сыскана и отдана истцу“.

Гораздо больше грѣховъ за Сидоромъ Каракулинымъ; въ 1697 г. Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ изъ воезовъ яблокъ и за то ему учинено наказанье—передъ полкомъ бить батоги. Въ томъ же году онъ же Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ Софійскаго монастыря старца золотыхъ червонныхъ и ефимковъ. и за ту кражу пытанъ и

бить кнутомъ, а покраденные червонные и ефимки сысканы и отданы истцу. Въ 1702 г. онъ же Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ денегъ у новгородскаго жителя у Микиты Иванова, и въ томъ онъ пытанъ и въ проводку битъ кнутомъ, и за ту кражу онъ отъ службы рейтарской отставленъ, а покраденные деньги сысканы и отданы истцу. Въ 1703 г. онъ же Сидоръ былъ въ приводѣ въ кражѣ денегъ и рухледи у кіевскаго козака Ивана Ерощенка, и то покраденное сыскано и отдано истцу, а наказаніе ему не чинено, для того, что сидя, вскорѣ изъ за караулу, разбивъ желѣза, онъ ушелъ».

Солдатъ Терентій Мыльниковъ «былъ въ приводехъ» одиннадцать разъ: въ 1687 г. въ кражѣ всякой рухледи и серебра кіевскаго бурмистра Василя Зименка и за ту кражу битъ кнутомъ. Въ 1689 г. въ кражѣ серебра и перстней золотыхъ бывшаго войта Ждана Тадрины и за ту кражу онъ пытанъ и битъ кнутомъ. Въ 1691 г.—въ кражѣ всякой рухледи столъника и полковника Степанова полку Стрекалова стрѣльцовъ. Въ 1692 г.—въ кражѣ лисицъ кіевскаго мѣщанина Максима Самойленка, и въ той кражѣ пытанъ и въ тѣхъ лисицахъ винился, а кража не сыскана для того, что та кража съ похоронки его у него украдена. Въ 1693 г.—въ кражѣ всякой рухледи печерскаго мѣстечка жителя Ивана Шабельника. Въ 1694 г.—въ трехъ кражахъ: лубенскаго козака Тимофея, да генеральнаго судьи Михайловой жены Воехевича, да Михайловскаго монастыря игуменъи. Въ 1699 г.—въ кражѣ сукна кіевскаго греченина Родіона Иванова. Въ томъ же году—въ кражѣ лисицъ у пріѣзжаго греченина. Въ томъ же году въ Нижнемъ городѣ въ кражѣ въ мясномъ ряду говяжихъ сырыхъ кожъ и топора и безмѣна и денегъ¹⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ былъ пытанъ и битъ кнутомъ, краденныя же вещи возвращены потерпѣвшимъ.

На этой отпискѣ помѣта: «1704 г. марта 26, взять къ отпуску и колодниковъ принять и отослать въ приказъ морскихъ воинскихъ дѣлъ съ памятью, велѣтъ ихъ за тѣ воровства посадить на каторгу, а провожатыхъ отпустить». Тутъ же находится и копія съ этой памяти изъ приказа Малой Россіи въ приказъ морскихъ воинскихъ дѣлъ²⁾.

Этимъ дѣло не кончилось. Изъ грамоты, посланной въ Кіевъ, мы узнаемъ слѣдующее:

¹⁾ Моск. Архивъ Минист. Юстиціи, Дѣла Кіевскаго Повѣтя, кн. 41, лл. 360—364.

²⁾ Кн. 41. лл. 365—366.

«Отъ великаго государя царя и великаго князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ нашу отчину, въ Кіевѣ, генералу нашему маіору и губернатору Андрею Гулицу да дьяку нашему Мавару Калашникову. Въ нынѣшнемъ 1704 году, марта въ 29 день, къ намъ великому государю писалъ ты и прислалъ четырехъ человекъ воровъ: отставного рейтара Кариа Казилова, солдатъ—Терентья Мыльникова, Тимофея Казилова, Сидора Караурина, которые въ Кіевѣ въ распросѣ и въ пытки винились въ кражѣ животовъ гетманского свойственника Андрея Воронежского (sic), которые и напередъ сего были въ татебныхъ во многихъ приводахъ. И то новосостоятельному нашему, великаго государя, указу, прошлаго 1703 году, посланы тѣ воры на олонеккую верфь, на каторгу, посольскаго приказу съ приставомъ Степаномъ Сусловымъ, изъ дороги у него они бѣжали. И сего іюля въ 27 день, къ намъ великому государю, писалъ ты-жъ, генералъ нашъ маіоръ, что изъ тѣхъ, вышепомннутыхъ воровъ, явились въ Кіевѣ два человека—Карпъ Кизыловъ да Терентій Мыльниковъ. И что Михайлова полку Сухарева стрѣльцы Петръ Свиридовъ да Леонтіій Желѣска, въ полку быть у него Михайла не годны, потому что онъ Петръ пьетъ и бразничаетъ и карты играетъ и на караулы и на работу не ходитъ и съ нашей, великаго государя, службы бѣговъ четыре побѣга, за которые чинены ему наказаніе—бить кнутомъ; а Леонтіій Желѣска приведенъ съ краденнымъ кафтаномъ, и въ той кражѣ винылся, и изъ Кіева, со службы, бѣгалъ же дважды. И какъ къ вамъ ея наша, великаго государя, грамота придетъ, и ты-бъ генералъ нашъ маіоръ и дьякъ, велѣлъ вышеписанныхъ двухъ съ Олонца бѣглыхъ солдатъ, за побѣгъ и за воровство ихъ, повѣситъ, а негодныхъ стрѣльцовъ отъ полку откинуть и впредь имъ въ службу нигдѣ быть не велѣли. А что учинено будетъ о томъ къ намъ, великому государю, писали, а отписку велѣли подать въ приказѣ Малыя Россіи боярину нашему Феодору Алексѣевичу Головину съ товарищи. Писанъ на Москвѣ лѣта 1704 г. іюля 14 дня. Подписавъ дьякъ Василій Посняковъ»¹⁾.

10-го же августа губернаторъ Гулицъ писалъ: и по твоему великаго государя указу рейтаре Кизыловъ, солдатъ Терентій Мыльниковъ повѣшены, а Михайлова полку Сухарева стрѣльцы Петръ Свиридовъ Леонтіій Желѣско отъ полку откинута²⁾.

¹⁾ Дѣла Кіевск. повѣтъ, кн. 41, л. л. 518—519.

²⁾ Ibid. кн. 41, л. 539.

О дѣтельности Желѣска подробнѣе мы узнаемъ изъ другой «отписной губ. Гулица: «Въ нынѣшнемъ 1704 году, августа 8, били челомъ тебѣ, великому государю, и мнѣ, холопу твоему, въ Кіевѣ, въ приказной палатѣ Кіево-фроловскаго дѣвичья монастыря черницы Оеофанія да Антонида, подали челобитную за рукою, и въ челобитной ихъ написано: іюля де въ 15, да августа въ 4 числахъ, въ Кіевѣ, въ Нижнемъ городѣ, выхватили у нихъ изъ воевъ воровскіе люди у Оеофаніи рясу черную, подбита баранками бѣлыми, цѣна четыре талера, у Антоницы кунтышъ парпуровой вишневою, подбитъ сибирками, кругомъ шнурокъ шелковой боршовой перевить золотомъ цѣна двадцать талерей. и въ той краже изымали они челобитчицы въ Нижнемъ городѣ на площади стольника и полковника Михайлова полку Сухорева стрѣльцы, а именно—его они не знаютъ, а товаришъ его русской же человекъ ушелъ. И тотъ де измѣнный стрѣлецъ нынѣ сидитъ за карауломъ стольника и полковника у Михайла Сухорева. И они де черницы ему полковнику въ рясу и въ кунтышу били челомъ многожды, и онъ полковникъ расправы имъ не далъ, и чтобъ того стрѣльца въ приказную палату взять и товарища его русскаго человека сыскать и допросить, а допросу его государевъ милостивый указъ учинить. И противъ того ихъ челобитья посылалъ я холопъ твой, къ стольнику и полковнику къ Михайлу Сухореву по стрѣльца, который пойманъ въ той кражѣ и сидитъ за карауломъ у него полковника, Кіевскія приказныя палаты подъячача Василия Налетова. И полковникъ Михайло Сухоревъ ему подъячему сказалъ, что того де стрѣльца онъ изъ за караула выпустилъ по прошенію ихъ черницъ. И тогожъ числа того стрѣльца онъ полковникъ прислалъ въ приказную палату, а товарищъ его русскій человекъ, тогожъ полку отставной стрѣлецъ Леонтій Желѣска, который по твоему, великаго государя, указу и по грамотѣ изъ приказу Малыя Росіи за его воровство и за побѣги отъ стрѣлцкой службы отставленъ и впредь ему въ службѣ никакой быть не велѣно, да его жъ Леонтія Кіева Нижняго города жители мещане торговые люди, которые сидятъ въ лавкахъ, опасаются кражи и смертнаго убійства для того, что онъ ходя по улицамъ у нихъ мѣщанъ и у пріѣзжихъ людей съ воевъ. платя и всякую рухлядь схватываетъ и, ходя по рядамъ, кошны рѣжетъ и досады и грабежи чинитъ имъ. И въ приказной палатѣ, противъ челобитья чернецъ, стрѣлецъ Максимъ Алексѣевъ и онъ Леонтій Желѣска допрашиваны порознь и приведены были къ пыткѣ и съ пытки допрашиваны съ пристрастіемъ; «въ той кражѣ не

винились“. Да противъ извѣту солдацкаго строю полковника Вилимова полку Өанзалина, солдатъ Якова, прозвище Скотина, Кузьмы Рато-зѣя, Якова Жукова, въ кражѣ у черницы Антонида парпуроваго ви-шневаго кунтыша явился Михайлова жъ полку Сухарева стрѣлецъ Прокоеей, прозвище Чюрила ¹⁾»).

Послѣ многихъ допросовъ и пытокъ кунтушъ былъ наконецъ найденъ и отданъ по принадлежности, черницѣ же Өеованіи запла-тили за расу 4 талера.

Въ приведенныхъ фактахъ интересно то обстоятельство, что за небольшими исключеніями, всѣ преступленія были направлены про-тивъ мѣстныхъ жителей.

Н. В.

Шуточная народная пѣсня.

А шыголь маленькій
Думае—гадае;
Самъ не хоче въ свити жыты,
Женытыся мае.

А задумавъ въ сваты
Горла посылати;
А горель здыбавъ гусивъ,
Начавъ мордувати.

Засватавъ сыныцю,
Горобья сестрыцю,
Сличную, вдатную,
Прекрасную птыцю.

Дружко—соловейко
Щебече гарненько,
Зозуленька—матинка,
Все-жъ то хорошенько.

Сходмылись вороны
Коровай лптыты,

¹⁾ Дѣла Кіевск. Повытыя, кн. 41, лл. 624—626.

Й а на той часъ шулячокъ
Ставь курочокъ быты.

Шпакы пьяны былы,
Снигура забылы,
А вороны—стари жоны
Коровай зляпылы.

Перепилка—свашка,
Сорока—свитылка,
Гусаць грае, лебидь скаче--
Добирна музика.

А тхирь и зъ щуромъ
Тай обиглы кругомъ,
Й а обиглы кругомъ хаты,
Сталы танцюваты.

А журавли пышны
На весилля прыйшлы,
Поскакалы, погулялы
Тай до дому пишлы.

Два каплуна, два каплуна
Горохъ молотылы,
Дви кокошы по тры ношы
До млына носылы.

Сичъ меле, сичъ меле,
Боцювъ засыпае,
А горобчикъ—славный хлопчикъ
Мирку одбирае.

Ой летыть тетерукъ,
Иптаеця, що за гукъ,
Шо то за подвирья,
Обведяне зиллямъ?
— А то шыголь-молодець
Сходмыся зъ весиллямъ.

Стоить держачъ у лорозы,
Тай стоячы плаче,

Шо на двори журавли
Грають у трембачи.

Полевіи пташечки—
Сынычыны дружечки
И скакалы, и гулялы,
Якъ сыныченьку звинчаль.

Сыдыть ятель на пенёчку
Та въ долони плеше,
А горѣбци въ конопляхъ:
„Напиймося ёще!“

А комарь въ лиси
Добирае алости,
Чмиль меду додае,
Котентуе гости.

Снигурови волякы
Тягнутъ возы, якъ быкы,
Й а завезлы сыныченьку
Щыглыковы на вѣкы.

Расходывся щыголь
На порцію зваты:
— Выбачайте, люде добри,
Ничымъ частоваты.

А сыныцы по попольци
Ниженьками тупь, тупь!
Дай-то, щыголь, горилонькы,
Напьемося туть-туть!“

Сороки-пруданки
Скачутъ поверхъ лавкы
„— Видна наша голозонька,
Щей немае чайкы!“

Ой а шулякъ чайку
Веде за чубайку,
А чайчка зъ кулычкомъ
На весильчю разкомъ.

Перепілка-свашка
Хату замитає;
Сыдыть сова скинець стола
Скося поглядає:
„Кольсь була горилочка,
Чомъ теперь немає?“

Сыдыть боцюнь за столомъ,
Дрибни лысты пыше;
Боцюньха у куточку
Дытву колыше

Чорный крукъ ушывся,
На сову звалывся;
Сова жартивъ не знала,
Крука въ мерду выгала

А вже по весили—
Другая недилька,
А вже щыгла-молодца
Покинула живка

Щыголь молоденькій
Думає-гадає:
Оженився, утратився
И жини чортъ має.

Настоящая пѣсня записана лѣтомъ 1893 года отъ лирныка изъ м. Шепетовки заславскаго у. волын. губ. Это совсѣмъ еще молодой парень, но прекрасно владѣеть своимъ инструментомъ. Онъ ловко играетъ «комаринскаго» и любитъ блеснуть разными техническими трудностями. Въ видѣ особенно забавной вещи онъ и сообщилъ вышеприведенную пѣсню. — «Що-то панщына! Я щыглыка знаю», — и сталъ пѣть. Пѣсня эта не представляетъ собою ничего слишкомъ новаго. Въ 5 т. Трудовъ этногр.-статист. эксп. Чубинскаго на стр. 1124, подъ № 66, помѣщена пѣсня подобнаго же характера. Не говоря о мелкихъ разностяхъ въ отношеніи ролей, приписываемыхъ дѣйствующимъ лицамъ, сообщаемый нами вариантъ, какъ кажется, гораздо полнѣе изображаетъ картину свадьбы; общепринятый порядокъ ея со всѣми бытовыми подробностями выступаетъ здѣсь весьма рельефно. Съ этой стороны непечатанныя въ томъ-же томѣ Трудовъ на стр. 1144—1145, подъ №№ 131 и 132, еще двѣ

такія-же пѣсни не болѣе, какъ отрывки, выхваченные изъ середины пѣсни и рисующіе отдѣльныя сцены; особенно это нужно сказать о вариантѣ подъ № 132. Онъ начинается словами: «Два когуты горохъ молотылы»; это вполне соответствуетъ въ нашемъ вариантѣ тому мѣсту, которое начинается словами: «Два каплуна» и т. д. Такимъ образомъ сообщаемый вариантъ объединяетъ въ себѣ три пѣсни, напечатанныя въ «Трудахъ» Чубинскаго. Въ немъ не выяснены только мотивы оставленія жены мужемъ и поиски послѣдняго, но отъ этого онъ ничего не теряетъ въ своемъ достоинствѣ, такъ какъ указанные варианты трактуютъ эти моменты слишкомъ грубо и заключаютъ въ себѣ описанія довольно несимпатичныхъ сценъ.

В. Храневичъ.

Два неизданныя малорусскія стихотворенія Е. П. Рудыковскаго. Помѣщая въ 1892 г. на страницахъ «Кіевской Старины»¹⁾ стихотворенія Е. П. Рудыковскаго по вмѣввшимся у насъ черновымъ рукописямъ, мы высказали предположеніе, что эти рукописи заключаютъ въ себѣ не всѣ его сочиненія. Предположеніе это оказалось справедливымъ: въ бумагахъ М. А. Максимовича найденъ небольшой сборникъ малороссійскихъ стихотвореній Рудыковскаго, въ которомъ, кромѣ извѣстныхъ уже стихотвореній, находятся помѣщаемыя ниже басня и сказка.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ сборникѣ. Это небольшая тетрадка формата обыкновенной почтовой бумаги въ 36 нум. страницъ, тщательно переписанная, съ заглавнымъ листкомъ (на манеръ печатнаго или литографированнаго) слѣдующаго содержанія: «Казки и Байки Остапа Кыевського.—У Кыви року 1841, Червця 28 дня». Подъ заглавіемъ помѣщенъ эпиграфъ:

„Хто скоро скаже намъ казку
 „Той одъ насъ матиме бубльквивъ вязку.
 „А якъ хто казку ту перебѣ,
 „Дурень винъ буде нехай на имѣ.
 „А хто не буде той казочки слухать,
 „Тому доставеця вѣя понюхать.
 „Старина сільска приказка“.

¹⁾ 1892, № 5—7.

Сборникъ состоитъ изъ девяти пьесъ. Первою поставлена «казка Чумацьвій визь» ¹⁾ съ слѣдующимъ эпитаграмомъ:

„...якъ будемъ мати часъ

Я вамъ, Добродію, скажу такую казку,

Якъ возъ перевернувся чумацькій на коляску.

Объ Натальци Полтавци мои думки 1825 року.

Затѣмъ слѣдуютъ: 2) казка Клымова капуста, 3) байка Некрутчина ²⁾ 4) казка Невпстчина плахта, 5) мужыча казка Ни-се-ни-те, або Галчынъ ставокъ, 6) байка Бондаръ наверхъ дзвиници, 7) казка Жныва на грошы або Завороженный кладъ, 8) байка Звирный миръ и 9) байка Выборъ женихивъ. Всѣ стихотворенія датированы—такъ же, какъ и въ черновыхъ рукописяхъ; два стиха, не имѣвшія даты, помѣчены: некрутчйна—«паздерныка 5 дня 1840 року», Выбръ женихивъ—9 дня 1841 року».

Судя по тщательной обработкѣ, сборникъ предназначался для печати (можетъ быть въ «Кіевлянинѣ», который тогда именно издавалъ Максимовичъ. Нахожденіе рукописи въ бумагахъ Максимовича, а также даты стихотвореній 1840—1841 г. служатъ новымъ подтвержденіемъ вліянія послѣдняго на поэтическую дѣятельность Рудыковскаго. Но въ томъ же сборникѣ встрѣчается указаніе на то, что Рудыковскій интересовался малорусскою поэзією и пробовалъ свои силы на этомъ поприщѣ задолго до встрѣчи съ Максимовичемъ. Оказывается, что одно изъ оригинальнѣйшихъ стихотвореній Рудыковскаго «объ Натальци Полтавци мои думки» написано еще въ 1825 г., что даетъ право отнести Рудыковскаго къ числу самыхъ раннихъ представителей новой украинской литературы.

В. Щербина.

БАЙКА.

Бондаръ на верхъ дзвиници.

Хто повзати на земли навчивсь,

Не важся залитати ажъ въ хмары,

Щобъ не упавъ, тай не разбивсь,—

И просто не полавъ на мары.

Бо де одны орлы літають,

¹⁾ Сказка эта была напечатана безъ заглавія подъ № VIII (К. С. 1892 № 6).

²⁾ Тоже—подъ № XII.

Тамъ совы зроду не бувають;
 Вони се добре знають,—
 Що якъ поднимутца—то каркъ соби зламають,

На все те не вважають премудрый нашъ Охримъ,
 И людямъ винъ старымъ
 Ни въ чымъ ни на волосъ не вирывъ.
 Винъ бачте бондарь бувъ, стругавъ все обручъ,
 Та вадки набывавъ—и мавъ на калачы.
 А тутъ разъ лучылись поправки на дзвиници.

Прийды жъ йому до головы,
 Мабуть дурнійшой якъ въ совы,
 Що ти поправки вси—дурныци:
 И винъ беретса смило
 За цее дило.

Іому жъ говорятъ старыи:
 „Охрине!—схаменесь!—Дзвиници не кленки!...
 „Туды тоби високо!..

Ось глянь лишъ до хреста,—заколе ажъ увъ око!...
 Тутъ майстру вмилому за тее треба братця—
 Щобъ поправлявши хрестъ зумивъ не обирватьця.
 —Атъ, що вы знаете? Я лазыты умивъ

Ишей малымъ, якъ дравъ у стрихахъ горобцивъ;
 Теперь хиба я не полизу?
 Раззявте ротъ, дивитесь знизу,
 Якъ я тамъ буду майстровать...
 Хвать, хвать!..

Уже Охримъ на верхъ Дзвиници!...
 Злетивъ туды скорыйше птыци,
 Злетивъ безъ крыль; злетивъ вкопывшись за вировку...

Не мавъ же винъ и стылько толку,
 Що безъ рштованья, тамъ ничего робить,—
 Не вдержатьця, ни цвяха вбыть;
 Що тамъ на маивки загостренній якъ шпычка,
 Не вседыть винъ, якъ птычка.

И тилько до хреста лившою доторкнувсь—
 Ногами якось послызнувсь,
 И звитиль сторчъ головъ летать!
 И отъ!—на марахъ вже лежать!

Другій зъ пьсарчукивъ такъ лизе въ однорам!...
 На нашому якиу чого мы не выдали...
 А Бонашартивъ вы уже й позабували?..
 Булы то добры бовдары,

Высоко лизлы—до поры;
 Та яєъ зъ дзвиниць пообрывалсь,
 То бильшь съ земли не пиднималсь.
 Чырвца 20 дня, 1841 року.

К А З К А.

Жныва на грошы або Завороженный кладъ.

Съ пидъ Києва, съ села Жилывъ
 Хлопчына—сырота,—а звався винъ Иванъ,—
 BLUEAVШИ въ наймытахъ по свиту
 Довгенько щось—уже винъ мавъ кожухъ и свиту—
 На решти й на копійку збывсь,
 Служывъ, ивъ, пывъ—и не журывсь.
 Рубливъ же не носывъ въ калытци,
 Позашывавъ ихъ десь у свитци.
 Носывъ такъ довго ихъ,—носывъ,
 Поки одного не згубывъ.

Отъ тутъ іому іогожъ копійка
 Зробылася люта чародійка.

Нагнала на сердце печаль:

Не истъ винъ и не пье—рубля до смерти жаль!..

Сыдыть одинъ да все сумуе,

Яєъ день такъ ничъ соби миреуе:

Ту згубу якъ-бы воротыть?..

Другихъ рубливъ не хтивъ згубыть,

Забравъ въ калытку шеуратану—

Изь мицной юхты чы зъ сальяну—

И мицно, мицно завязавъ,

Въ кышеню тамъ, чы де сховавъ.

Иэновъ беда! Рубли бражчать!

Въ кешени, въ пазуси ихъ легко прымачать

Тому, кому чужее мыло—

Чы галка тамъ, чы мыло.

Беда Ивану за бидов

Зъ іого реминною кысою:

Чы пиде въ поле, чы на дугъ,

Бойтци всюды винъ злодуюгъ.

Нарешти думаетъ: Дай грошы законю,

„Въ такому мисти, що одинъ я тыльки знаю,

А тожъ отъ страху я такъ зъ ными пронадаю.

Ходывъ ходывъ,—зайшовъ у лисъ,

Щобъ не пидследивъ бачъ іого ныякій бачъ.

Пидъ дубъ тамъ въ яму грошы врывъ,

Дернынку зверху валожывъ.

Що жь? на ничъ винъ приходить до господы --

Не истъ, не пье, и спаты годи!.,

За думкой думка въ голови:

Чы тамъ рубля юго жывы?..

Чы не подгледивъ хто, якъ винъ ихъ клавъ у ямку?

Бижеть пидъ дуба винъ, ше не дождавшыся ранку!..

Пиднявъ дернынку: циле все!..

Туть чортъ подъ дубъ свиню несе,—

Бижеть вона за жолудями, —

И просто—до твенежъ ямы!..

„Чы се свиня, чы чортъ?... Аминь, аминь! Богъ зъ нами!..

Эге?—таке?... Колыжъ туть носить бисъ свиней,—

То якъ же уцилить туть скованца моей?..

„Колы вже свини туть пасутця.

Воны жь одъ жолудивъ

И до моихъ рублевъ

Якъ плюнуть доберуться!..

Нехай свиней тыхъ вызме бисъ!

Мы зъ скованкою дальше въ лисъ!..“

Бере кису свою—понисъ,—

И закопавъ ей подъ клена;

Кругомъ юго кисы росте трава зелена.

Ивану въ голову влятае мысль шалена:

„Усе росте—що ни посій,—

Росте цыбуля и картопля,

Росте и жыто, и конопля;

То тильки краныва та дурни

(Якъ кажуть люде вси розумни)

Несіяны ростуть!—Однакъ!..

Чы не росли бѣ то й грошы такъ?..

Давай—для пробы и посію туть пятакъ!“

Ни! мало пятака!.. Винъ наминавши дрибныхъ,

Шагивъ, копіюкъ мидныхъ,

Ихъ въ землю повтыкавъ рядкомъ,

Загрыбъ земляцою зъ пискомъ.

Жде, жде винъ всходу—цилый рякъ!..

А якъ хто жде чого—покажетця за виеъ.

Ну! що жь якъ грошы ти посіяны повсходять?

Туть думки чорни звовъ Иванови приходять:

Якъ стане дуже винъ богатъ:

Що, якъ, кому про те сказать?

И грошы ты куды дивать?

„Зъ кисою стильки амбарасу;

Що жь зъ корцемъ грошей!..?“

Ну! не гаймо жь бильше часу!

Що думавъ нашъ Иванъ, того не знали люде,
 Не знавъ Иванъ и самъ, що зъ його гришми буде.
 По сіянци, по тій надходить вже весна;
 Побігъ Иванъ у лисъ—побачить, чи рясна
 Изъ грошей заьязъ появилась?...

И довго зъ заступомъ рука його возилась—
 Поки знайшовъ винъ тамъ шага.
 Копійка тамъ—одна, друга...
 Заржавили въ земли—да й тилько...

А зходьти, росты—й не думалы, нискилько!...
 Иванъ ажъ плакати почынавъ;
 Бо дурень бувъ—сіюго й не знавъ,
 Що грошей такъ якъ макъ ни хто ниде не сіе,
 А жнуть не сіявши—коды хто добре віе.
 Выкопуе свое... На заступъ наляга!
 Копнувъ поглыбше—разъ!.. а тутъ його нога
 У яму разомъ провалылась!...
 Дира йому одкрылась!..

Загляне въ яму вивъ—стоять тамъ два котлы!...
 Въ одномъ червонци все, въ другому жъ все рубли!
 А зверху на одномъ заржавлена шабляка;
 А на другомъ лежить претовстая гадюка.
 А срибло й золото увъ очи ажъ блищать!...
 Винъ кричнувъ, обомливъ, и замертво лежить.
 Скарбъ замороженный, чи кажуть бувъ закланый.
 Не знавъ Иванъ на тимъ, соби його якъ взяты.
 Надходить въ лисъ коваль—тамъ уголье пальть,
 И бачить, що Иванъ надъ скарбомъ—вмеръ, лежить.
 Винъ скарбъ перехрыстьвъ и трійчи на-земь пжонувъ,
 Та й руку правую туды по локоть всунувъ.
 Начавъ червинци выгривать,
 Та въ угольны мишки зсмиать.
 Упоравшись же грожи,
 Пуствъ коваль до Бога вздохи,
 Щобъ Богъ покойныка принявъ.
 Гарнесенько йому очи позакрывавъ,
 Копійками понакладавъ—

Скупый! и тутъ рубливъ не дав!...
 И тильки що хотивъ одволоты у яму
 Покойныка—у тую жъ саму,
 Де бувъ зарытый скарбъ; молыву зговорывъ,
 И трійчи трупъ перехрыстьвъ,
 И тилько заспывавъ надъ нимъ винъ: „со святыми“...
 Якъ той моргне бривмы густыми!
 Якъ вскочить на ноги... и впрость до ковала!...
 Той мертвого злягавъ, а сей крычать: аля!

Аля! аля! свывя! Се скарбъ, ты бачышь, мій!

Я сіявъ, вырись винъ; а ты собі носій!...

(Винъ думавъ: се свывя—що тамъ колянъ пидъ дубомъ кису іого хва-
тала дубомъ)

Коваль іому на те: „Я скарбъ одворожывъ;
Якъ-бы не я, то й ты не бувъ бы доси живъ.
Телерь за те мени одъ скарбу половына.
Подилимся! не будь упрямий, мовъ дитына!...

Колы жъ що дійде до чого,

Такъ въ суді! А тамъ нема ничого вже твого!...

Якось то вже вони собі тамъ погодылись

И скарбомъ подилились.

Иванъ и доси всимъ розкажуе Жиланамъ,

А часто и Кылнамъ,

Якъ грошы сіявъ винъ и якъ вони росли,

Не знае тильки якъ зайшли

Воны у ты котлы...

Коваль же ворожбу свою все выхваляе,

Що одъ нечыстого таки слова винъ знае:

Якъ скаже слова гры—нечыстый утикае,

А скарбъ сій, що стеригт, іому вже зоставляе...

Буда безъ грошей бутъ! Зъ грошмы жъ нема покою.

Злодівъ бійсь, огню—и литомъ и зимою.

Прителівъ же бійсь: вси просятъ у займы,

А взяли, одъ тебе жъ бижать, якъ одъ чумы.

У карты грошы сій, на моды, на наряды,

На коней, на собакъ,

Вси вытребецьки и табакъ!...

Шелыхвосты купци тому вси будуть рады;

А потимъ осміють изъ головы до нигъ,

Що высіявъ ты все, забрать же зновъ не змигъ.

Не вси жъ шастлывы такъ, якъ той нашъ бувъ Иванъ,

Що сіявши шагы—червнцывъ взявъ казанъ.

Не всякъ такій коваль, що въ лисъ по угли йшовъ,

И тамъ готовый скарбъ знайшовъ,

И не даввши винъ Ивасенька клещамы

Зьумивъ дилыца зъ нимъ червнцывами й рублямы.

Зробить вы коваля секлетаремъ на часъ—

Таки у того жъ пана,

Що грошы сіявъ—у Ивала,—

Побачыте якъ зъ нимъ подилытца Ивась.

Якъ скаже секлетарь: „Ой пиде нашъ пидъ судъ!“

То лавъ іому й готовъ дать ассигнацій пудъ!

Таъжъ жоужъ? Ще й не бере! торгуетця: дай пять!
 Щобъ и покойника було чимъ поминать,
 А якъ покойничокъ умре,
 То вавъ копійки два йому у въ очи впре,—
 Ни, ни!—не бильше!
 А то бува ще й гирше.—

Червця 26 дни 1841 року.

Челобитная митрополита Кіевскаго Варлаама Ясинскаго о безпокойствѣ, причиняемомъ Софійскому монастырю близостью дворовъ, населенныхъ военными людьми. За монастыремъ престольнымъ митрополитанскимъ Кіевскимъ Свято-Софійскимъ, въ великой тѣснотѣ и въ непокою между самыми ратными людьми сущемъ, идѣже всегдашне есть убогое многоскорбное жилище митрополита, суть тамо поблизку на землѣ изстари церковной Свято-Софійской дворы людей ратныхъ, нѣкія и пустыя, якоже еднѣ, идѣже живяше нѣмчинъ генераль Петръ Гордонъ ¹⁾, другой идѣже зять его Родіонъ ²⁾ и прочіе, отъ нихъ же въ нѣкихъ нынѣ имѣють свой угодыя воеводы кіевскіе, а митрополиту въ тѣснотѣ той отнюдь есть непокойно *отъ вопля близкихъ всегдашнихъ барабановъ и трубныхъ иралицъ*, тѣмъ-же отчасти на прибавку монастыря, подалѣе отстояніе отъ воротъ монастырскихъ, ради нѣкоего упокоенія отъ того вопля, да тѣ дворы поблизку тамо на землѣ церковной сущіе присо-вокулены будутъ къ самой той оградѣ Свято-Софійскаго монастыря до валовъ городовыхъ, яко же бѣ до того мѣста монастырь той при древнихъ митрополитахъ, о томъ превелнкой милости вашего царскаго пресвѣтлаго величества бьетъ челомъ богомолецъ вашъ митрополитъ Кіевскій со всѣмъ монастыремъ тѣмъ престоломъ Свято-Софійскимъ.

А въ смѣтномъ списку прошлаго 19³/₁₆₈₅ года написано:

17 дворъ государевыхъ и полковаго строенія, а на нихъ будучи на ихъ в. г. службѣ въ Кіевѣ по пріѣздѣ своемъ до отпуску живутъ генераль-поручикъ Петръ Гордонъ и Московскихъ и Кіевскихъ жи-

¹⁾ П. Гордонъ жилъ въ Кіевѣ съ 1679 по 1686 годъ.

²⁾ Старшая дочь Гордона Екатерина была замужемъ за полковникомъ Рудольфомъ Штрасбургомъ, который жилъ въ Кіевѣ до 1691 года.

лыхъ рейтарскихъ и солдатскихъ и стрѣлцехъ полковъ стольники и полковники и подполковники и нижнихъ чиновъ начальныя люди.

А близько тѣ дворы къ Софійскому дому, того въ смѣтномъ спискѣ не написано и въ приказѣ Малыя Россіи не вѣдомо.

(Моск. Арх. М. Ю., вн. Сената, № 2/1729, л. 153—154).



БИБЛІОГРАФІЯ.

M. Bobrzyński St. i Smolka. Jan Długosz, jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. Kraków, 1893. (М. Бобжинскій и Ст. Смолька. Дянь Длугошь, его жизнь и положеніе въ письменности). Стр. VII+336, in—4.

Настоящій трудъ извѣстныхъ польскихъ историковъ былъ предназначенъ къ выходу еще въ 1880 г., къ 400-лѣтней годовщинѣ смерти Длугоша. Въ надеждѣ отыскать новые матеріалы, авторы отложили печатаніе книги, но надежда эта оправдалась лишь въ слабой степени, и книга выпущена нынѣ въ свѣтъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій. Популярное изложеніе настоящаго труда дано г. Смолькой еще въ 1880 г., въ журналѣ *Tygodnik illustrowany*, и вошло въ сборникъ статей того же автора «*Szkice historyczne*» (т. I, стр. 65—124). Вышедшія впоследствии сочиненія, касающіяся Длугоша (Семковичъ, *Krytyczny rozbiór «Dziejów polskich» Jana Długosza*, Kraków, 1887 г. и Каро, *Geschichte Polens*, т. V, Gotta, 1886, 1888 г. г.) ни въ чемъ не измѣнили основныхъ сужденій нашихъ авторовъ о дѣятельности и манерѣ отца польской исторіи.

Сочиненіе г. г. Бобжинскаго и Смольки снабжено обширными регестами для біографіи Длугоша, извлеченными большею частью изъ мѣстныхъ архивовъ (стр.—333), и представляетъ образцовый біографическій трудъ. Авторы, отдавая должное заслугамъ польскаго Геродота, въ тоже время съ полнымъ безпристрастіемъ указываютъ на слабыя стороны Длугошева главнаго труда: его узкій націонализмъ, многочисленныя извращенія фактовъ, умолчанія о событіяхъ, неудобныхъ для основной тенденціи, и вообще на вліяніе идей знаменитаго въ исторіи XV в. краковскаго епископа Збигнѣва Олесницкаго, вѣрнымъ послѣдователемъ котораго былъ Длугошь, приступившій къ своей работѣ по его инициативѣ.

Для исторіи польско-русскихъ и польско-литовскихъ отношеній «Исторія» Длугоша даетъ разносторонній, нерѣдко оригинальный матеріаль, съ которымъ необходимо считаться. Поэтому не лишень значительнаго интереса взглядъ г. г. Бобжинскаго и Смольки на эту сторону историческаго труда Длугоша.

Наряду съ борьбой противъ гусситства, въ программу Олесницкаго входило полное подчиненіе и окатоличеніе Литвы и подвластныхъ ей русскихъ областей. Политическая самостоятельность Литвы на основѣ компромиса между православіемъ и католичествомъ отнюдь не ладилась съ такой программой. Для достиженія цѣли Олесницкому представлялось наиболѣе удобнымъ удовлетворить честолюбіе многочисленныхъ гедиминовичей, оставивъ въ ихъ владѣніи мелкіе княжескіе удѣлы, ослабить ихъ такимъ разъединеніемъ и тѣмъ открыть широкую дорогу польскому преобладанію и католической пропагандѣ. Длугошъ не въ состояніи былъ охватить этотъ планъ во всемъ его объемѣ, — созданное польско-литовской уніей положеніе вещей требовало отъ историка новыхъ приемовъ изложенія, новой группировки фактовъ и отношеній. Съ такой задачей Длугошъ не могъ справиться. Изложеніе исторіи этой эпохи страдаетъ у Длугоша расплывчатостью и отрывочностью, отсутствіемъ исторической перспективы и рѣзко выраженною тенденціозностью на польско-національной основѣ, причемъ отношенія королевской власти къ польской аристократіи изображены историкомъ въ неполномъ и даже извращенномъ видѣ.

Наиболѣе рельефнымъ образомъ эти недостатки сказались въ изложеніи польско-литовскихъ отношеній. Нужно замѣтить, что въ борьбѣ съ Литвой поляки любили ссылаться на исторію, и Длугошъ, какъ знатокъ историческихъ документовъ и притомъ практическій дипломатъ, думалъ въ этомъ случаѣ оказать услугу своему отечеству, излагая все дѣло въ патріотической окраскѣ. Этимъ можно объяснить, что Длугошъ силится представить литовцевъ XIV в. чуть-ли не дикарями, игнорируетъ факты давняго распространенія на Литвѣ христіанства, чтобы тѣмъ ярче выставить заслуги Польши, умалчиваетъ, что Ольгердъ и Ягайло были христіанами, наконецъ, совершенно упускаетъ изъ виду вліяніе на Литву высшей культуры покоренныхъ русскихъ областей.

Съ особенною силою сказывается тенденція Длугоша въ изложеніи спора за Подольскую землю. Этотъ «текущій медомъ и млекомъ» край еще со времени занятія Червонной Руси сдѣлался пред-

метомъ жадности польской аристократіи, въ надеждѣ на извлеченіе огромныхъ доходовъ изъ дѣвственной почвы. Польская колонизація ширится тутъ уже съ конца XIV в., вслѣдъ за отнятіемъ земли отъ Федора Корьятовича, и многочисленныя политическія перемены на Подольи лишь благопріятствуютъ этимъ притязаніямъ. Въ интересахъ аристократіи, необходимо было поставить Подолье на одну доску съ Червонною Русью. Отсюда лживая теорія о запытіи Подолья поляками еще въ XIV в., по изгнаніи татаръ. Поэтому, Длугошъ совершенно игнорируетъ такіе факты, какъ синеводская битва, вовсе умалчиваетъ о тридцатилѣтнемъ пребываніи на Подольи кн. Корьятовичей, самое Подолье является у историка какъ *deus ex machina* лишь ко времени передачи земли Спнтку изъ Мельтена, который представленъ ленникомъ польской короны, будто-бы владѣвшей этою провинціею со временъ Казимира Великаго. Въ концѣ концовъ, измѣническій захватъ каменецкаго замка въ 1430 г. изображенъ у Длугоша какъ вполне законное и справедливое дѣяніе, оправдываемое прошедшей исторіей польской «провинціи».

Точно также и дальнѣйшія стремленія Литвы къ политической самостоятельности на основѣ персональной уніи приравниваются Длугошемъ чуть ли не къ прямому возмущенію противъ законной власти, къ измѣнѣ общему отечеству. Отсюда полное непониманіе или извращеніе политической роли Витовта и невѣрное освѣщеніе дѣятельности кн. Свидригайла Сигизмунда, и короля Казимира Меллончика, политика котораго въ отношеніи Литвы представляется историкомъ измѣной Польшѣ.

Благодаря открытымъ впослѣдствіи хроникамъ, и документамъ, новѣйшіе изслѣдователи нынѣ могутъ исправить ошибки сужденія Длугоша и возстановить историческую истину и дѣйствительный характеръ эпохи, и въ этомъ отношеніи безспорная заслуга принадлежитъ не только русскимъ, но и польскимъ ученымъ, насколько и они, въ свою очередь, отрѣшаются отъ предвзятыхъ взглядовъ, вызываемыхъ новой складкой исторической жизни. Изданный нынѣ трудъ г.г. Бобжинскаго и Смольки, предназначенный къ юбилею Длугоша, какъ можно уже судить изъ сказаннаго выше, въ высокой степени свидѣтельствуетъ о возможности такого безпристрастія даже при обстоятельствахъ по истинѣ затруднительныхъ. Быть можетъ, эту черту изслѣдованія должно отчасти объяснять нѣскольکو запоздалое его появленіе, не лишующее его однако значенія весьма цѣннаго вклада въ науку.

Матеріалы по этнографіи Новороссійскаго края, собранные въ елисаветградскомъ и александрійскомъ уѣздахъ херсонской губерніи В. Н. Ястребовымъ. Одесса, 1894 г. Цѣна 1 р. 50 к.

«Матеріалы» раздѣлены на два отдѣла: 1) на суевѣрія и обряды, и 2) на легенды, сказки и рассказы.

Первая часть собственно заключаетъ народную космогонію, народный календарь и народную медицину. Многіе рассказы составляютъ матеріалъ, совершенно оригинальный, другіе служатъ вариантами къ изданнымъ уже Чубинскимъ, Драгомановымъ и Харьковскимъ филологическимъ обществомъ.

2-й отдѣлъ легендъ будетъ служить цѣннымъ вкладомъ въ малорусскую народную, т. н. двоевѣрную литературу. Хотя легенды записаны отъ народа, но онѣ изложены такъ живо, что представляются изъ себя какъ бы обработанныя повѣсти, какъ напр.: рассказъ подъ № 22 «Про царильника».

«Объясненіе топографическихъ названій» иногда кажется не совсѣмъ удачнымъ, напр. «Бѣдняжка» (балка) названа такъ потому, что здѣсь жилъ гайдамакъ Бѣднякъ; «Коротякъ» (балка) названа по имени запорожца Короткаго; Бессарабія («конецъ» Петроострова) названа такъ по отдаленности положенія (?).

Въ діалектологическомъ отношеніи «Матеріалы г. Ястребова» представляютъ много интереса для филолога какъ со стороны лексической, такъ и фонетической.

Х. Я.

*Н. В. Гоголь. Біографическій очеркъ А. Анненской изд. Павленкова
Спб. 1891 г. цѣна 25 к.*

Изъ большой серіи біографій, издаваемыхъ Ф. Павленковымъ, попадается многія, которыя съ удовольствіемъ читаешь и изучаешь: видно, что составитель стоялъ на высотѣ своего дѣла.

Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать о біографіи Гоголя, написанной г-жей А. Анненской. Обыкновенно, даже въ Павленковскихъ біографіяхъ въ началѣ прилагается перечень источниковъ и пособій, по которымъ составляется эта біографія, — въ разбираемой біографіи такой перечень почему-то отсутствуетъ. А матеріалы и источники, въ видѣ писемъ Гоголя, біографіи его, написанной П. Кулишомъ, критики нашихъ корифеевъ и изслѣдованій Н.

Тихонравова, В. Шенрока, — существуют очень достовѣрные и почтенные.

Первая половина біографіи: ученическіе годы Гоголя и генезисъ первыхъ рассказовъ его съ знаменитой повѣстью «Тарасъ Бульба», — эта половина какъ-то пройдена вскользь и поверхностно. Эпоха «Ревизора» и душевнаго кризиса писателя освѣщена нѣсколько лучше. Затѣмъ, къ крайнему сожалѣнію, тоже отсутствуетъ оцѣнка писателя и его произведеній.

Наконецъ, въ издательскомъ отношеніи такая масса опечатокъ, что просто совѣстно книгу въ руку взять. Какъ обидно, что такой великій писатель, какъ Гоголь, гордость и слава нашей литературы, глава натуральной школы, дождался такой небрежной и поверхностной біографіи.

Х. Я.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Изданіе Управленія Кавказскаго учебнаго округа, выпускъ 15 и 16. Тифлисъ 1893 г.

Мы уже имѣли случай упомянуть объ этомъ дѣльномъ изданіи (Кіевская Старина 1889 г. кн. 7); нельзя не радоваться, что оно находится, повидимому, въ хорошихъ рукахъ, которыя продолжаютъ выпускать его въ свѣтъ съ рѣдкой настойчивостью и достаточнымъ умѣньемъ. Любопытнѣе всего то, что всѣ статьи и весь народоописательный матеріалъ принадлежалъ труженикамъ народнаго образованія: учителямъ и учительницамъ, изрѣдка инспекторамъ народныхъ училищъ, и нельзя не радоваться той поддержкѣ, какую получаютъ они въ дѣлѣ народоизученія у мѣстнаго окружнаго начальства. Благодаря рѣдкой энергіи этихъ почтенныхъ тружениковъ, русская наука ежегодно обогащается обильными, иногда любопытными и даже весьма важными этнографическими данными. (Въ 15 выпускѣ приведены, напримѣръ, болѣе 60 записей нѣсенныхъ напѣвовъ въ скрипичномъ ключѣ). Изъ вышеуказанныхъ двухъ выпусковъ пятнадцатый показался намъ особенно любопытнымъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ, въ числѣ прочихъ статей, историко-этнографическое описаніе малороссійской козачьей станицы «Прохладной» Терской области Пятигорскаго округа. Изъ приведенныхъ въ этомъ отношеніи образцовъ, обычаевъ и нѣсенъ видно, что не смотря на порчу и неиз-

бѣжное видоизмѣненіе многихъ изъ нихъ, (хотя бы на примѣръ, доспитокъ) въ нихъ все еще можно наблюдать и своеобразную исконность нѣкоторыхъ обрядовъ и пѣсенъ, и иногда даже слѣды глубокой древности, хотя уже и потерявшей все свое значеніе въ сознаниі населенія и иногда порядкомъ таки извращенной. Изъ искаженій въ обрядныхъ пѣсняхъ можно отмѣтить хотя бы слѣдующее. Въ свадебной пѣснѣ № 16 «Да стояла Параска пиць винцемъ» дѣвушка, находясь уже подъ вѣнцомъ чешется «гребенцемъ», что является обстоятельствомъ совершенно невозможнымъ. Искаженіе это явилось уже, конечно, какъ слѣдствіе забвенія старинныхъ обычаевъ и пѣсенъ, потому что, какъ справедливо замѣтила редакція въ подстрочномъ примѣчаніи, въ черниговской боялѣ или менѣе первообразной равновидности этой пѣсни («Нар. южнорус. пѣсни» 167 стр.) невѣста чешетъ свою косу не подъ вѣнцомъ, а еще только собираясь къ вѣнцу, что, конечно, вполне естественно; прочія обстоятельства сходны въ обѣихъ равновидностяхъ.

Изъ свадебныхъ пѣсенъ, поющихя въ Наурской станицѣ, съ чисто великорусскимъ населеніемъ, любопытна первая «Тамъ у броду, тамъ у броду брала дѣвчоночка воду», представляющая замѣчательный примѣръ усвоенія населеніемъ малороссійской пѣсни и подправки въ ней языка преимущественно въ звуковомъ отношеніи. Вотъ эта пѣсня:

Тамъ у броду, тамъ у броду
 Брала дѣвчоночка воду;
 Козаченька до коня наповаетъ,
 Самъ съ дѣвчонкой разговляетъ:
 — Горе жъ тому козаченькѣ,
 Что двѣ дѣвчины любитъ:
 Одну любитъ чернявую,
 А другую бѣляную:
 Чернявая дѣвчоночка
 Цѣлуется, обнимается,
 А бѣленька—то-жъ моя миленька—
 Слезочками умывается—
 „Я пробилъ черевички
 На горочку выбѣгаючи,
 Просмотрѣла да свои ясны очи,
 На милаго выглядяючи —
 Если-бъ тому козаченькѣ
 Челнокъ да весельце

Съль бы, поѣхалъ на тотъ бережочекъ,
Гдѣ дѣвчина—его сердце.

Пѣсня эта поется парнями, товарищами жениха въ то время какъ онъ, въ сопровожденіи своихъ родственницъ, идетъ къ невѣстѣ на дѣвичникъ. Изъ пѣсенъ, поющихя въ Слѣпцовской станицѣ, отмѣтимъ особенно № 12 въ отдѣлѣ «Военно-бытовыхъ пѣсенъ». Поѣхалъ далече козакъ на чужбину на добромъ конѣ ворономъ, свою онъ на вѣки покинулъ крайну...». Пѣсня эта, очевидно, малороссійскаго происхожденія и является усвоеніемъ извѣстнаго украинскаго первообразца—пѣсни «Стоить явирь надъ водою, въ воду похилився...» Слово «Украина» малорусской пѣсни превратилось въ «краину» слѣпцовской. Пресловутая калина тоже имѣется въ слѣпцовской пѣснѣ

Не имѣя въ виду подробно разбирать матеріалъ, предлагаемый «Сборникомъ», мы не останавливаемся здѣсь на доказательствахъ нашихъ сближеній. Скажемъ только, что родство указанныхъ пѣсенъ для насъ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе почти полной тождественности *поэтическихъ образовъ*, особенно главнаго изъ нихъ: посадки калины на могилѣ козака, уѣхавшаго на чужбину, Вотъ это мѣсто въ обѣихъ пѣсняхъ:

а) *Въ малорусской;*

(Козакъ) Казавъ соби насыпати
Высоку могилу.
На могилу посадыти
Червону калыну.
Будуть пташки прилытати
Калыновъку исты,
Будуть ему приносить
Изъ родныи висти.

б) *Въ слѣпцовской.*

Козакъ и просилъ и молилъ умирая
Насыпать курганъ у него въ головахъ:
— Пускай на курганѣ калина родная.
Красуется въ яркихъ цвѣтахъ.
Пусть вольная пташка, сидя на калинѣ,
Порой прощепечеть она обо мнѣ,

Какъ нѣкогда жилъ здѣсь козакъ на чужбинѣ:
Онъ помнить о милой родной сторонѣ.

Отличіе въ образѣ только то, что въ Слѣпцовской пѣснѣ онъ имѣеть драматическое выраженіе, а въ малорусской эпическое.

При пятнадцатомъ выпускѣ приложено значительное количество напѣвовъ къ пѣснямъ станицъ Прохладной, Слѣпцовской и Наурской.

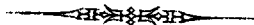
Въ шестнадцатомъ выпускѣ приведено много данныхъ къ народному (врачевательству) врачеванію разныхъ болѣзней (есть свѣдѣнія, относящіяся и къ малороссійскому населенію, наприм., въ статьѣ учителя Дѣдуха «О болѣзняхъ въ ст. Переяславской»), по экономическому состоянію разныхъ мѣстностей. Есть, впрочемъ, и записи повѣрій, сказокъ, обрядовъ; между прочимъ ученикомъ Закавказской учительской семинаріи Максимиліановымъ записано даже одно чешское сказаніе «Три двугривенныхъ».

Есть нѣсколько записей, свидѣтельствующихъ также о замѣчательномъ взаимномъ воздѣйствіи, въ отношеніи языка, мѣстнаго великорусскаго и малороссійскаго населенія. Такъ, на стр. 344, въ статьѣ учителя Гусева «Повѣрья, праздники, пѣсни и сказки въ ст. Ардонской Терской области», приведена, напримѣръ, пѣсня «Выйду, выйду и на круту гору, стану, гляну я на синю хмару. Высокъ соколъ, сызокрылъ орель...», сообщенная составителю статьи козакомъ Игнатомъ Тваченкомъ; языкъ этой пѣсни представляетъ почти неуловимое уже сочетаніе двухъ стихій: великорусской и малорусской, необыкновенно тонкое и до того, такъ сказать, органическое взаимное ихъ проникновеніе, что даже чисто малорусскія выраженія, какъ напримѣръ, «Положила ихъ (кудри) все подъ вишеньку, подъ вишеньку, подъ черешеньку», не рѣжутъ такъ слуха, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ только механическое сочетаніе великорусской и малорусской стихій въ языкѣ пѣсни.

Въ заключеніе не можемъ не выразить пожеланія видѣть записи народныхъ пѣсенъ и другихъ памятниковъ народнаго творчества болѣе исправными, а то въ рассматриваемыхъ нами книгахъ поощается значительное количество всяческихъ искаженій и самыхъ неурядныхъ недосмотровъ, что невольно можетъ подрывать довѣріе къ самой точности записей... Опечатокъ такъ много, что, напримѣръ, раскрывши какъ то совершенно случайно пятнадцатый выпускъ на 60 страницѣ, мы сразу же наткнулись на двѣ слѣдующія: *если* *вм.*

ели (въ стихѣ: Гдѣ сдвинулись дружно и сосны и *если*), *шнуроки*, очевидно, вмѣсто *шнурочки*. Просматривая оба выпуска уже съ спеціальной цѣлью изученія ихъ, мы то и дѣло встрѣчали недосмотры въ такомъ же родѣ, но выписывать ихъ здѣсь не считаемъ нужнымъ.

А. Степовичъ.



п. Семена сегодня, черезъ котораго писалемъ до матки, жени и брата. У лазнѣ милемся у панѣи. Панѣи была у графа и благодарила его за опредѣленіе маетностей.

Неделя. 16. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ блемъ у своихъ посланныхъ, а оттоль у себе зъ Валкевичемъ игралъ въ карти.

Понеделокъ. 17. Сегодня рано билемъ у графа и отдалемъ ему росписку, обѣдалемъ у паней, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, оттоль до п. Петра Апостола и посидѣвши довольно, приехалемъ въ свояси.

Вовтор. 18. Принялемъ слугу Павла Лещенка, бывшего передъ симъ у архиерея псковского Рафаила Заборовского за служителя. Заплатилемъ Юску сестриному за баранка чорного 2 р. зъ четверт. и аксамитъ алий да Александра зъ парюю соболей послалемъ. У вечеру ездилемъ до Курбатова и до паней. П. Михайлови за пару лѣйцовъ зъ чубами и сергами 3 р. и 5 копѣекъ.

Среда. 19. Сегодня п. Петровая, посланники малороссійскіе, Стороженко, Миклашевскій, Гамалѣя и Омеляновичъ и слуга мой Алексѣй (которому на дорогу далемъ полтора руб.) поехали отсюда въ Глуховъ, черезъ которыхъ писалемъ до Количева поздравленіе и листъ къ бригадиру, отъ Александра принятій, включилемъ. До брата п. Михайла и пару лѣцовъ зъ чубами и сергами, за 3 р. купленніе, послалемъ и о его интересѣ его увѣдомилемъ, до жени и пару соболей черезъ Омеляновича послалемъ. Обѣдалемъ у п. Петра Апостола и оттуду до посланниковъ заехавши, простилися зъ ними и въ свою повернулемся къ квартиру. (*Выписка изъ „Буддеа“*).

Четвер. 20. Сегодня обѣдали у своей квартири, а въ вечеру играли въ карти п. п. Гамалія и Валкевичъ.

Пятокъ. 21. Купилемъ полтора футра сѣбирковаго за 4 р. 3 грив. да два кутаси сѣбннихъ съ конотелю, за два рубли и 4 копейки, золотникъ по 25 к.

Субота. 22. Сегодня обѣдалемъ у паней и позабавилемъ у сестри. Увѣдомилися, что Петръ Андр. Толстой въ силки въ Со-

ловецкомъ монастыру умеръ, которого погребати посланъ указъ и что о родителяхъ опредѣленіе учинилось.

Неделя. 23. Обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ довольно просидѣлемъ зъ сестрою, и въ вечеру у своей квартирѣ зъ пріехавшими Валкевичомъ и Гамалѣю играемъ въ карти нѣ... (?) ми до нихъ ездили. Панѣ заболѣла, опаривши себѣ рунтуру овсомъ горячимъ.

Понедѣлокъ. 24. Сегодня шапки 2 пошитіе мнѣ: черная баранковая и бѣлая аксамитная, съ соболемъ и зъ кистями. Обѣдалисмо у себе и вечеромъ съ родителемъ до Курбатова ездили.

Вовтор. 25. Благовѣщеніе. Сегодня службы Божой слухалисмо купно съ панею у церквѣ прихожей и обѣдали тамъ же, а по обѣдѣ долго зъ сестрою просидѣлемъ, и пріехавши въ свою квартиру играли въ карти зъ Иваномъ Гамалѣю и Валкевичомъ пріехавшими. Родитель билъ у графа и просилъ его объ Засулюю и получилъ отвѣтъ ни утвердительный, ни отрицательный.

Среда. 26. Сегодня рано быдемъ у паней, а обѣдаемъ у себе, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова отъ паней зъ прошеніемъ етс. Коня продалисмо своего за 7 р. зъ полтиною, якіе на расходъ Вѣжевскому отдаемъ и записалемъ.

Четвер. 27. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, оттуду до паней, где и обѣдаемъ, а по обѣдѣ пріехавши, засталемъ въ своей квартирѣ Кошіева, шурина Мировичового, зъ котормъ, тако жъ зъ братомъ и Мировичомъ, играючи въ карти, програть около 3 р. братъ выграть. Сегодня начали писать разсужденіе богословское на бозбожіе, на чисто; я диктовалъ, а Мировичъ писалъ.

Пятокъ. 28. Сегодня уговорили коновала лѣчить отъ паршей коня ступака, до праздника, за 1 р. и вѣдро горѣлки простой. Силутовалъ коноваль. Ездилемъ въ день до паней для ея болезни, а до Курбатова нельзя было ехать для Москви реки розлившойся.

Субота. 29. Сегодня получилиемъ черезъ Каратаева писма зъ дому, зъ котормъ въ одномъ пишутъ о приключившойся смерти Василеву Жуковскому, сотниченку Глинскому, которого мужики Волошиновскіе убили, коломъ голову съ потилицѣ сквозь пробили,

носѣ оттяли, покололи и другіе тиранства на немъ пополнили, и тотъ случай пришолъ ему сего марта 8-го числа.

Неделя. 30. Сегодня службы Божой слухалемъ въ колегіумъ, где предіку сказывалъ отецъ архимандритъ Кошцевичъ; обѣдалемъ у паней, у вечеру былемъ у архіерея Новгородского и осмотрувалемъ книгъ и картинъ его, зъ П бурха теперь привезенныхъ.

Понеделокъ. 31. Сегодня никуда не ездилемъ, а дописывали бесѣды на аеенговъ, я диктовал, Яковъ Мировичъ писалъ.

М-ць Апрель. Вовторокъ. 1. Сегодня обѣдалисмо дома, а брата Марка посилалемъ до сестри зъ обманю, то есть листомъ, будто откудасъ писаниимъ, а въ немъ только било: 1-та argilis. Получилемъ листовъ пакетъ отъ п. Михайла зъ Глухова, которій пишеть о первѣйшомъ пакетѣ, посланномъ до мене черезъ Андрѣйца, службу п. Петра, и неотданномъ.

Середа. 2. Сегодня окончилисмо бесѣду на аеенговъ, въ 20 листахъ, in 4-to.

Четвер. 3. Сегодня приобщалисмося тайнамъ Христовимъ.

Пятокъ. 4. Сегодня чоботи заплатилемъ нѣмецкіе за 30 а.

Субота. 5. Никуда жъ не ездилисмо, а въ насъ ноцное и по-вечерное набожество отпавлялось черезъ Полѣтовича.

Воскресеніе. 6. Сегодня ране были у князь Дмитрія Михайловича и графа, а обѣдали у паней, а и продновалъ тамъ.

Понеделокъ. 7. Сегодня рано ездилемъ до князей Василя Володимер. и Василя Лукича Долгор., а обѣдали у паней.

Вовтор. 8. Сегодня рано былисмо у Наумова и Курбатова, обѣдалемъ у паней, которая заболѣла на фебру и кашель. Сихъ дней начавши отъ свѣтлого воскресного первого дня, когда воздухъ зъ теплого въ холодный перемѣнился, множайшіи люде, а особливе едва не вси знатніе заболѣли на фебру и кашель, такъ что цѣлыми фамилѣями многіи зъ господъ хорѣли. У вечеру билемъ у Бутурлина Николая и у паней.

Середа. 9. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ били у Степанова и графа Гаврила (Рагузинскаго) и Милитиновича, свойственниковъ Сави Рагузинскаго, тожъ болного.

Четвер. 10. Рано ездилемъ въ слободу до доктора Бидлова за слабостю панои, которого зъ женою тожь болнихъ засталемъ; обѣдалемъ у себе, а по обѣдѣ и у вечеру билъ у паней.

Пятокъ. 11. Сегодня обѣдалисмо у паней, куда я по обѣдѣ пріехалъ, для того, что Курбатовъ визитоваль оную, до которого посла ездилемъ и пріехалемъ въ свою квартиру. Кровъ зъ головной жили пускалемъ.

Субота. 12. Сегодня служби Божой слухалисмо у Богоявленскомъ, обѣдали у паней, а по обѣдѣ пріехалъ до насъ Валкевичъ и Гамалѣя и съ ними въ карты игравши, просидѣли.

Неделя. 13. Сегодня то жъ у паней обѣдалемъ, а я для приключившейся мнѣ алтерацѣи, резолвовался упится виномъ нолиннимъ, которое пили я, Кондзеровскій и отецъ Ісаия. Съ нимъ же, п. Кондзеровскимъ, компленацѣю учинилемъ. Едучи оттуду зацепился зъ молодымъ Салтиковимъ и взаимная била брань.

Понедѣлокъ. 14. Тинктуру (?) принималемъ 100 капель, а имѣлемъ седесь около 10. О прововѣденцѣи виписалемъ въ добавку и далемъ до переписки Якову Мировичу, швакгру.

Вовтор. 15. Сегодня обѣдалисмо у паней. Сестра Уляна Ивановна заболѣла на давний свой боль и обморокъ въ головѣ.

Среда. 16. Сегодня обѣдалисмо у себе и съ нами Мировичъ, а по обѣдѣ ездилисмо до Курбатова зъ род., оттолъ до паней и и тамъ довольно забавившись съ Тернавскимъ и Корецкимъ и маюромъ Зотомъ, повернулись къ себѣ. Въжевскому 5 р. далемъ на расходъ.

Четвер. 17. Сегодня рано ездилемъ въ слободу до доктора Бидлова, ради сестри Уляни Ивановни захоровавшой, и незаставши его въ дому, бо уехалъ до зятя своего Конова умирающого, тамъ его видѣлемъ и купивши тинктуру сестрѣ за 1 р. и прошку курительного за 10 а., повернемся и обѣдалемъ у паней. Указъ публѣкованъ—болнихъ зъ Москви за городъ вивозить. Сторговалемъ палатку за 5 р. съ пол. и полъ ведра вина, а полтину далъ.

Пятокъ. 18. Сегодня никуда не ездилемъ ради жестокого моего катару, а окончили объ атеизмѣ разсужденіе.

Субота. 19. Сегодня обѣдалисмо у паней, я по обѣдѣ ездилемъ до Івана Гамалѣи, зъ братомъ и Мировичемъ, и тамъ игралемъ въ карти.

Неделя. 20. Сегедня службы Вожой слухалисмо въ Богоявленскомъ монастирѣ, обѣдалемъ у наней, а по обѣдѣ приехалъ въ свою квартиру, где билъ Іванъ Гамалѣя и пожегнулся со мною для того, что етездить во свояси, а Валкевичъ игралъ въ карти. Сегодня снѣгъ выпалъ рано и холодно было. Онъ же Іванъ Гамалѣя говорилъ, что будто, по репорту, умершихъ 5000. Панѣ зъ сестрою у насъ была.

Понеделокъ. 21. Сегодня обѣдалемъ въ паней и родитель. Получилемъ письмо отъ брата п. Михайла, въ которомъ пишетъ о своемъ дѣлѣ и обходительствѣ князя Шаховского. Куплени мнѣ сѣмена за 57 а. Вѣжовскому далемъ на расходъ 8 р.

Вовтор. 22. Сегодня рано не ездилемъ, а обѣдалисмо дома. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, который дѣла тіотки и отца моихъ обѣщаль представить къ окончанію въ субботу.

Середа. 23. Сегодня обѣдалемъ у паней, а оттуду ездилемъ до Новгородского архiereя, у которого позабавилемся до полночи. Сего вечера въ въ слободѣ немецкой отъ двора доктора Бидлова якъ стало горѣти, то за полночь горѣло и згорѣло дворовъ 170, зъ великимъ купчиновъ иноземнихъ убиткомъ отъ огня и розхвату.

Четвер. 24. Сегодня обѣдалисмо дома, а по обѣдѣ зъ Мировичемъ ездили до слободы нѣмецкой, где випили понтаку бутылку, оттуду заехали до паней и въ свою квартиру.

Пятокъ. 25. Сегодня заплонденъ въ дому сидѣлемъ. (*Выписка „изъ филозофа Конфуція“*).

Субота. 26. Сегодня обѣдалемъ у наней, а по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра и оттуду приехали въ свою квартиру. Александру Поповичу, который приехалъ зъ Глухова, отдадемъ писма до п. Михайла и моей жени писаніе, где приложени и сѣмена заморскіе. Началемъ декоктъ кровочистительній пить.

Неделя. 27. Сегодня обѣдалемъ у паней, а по обѣдѣ приехали въ свою квартиру, где засталъ Валкевича, игравшого въ

карти. Составилемъ прошеніе до графа Івана Гавриловича о Засульѣ. Бывшій войтъ бакланскій Бруневичъ получилъ жалованне 24 р. и на отездъ 4 подводѣ, пашпортъ зъ прописаніемъ его терпѣнія за битія колегіи понесенного, сказиваль Валкевичъ.

Понедѣлокъ. 28. Сегодня никуда я не ездилъ, а род. ездилъ зъ прошеніемъ тимъ до Івана Гавриловича. Обѣдалъ у насъ Валкевичъ и играли въ карты зъ проиграшомъ моимъ.

Вовтор. 29. Сегодня обѣдалемъ у паней, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова и Маркелова и увѣдомилися о нашемъ дѣлѣ еще у великій постъ вершенномъ, у страстній вовторникъ. Паней дѣло совсѣмъ скончено и грамота на владѣніе Кучеровки зъ присѣлками, Савиновки и Линовицѣ подписанни графскою рукою канцлера, да указъ до князя Шаховскаго, и грамота до н. гетмана о томъ же и отдачи пожитковъ во всѣхъ маестностяхъ паней отписныхъ, заарестованныхъ, и о не судѣ паней самой, которому, по силѣ протекціалной грамоти, битъ отправляему у иностранной колегіи, а въ земскихъ дѣлахъ судимимъ битъ у генералного суда. Теперъ же увѣдомился я, что еще у постъ вел., у помянутой вовторникъ, приговорено отказать намъ отъ села Засуля. Вѣжевскому 6 р. дано на расходъ.

Среда. 30. Сегодня обѣдалисмо у паней, по обѣдѣ ездилемъ до Василя Маркелова и о оттоль до Курбатова.

М-ць Май. Четвер. 2. Сегодня обѣдалемъ у паней же, где былъ и Тернавскій. По обѣдѣ ездилемъ до Курбатова, упоминаючись о паней интересѣ.

Пятокъ. 2. Сегодня ездилемъ въ колегію и переехалемъ зъ своей квартери до паней, для того что въ мою палатку родитель перейшоль, ради веселія имѣющого въ прійдучую неделю чинитись въ семь дому князю смоленскому Соколѣнскому зъ Долгорукою княжною, сестрою жени Николая Ивановича Бутурлина.

Субота. 2. Сегодня тутъ же у паней обѣдалисмо, а по обѣдѣ играли въ карты. Вѣдомо мнѣ стало о дѣлѣ род. зъ старшиною лубенскою чинившомся, что оное 27-го марта вершено приговоромъ иностранной колегіи, за подписаніемъ канцлера и всѣхъ членовъ,

а въ ономъ приговорѣ 8 пунктовъ, а именно: 1) о селѣ Засулѣ чолобитствовали старшина, что оно не село, но фолварки роменскіе и хотя въ отвѣтѣ и показано тое, что оно село и била ссилка на ревизіалніе книги давніе и 1723-го году чинившіеся, однако жъ понеже самъ же отвѣтчикъ показалъ, что тое Засулле прежде его владѣнія обрѣталоса въ вѣдомствѣ роменской городской старшины, того ради по силѣ указа въ тайномъ верховномъ совѣтѣ о возвращеніи ратушнихъ селъ къ ратушамъ, оное Засулле по прежнему привернуто къ городу, а отвѣтчику отказать и владѣть имъ не велѣть. 2) О собранномъ въ Смоленскъ провіантѣ, такъ же и о стародубовскомъ провіантѣ жъ допросить комисаровъ самихъ и взять реестръ у Костантія, на которыхъ била общая ссилка. 3) О церковнихъ покуховнихъ изъ скарбу войскового денгахъ, о купцахъ въ Шліонскъ зъ волами ходившихъ, о взятыхъ козакахъ въ походъ низовий къ возамъ, допросить тѣхъ, на которыхъ била общая ссилка, а о ямщикахъ роменскихъ подряднихъ писемъ осмотрѣть. 4) О сусентацѣи драгунской неравнимъ числомъ противъ другихъ въ маестностяхъ отвѣтчиковихъ бившихъ, по дѣламъ въ бывшой колегіи и енер. канцеляріи имѣющимъся, и о сихъ всѣхъ пунктахъ, второмъ, третьемъ и четвертомъ по допросамъ свѣдителей и по писменнымъ доказательствамъ разсмотря и изслѣдовавъ, учинить рѣшеніе по указу и по тамошнимъ малороссійскимъ правамъ. 5) О лишнихъ зборахъ въ ярмарки выписать зъ дѣла Протасіева и представить зде, въ Москвѣ, къ рѣшенію. 6) О тягостехъ полчанамъ чинившихся въ работахъ и взяткахъ, буде оное было, а по сказкамъ старшинскимъ прежде запрѣтительного указа, того ради сіе оставляется. 7) Въ показанныхъ на сына Якова (Марковича) жалобахъ о завладѣніи Перервинець и устроеніи футора Криворудского, такъ же о селѣ Кулажинцахъ, рѣшить по унѣверсаламъ и по крепостямъ и съ правъ малороссійскихъ, и о всѣхъ сихъ пунктахъ произвести слѣдствіе и учинить рѣшеніе князю Шаховскому, купно зъ великороссійскими персонами обрѣтающимися у суда генералного, понеже и тайному совѣтнику Наумову велено освѣдителействовать о тягостехъ небылихъ отъ него, а не гетману. 8) По

дѣламъ челобитчскимъ изслѣдованнымъ, когда будутъ челобитчики, здѣлать особіе выписки зде, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ къ рѣшенію, а которіе не изслѣдованны, тѣ отослать туда жъ (то-есть къ князю Шаховскому) для слѣдствія. Тюткѣ моей по силѣ указа въ тайномъ верховномъ совѣтѣ состоявшагося въ иностранной коллегіи, якіе приговорени села дать во владѣніе, а именно, въ тѣхъ по переписной великой книгѣ, такъ же по описнымъ вѣдомостямъ сколько дворовъ показуются:

По описнымъ вѣдомостямъ.

По переписной книгѣ.

Кучеровка, съ присѣлками—	168	160.
Въ томъ числѣ бобилей. . .	71	
подсусѣдковъ. . .	16	
Сасиновка, пахатныхъ . . .	71	
бобилей . . .	48	
итого . . .	119	
Линовица.	37	30
Всѣхъ—324, безъ подсусѣдковъ	308	

Оставшіеся отъ тѣхъ:

Евминка	178	170.
Въ томъ числѣ бобилей. . .	58	
подсусѣдковъ. . .	32	
Рудковка.	52	
Въ томъ числѣ огородниковъ	12	
Ремесниковъ	18	
Всѣхъ	320	

Быковская волость.

Слобода Быковская—30 двор. Старая Быковская—14, деревня Козацкая—20, Бѣлоцерковцѣ—25, Венрикѣ—21, Ворони—99, Комишная—19, село Красное—15, деревня Усовка—16, Макѣвка—58, хуторъ Степуновскій 4. Всѣхъ 321.

Чеховская волость.

Село Чеховка—30 двор., село Воронци—44, село Чернобаи—71, село Васютинцѣ—46. Всѣхъ 191. Лука-Княжая—60, Кулажинцѣ—45, Давидовка 64.

Собственного владѣнія паней въ Черниговскомъ полку:

Буровка дворовъ—97, Вихвостово—60, Дроздовица—67, Ваганичи—40, слобода Амувка—27, слоб. Володимирская—37, слоб. Волинская—45, слоб. Суховирская—13, слоб. Невкля—23, Полуботки—10, Пивцѣ—10, футоръ Бѣлоусовъ—5, слоб. Новая Александровка—73, слобода Загорская—67, Жерновая—34.

Неделя. 4. Сегодня обѣдалисмо тутъ у паней, а по обѣдѣ играли въ карти зѣ одиграшомъ денегъ, отъ мене Александрови доводившихся 2 р. съ полт. Князь смоленскій Соколѣнскій женился на сестрѣ куми нашей Николая Бутурлина женѣ.

Понеделькъ. 5. Сегодня обѣдалисмо тутъ же, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова и повернемся сюда жѣ на ночь.

Вовтор. 6. Сегодня рано зѣ род. ездилемо до графа просить замѣни за село Засулде и нѣчого не получивши, отехали, а обѣдали у паней. Зѣ Глухова привезенъ Хмеловскій, посланникъ за-порожскій, за арестомъ.

Середа. 7. Сегодня родитель мой въ церквѣ соборѣ архангела Михаила былъ у присягѣ на содержаніе подскарбіею енер. должности. По полученіи милостивого указа, якіе бывшая коллегія малор. опредѣлила збирать збори и якіе повелено брать въ рѣшительнихъ пунктахъ въ тайномъ верховномъ совѣтѣ прошлого году, где выражается:

*Опредѣленіе коллегіи.**Въ рѣшител. тайного верховного совѣта пунктахъ.*

- | | | |
|------------------------------|--|------------------------------|
| 1. Торговое, ковшики. | | 1. Покуховное. |
| 2. Ваговое (кромѣ стар- | | 2. Скатное. |
| 3. Вѣдерковое (шинь и знатн. | | 3. Зѣ продажного вина въ от- |
| 4. Стацѣю зѣ ратушнихъ сель. | | возѣ въ великор. города. |
| 5. Цюводное. | | |

- | | |
|--|--|
| 6. Скучное. | 4. Діогтевое. |
| 7. Діогтевое. | 5. Показанщина. |
| 8. Отъ вина волоского. | 6. Пчолыная десятина, кромѣ козаковъ. |
| 9. Отъ ташъ (торговыхъ палатокъ). | 7. Табачная десятина такожъ. |
| 10. Ярмарковое, кромѣ старшинъ и знатныхъ. | 8. Ярмарковое. |
| | 9. Зъ хлѣба мѣрки. |
| | 10. Зъ мостовъ и перевозовъ. |
| 11. Покуховное. | 11. Зъ откупныхъ разныхъ статей. |
| 12. Показанщина. | 12. Зъ ратушнихъ сель годовою платежъ и за живность. |
| 13. Ралцѣ. | |
| 14. Псколющина. | |
| 15. Тютюнная десятина зъ поспол. | |
| 16. Пчолыная десятина такожъ. | |
| 17. На слуги войсковіе зборніе денги. | |

(Слѣдуетъ выписка изъ „демонстраціи Гуеція“).

Четвер. 8. Сегодня обѣдалисмо у паней, а по обѣдѣ ездилемъ до Курбатова.

Пятокъ. 9. Сегодня ездилисмо зъ род. до Остерманна и не получивши его видѣть, за приключившоюся ему болѣзнію, повернулись назадъ. Въжевскому далемъ 7. р. и записалемъ въ реестрѣ.

Субота. 10. Сегодня тожъ ездилисмо до Остерманна и такъ же болного заставши, не получили его видѣть, оттуду заехавши въ аптеку Гутберта, купилемъ сестрѣ тинктуру на тоску, по рецепту доктора Бидлова, за 1. р.

Неделя. 11. Сегодня ездиле до Остерманна и видѣли его, и род. подаль чолобитную о Засуллѣ или вмѣсто его—другихъ свободныхъ селахъ. Обѣдалисмо у паней и съ нами п. Петро Апостоль, Тернавскій и Корецкій, для того что п. Петро зъ панею, я зъ сестрою, Алексаша (Толстой) зъ сестрою Настусею, былисмо восприемниками сынови Александра Левицкого Ивану отъ крещенія, которое совершалъ отецъ Хризанеъ.

Понедѣлокъ. 12. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова и до колегіи, и оттоль повернувшись въ квартиру, обѣдаемъ зъ панею и род. и сестрою. Взяемъ копіи въ колегіи грамоти до гетмана и указа до Шаховского писаннихъ объ учрежденіи въ подскарбѣи енер. родителю, въ якихъ вираженно, чтобъ родителю считался зъ енер. старшиною подъ судьями и чтобъ гетманъ повелѣлъ отвести дворъ на канцелярію и придасть по приличію канцеляристь, а Шаховскій придасть бы канцеляристу и 2-хъ копеецъ, и ундеръ оффцеровъ и садать для караула и носилокъ въ потребу. Панюй принесена на маестности Кучеровку зъ приселками, тако жъ на Сасяновку и Липовную грамота, а принесли Уріилъ и Инеховъ, поддячіе иностранной колегіи, зъ которыхъ первѣйшому дали 15 р., а другому 3 р.; они жъ принесли грамоту до гетмана и указъ до Шаховского о семъ писанніе. Вилемъ у Бидлова и далемъ ему 10 червоннихъ отъ сестри.

Вовтор. 13. Сегодня явки приставленни были мѣѣ до мѣста геморгоидального и крове вийшло зъ фунтъ. Бидловъ на мой дефектъ, о неудержаніи долгомъ урины, далъ кровоочистительній рецептъ. (*Слѣдуетъ рецептъ*).

Среда. 13. Сегодня обѣдалисмо тутъ, а родитель, тако жъ, якъ я вчера, лѣчился.

Четвер. 15. Вознесеніе. Сегодня были мы рано у графа и тамъ службы слухали и прошеніе род. свое подалъ о Засуллѣ либо замѣнѣ, а я отъ паней о 7 парахъ лошадей ямскихъ.

Пятокъ. 16. Сегодня ездилемъ зъ сестрою до доктора Бидлова и не получивши его видѣть, за приключившеюся ему болѣзнію, повернулись. Вѣжевскому далемъ на расходъ 10 р. и записалемъ. Графъ Головкинъ поѣхалъ на свою деревню и Курбатовъ.

Субота. 17. Сегодня никуда не ездилемъ, а рано билъ у мене Тернавскій, которому чоботи красніе новоманѣрніе подарилемъ.

Неделя. 18. Сегодня обѣдаемъ у паней, а род. у себе, бо заболѣлъ; по обѣдѣ игралемъ въ карти и никуда не ездилемъ.

Понедѣлокъ. 19. Сегодня обѣдалисмо вкупѣ зъ род., а по обѣдѣ ездилемъ зъ сестрою до Бидлова и до Василя Никифор.

Тол. Панѣ подарила мнѣ денегъ 60 р. (*Слѣдуетъ выписка изъ „Гусція“*).

Докторъ Бидловъ на болѣзнь сестри моей Уляни далъ рецептъ. (*Далѣ слѣдуетъ рецептъ и наставленіе какъ его употреблять.*)

Вовтор. 20. Сегодня обѣдаемъ тутъ у паней, по обѣдѣ ездилемъ въ свою квартиру посѣщать род. заневогшого. Вѣжевскому дадемъ.

Среда. 21. Сегодня обѣдалисмо тутъ и въ карты играли зъ проиграшомъ 1 р.

Четвер. 22. Сегодня рано ездилемъ въ колегію, обѣдаемъ тутъ же, по обѣдѣ ездилемъ до п. Петра Апостола. Чаю семирубелного далъ род. полфунта мнѣ. Купилемъ штофцу полъ 12 аршина, по 20 а. Купилемъ пузаменту золотого дочерамъ 5 аршинъ, золотниковъ 29, по 8 а. безъ копѣйки, всего 9 р. безъ алтина. Купилемъ полотно розбитого Ивановского 3 штуки, за 18 зол.

Пятокъ. 23. Сегодня ездилемъ до Курбатова и отискалемъ указъ сестрѣ о свободномъ ея проездѣ въ Малую Россію, за рукою канцлера. Род. подарилъ мнѣ 60 р. Панѣ дала мнѣ на шлафрокъ штофу квѣтчатога поступила. Вѣжевскому на расходъ дадемъ 30 р. сими днями.

Субота. 24. Сегодня купилемъ пару шоръ совсѣмъ за 10 р. зъ 10 а. да чайникъ фарфуровий за 2 р. зъ полтиною, да тесми золотой до шаблѣ по — —, да башмаки за 18 а. Велѣлемъ дать Вѣжевскому денегъ ему и Петру по 2 р., а Юску и Павлу по полтора р. Ездилемъ до Еропкина и тамъ игралъ въ карты зъ проиграшомъ 40 а.

Неделя. 25. Сегодня обѣдалисмо у себе.

Понеделокъ. 26. Сегодня рано ездилемъ до Курбатова, оттуду до графа, которому подадемъ чолобитную обѣ Андрѣяшовцѣ.

Вовтор. 27. Сегодня обѣдалисмо тутъ, панѣ намѣрила была виежджать, да не виехала, а я ездилъ до п. Петра и тамъ просидѣвши, повернулемся назадъ.

Среда. 28. Панѣ и сестра виехали въ путь свой съ Москви, а мы были у Степанова, Сави Рагозѣнскаго, а потомъ я билъ у колегіи и ночовалемъ у прежней своей квартирѣ. Билисмо у Курбатова.

Четвер. 29. Сегодня писалисмо письма до Курбатова, род. и я. Род. въ прописаніи своего ранга и опредѣленіи маестностей объ приписанію къ приговору—буде будутъ чолобитчики, о футорѣ Калужновскомъ, чтобъ тогда рѣшить, когда составится право одно малороссійское, а я о своемъ дѣлѣ зъ прошеніемъ. Виехалисмо зъ Москви, простившись зъ Тернавскимъ, Корецкимъ и Мировичемъ, которому далемъ 1 р., гусарку лисюю, водки ведро. Ночовалисмо за 15 верстѣ отъ Москви, у села Битець.

Пятокъ. 30. Сегодня поехавши отъ обозу своего въ легцѣ зъ род. и уехавши верстѣ 35, у Молодей обѣдалисмо, а отгуду поехавши, уехали верстѣ 30, ночовали у Сухой Лопатней.

Субота. 31. Сегодня поехали рано и пріехали до Серпухова, отъ Москви отстоящего въ 90 верстахъ, а оттоль симъ же бокомъ Оки поехавши и уехавши верстѣ зъ 20, пріехали до села Истомина, сестринога.

М-ць юнь. Неделя. 1. Сегодня тутъ же въ Истоминѣ проживалисмо. Посланъ чоловѣкъ въ Москву здянній, черезъ которого писалемъ до Александра о присилкѣ шапокъ и струнъ дротянихъ.

Понедѣлокъ. 2. Сегодня тутъ же прожилисмо.

Вовтор. 3. Сегодня тутъ же прожилисмо. Сестра обѣщала прислать мальчика черезъ Александра.

Среда. 4. Сегодня тутъ же прожили. Сестра дала мнѣ пологъ. Въ сихъ сторонахъ гусеницѣ такъ много, что все на деревѣ листе позидала и стало голое, будто въ осени, и оной гусеници вездѣ по полямъ, навѣть и по селамъ и по дворамъ, очинь много есть, только хлѣба не вредить. Розехалисмося зъ сестрою, она осталась зъ детками своими при Истоминѣ, а мы поехали въ свой путь и пріехали до села Новодѣвичого монастыра, именуемого Недѣльное, въ 30 верстахъ отстоящее отъ Истомина. Получилемъ письма отъ сестри, отъ Александра о шапкахъ и дѣлѣ моемъ, уже начавшомся и помѣченномъ, и отъ Василія Маркелова. Тутъ обѣдалисмо

на становиску вчорайшомъ, а пообѣдавши поехали и уехавши версть зъ 20, стали на ночлѣгъ.

Пятокъ. 6. Сегодня вставши рано поехали и приехали до до Калуги въ обѣдномъ часѣ, которая отстоитъ въ 60 верстахъ отъ Истомина, и тутъ черезъ Оку переехавши, уехали версть зъ 20 и стали на ночь при рѣцѣ и лугахъ, а рѣчка Жилава. Казѣмиръ, слуга род., отправленъ въ домъ передомъ, черезъ которого писалемъ до родителей и жени. Зъ Калуги Петро Тѣлний, слуга сестринъ, отправленъ къ ней, до которой писалемъ черезъ его письмо.

Субота. 7. Рано вставши, поехали отъ ночлѣга и приехали въ городокъ Лихвинъ, отстоящій отъ Калуги въ 40 верстахъ, где и обѣдали. По обѣдѣ поехали и переправившись черезъ горы, не дожждаючи монастырня Бѣловскаго Жабѣна, тамъ стали на ночь, а уехали версть около 30.

Неделя. 8. Сегодня рано вставши, приехали до монастырня Жабѣна, отъ Лихвина, отстоящего въ 30 верстахъ, где служби Божой вислухавши, поехали и переехавши черезъ Оку, приехали въ городъ Беловъ, отстоящій отъ монастырня въ 6, а отъ Лихвина въ 36 верстахъ и тутъ уехавши версть зъ 2 въ передъ, стали при лугахъ, на обѣдѣ. По обѣдѣ, поехавши, уехали версть 22 и приехали до села Долцовъ, где и ночовалисмо. Ножовъ бѣлихъ беловскихъ дюжину купилъ за 60 а.

Понеделокъ. 9. Сегодня вставши рано, поехали и приехали до Болхова, отстоящего отъ Долцовъ въ 20, а отъ Белова въ 42 верстахъ, где и обѣдалисмо. Петро Ивановъ синъ Сявицинъ, болховскій ямщикъ, объявилъ намъ, что въ субботу, неделя минула, якъ проехалъ въ Москву Григор. Скридловскій и будто за тимъ, что похвалки гет. били, собравши полкъ луб., на дорозѣ, не допуская до Глух., уходить, чога не дай Богъ. Поехавши отъ обѣда, уехали версть зъ 25 и стали у рѣчкѣ прозигаемой Рибѣца, где и ночовали.

Вовтор. 10. Сегодня вставши рано, приехали до села Хатѣнки версть у 30, где и обѣдали, а по обѣдѣ поехавши, уехали версть 30 и приехали на ночь до Карачева, отстоящего отъ Болхова въ

80 верстахъ. По решетку столповъ поверстнихъ, отъ Москвы до Сѣвска показуется версть 481.

Среда. 11. Тутъ въ Карачевѣ обѣдалисмо, а Скридловского, который повернувшись съ Москвы, доехалъ насъ у Болховѣ, послали рано передомъ въ Глуховъ, для того, что онъ сказивалъ, якобы обозный Мартосъ лубенскій согласился зъ значковими того жъ полку, якимъ либо образомъ убить родителя, о чомъ онъ слышалъ отъ Кучарского и пот. отъ Якова Дуброви. По обѣдѣ поехалисмо зъ Карачева и уехавши версть 16, приехали до села зовемого Кошкаданова, где и заночовали на другомъ боцѣ моста.

Четвер. 12. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали версть 15 и приехали до мосту Сомова, где и село, и тутъ черезъ рѣчку переехавши, поехали далѣй и уехавши версть 6, стали на обѣдъ въ урочища, именуемаго Кривая верста. По обѣдѣ поехавши оттуду, уехали версть 30 и стали на ночь противъ заводовъ винокуренныхъ, въ правой сторонѣ намъ стоячихъ.

Пятокъ. 13. Сегодня рано поехавши отъ ночлѣга, уехали версть 10 и приехали до мосту Карпова, черезъ который переехавши, уехали еще версть зъ 10 и стали на обѣдъ у почти, зовемой Любовшта. Тутъ куріеръ гетманскій, поехавшій зъ Москвы въ Глух., обохалъ насъ. По обѣдѣ поехавши отъ становиска, переехали черезъ Карповскій мостъ, отстоящій отъ почти въ 15 верстахъ, где стрѣтилеся зъ посломъ турецкимъ, при которомъ въ конвояхъ Федоръ Ушаковъ, а отъ мосту того уехавши 7 версть, стали на ночь не доеждаючи Сѣвска въ 4-хъ верстахъ, при рѣки, перебравшись черезъ мостъ на другую сторону.

Субота. 14. Сегодня рано вставши, приехали въ Сѣвсь, въ 4-хъ верстахъ отъ нашего ночлѣга отстоящій и вислухавши тутъ службы Божой, поехали и стали на обѣдъ у 5 верстахъ отъ Сѣвска, а по обѣдѣ уехали версть зъ 15 и стали на ночь. близко недождаючи Толстодубова.

Неделя. 15. Сегодня поехавши рано, приехали въ село Ясмань, отъ ночлѣга нашего отстоящее въ 16 верстахъ, где службы Божой слухалъ и съ вихавшими противъ насъ сюда женами, моею и Конд-

зеровского, увидѣлись и обѣдали, а по обѣдѣ передъ вечеромъ приехали въ Глуховъ.

Понедѣлокъ. 16. Сегодня рано былисмо зъ родителемъ у князя Алексѣя Ивановича Шаховского, которому и писма отъ графа и Еропкина поотдавали, а потомъ были у гетмана и у п. Михайла Скоропадского, брата. Обѣдалисмо у себе, сами, и съ нами Загуцкій; по обѣдѣ п. Михайло до мене приездилъ и посидѣвши довольно, отехалъ.

Вовтор. 17. Сегодня рано былисмо у князя Шаховского и тіотка моя ясновел., зъ которою потомъ до пана гетмана нашего ездилсмо, где и обѣдали у паней гетмановой; у вечеру п. Михайло приездилъ и отехалъ.

Среда. 18. У тіотки зъ род. обѣдалисмо и были у Количева и Арсеніева.

Четвер. 19. Родитель отехалъ рано въ Роменъ и брати обидва, Семень и Марко. Князь Шиховской визиту отдавалъ тіотгѣ мойей, которого я уже не заставши, но споткавшись съ нимъ, обѣдалемъ тамъ же.

Пятокъ. 20. Сегодня приехалъ въ Глуховъ генераль лейтенантъ Дулясъ, которий и обѣдалъ у князя Шаховского. Староста мой тулиголовскій билъ и сказивалъ, что повнихъ куоъ гор. простой въ тулиголовахъ 7; ему жъ сувна на кунтушъ далемъ. Вѣжевскому на расходъ далемъ 6 р. и записалемъ. Пойшоль полкъ компанѣйскій, въ числѣ 500 члвѣкъ, въ Сулакъ. Слѣдствіе о селахъ ратушнихъ и урадовихъ такое чинится: ездятъ канцеляристы зъ полковихъ канцелярій по селамъ и допрашиваютъ мужиковъ и козаковъ старихъ противъ даннихъ себѣ вопросовъ, и такъ оніе села означаютъ. Указъ принесенъ зъ Москви до пана гетмана грамотою и до князя—о поготовости всего войска въ походъ военний и о виправѣ партіи, по требованію фелтмаршала князя Голѣцина.

Субота. 21. Сегодня обѣдалемъ у паней зъ женою, а въ день панѣ была у пана гетмана и подала грамоту, о себе писанную.

Неделя. 22. Сегодня былемъ у пана гетмана и князя, а обѣдалемъ у паней.

СЛОВАРЬ

МАЛОРУССКОЙ СТАРИНЫ,

СОСТАВЛЕННЫЙ ВЪ 1808 Г.

В. Я. Ломиковскимъ.



КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-и.

1894.

Киевск. стр. 1894, июль.

Печатаемый здѣсь словарь озаглавленъ, въ подлинникѣ, такъ: „О Малороссіи. О древнихъ обычаяхъ малороссійскихъ, о службѣ воинской и гражданской, о чинахъ и должностяхъ чиновниковъ. По алфавиту. Писано 1808 года.“ Рукопись словаря, писанная (въ 4 д. л., на 67-ми страницахъ) вся сплошь самимъ его составителемъ Василиемъ Яковлевичемъ Ломиковскимъ, нашлась среди недавно прибрѣтенныхъ нами бумагъ послѣдняго. О Ломиковскомъ кое какія свѣдѣнія найдены въ этихъ же бумагахъ. Такъ, ближайшій его другъ Ив. Ром. Мартосъ, въ одномъ письмѣ 1826 г., о Ломиковскомъ говоритъ: „онъ есть потомокъ гетмана Апостола ¹⁾, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ при графѣ Ангальтѣ, жительство имѣетъ близъ Миргорода, въ населенной имъ слободѣ своей, названной Паркъ-Трудолюбъ, любитъ заниматься хозяйствомъ и древностями, и книгами до сихъ предметовъ относящимися“... Изъ бумагъ Л-аго видно, что „древностями“ онъ занимался исключительно малорусскими; въ его бумагахъ сохранилось нѣсколько тетрадей, въ листъ и въ 4-ку, подъ заголовками—„припасы для малороссійской исторіи“; припасы эти заключаютъ въ себѣ выписки преимущественно изъ рукописныхъ малорусскихъ лѣтописей, печатныхъ книгъ и разнаго рода актовъ. Занятія свои малорусскими „древностями“ Л-ий началъ, повидимому, поселившись, послѣ отставки, въ своей деревнѣ. Родился онъ, какъ видно изъ одного его письма, въ 1778 г., служилъ, послѣ корпуснаго воспитанія, въ военной службѣ и уже въ самомъ началѣ XIX в. жилъ въ отставкѣ, съ чиномъ штабсъ-капитана, въ своемъ миргородскомъ хуторѣ Трудолюбѣ. Изъ имѣющихся на нѣкоторыхъ работахъ Л-аго хронологическихъ обозначеній видимъ, что печатаемый словарь былъ оставленъ въ 1808 г.; въ 1809 онъ перевелъ съ французскаго „исторію малороссійскихъ и запорожскихъ казаковъ“, Шерера, („изданная въ Парижѣ, въ 1788 г., а ныне переведенная вновь съ французскаго на русской языкъ Василиемъ Ломиковскимъ, въ Трудолюбѣ“); затѣмъ, рукопись „о первобытныхъ жителяхъ Малороссіи обоихъ

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1896 г., № I, стр. 10.

береговъ Днѣпра и береговъ Чернаго и Азовскаго моря“ писана „въ 1812 г., въ Паркѣ Трудолюбѣ“ (это выписки изъ описанія Крыма, сочиненіе кардинала Богуша Сестренцевича“). Засимъ, наполненіе тетрадей „запасами для малороссійской исторіи“ продолжается до сороковыхъ годовъ¹⁾.... Въ виду названія собранныхъ Л-мъ матеріаловъ „запасами для малороссійской исторіи“ можно, думать, что собиратель имѣлъ въ виду писать эту „малороссійскую исторію“... Но намѣрсенію этому, если оно было, трудно было осуществиться вслѣдствіе совершенной неподготовленности Л-аго къ такой учено-литературной работѣ. Изъ указанныхъ „запасовъ“ можно видѣть, что Л-ій былъ однимъ изъ тѣхъ любителей малорусской старины, къ числу которыхъ принадлежалъ Гр. А. Полетика, Як. Мих. Марковичъ, Ал. Ив. Мартосъ, М. Ф. Берлинскій, Дм. Н. Бятышъ-Каменскій, Ал. Мих. Марковичъ, Н. А. Маркевичъ... Всѣ эти лица оставили послѣ себя литературные труды, указывающіе, что у всѣхъ у нихъ было достаточно любви къ дѣлу, но мало было подготовки. Полетика (если только онъ есть авторъ *Исторіи Русовъ*) и Бятышъ-Каменскій представляютъ впрочемъ нѣкоторое исключеніе...

Самостоятельную работу Л-аго представляетъ одинъ только здѣсь печатаемый словарь. Не смотря на неполноту послѣдняго, собранныя въ немъ свѣдѣнія представляются однакожъ весьма цѣнными, причемъ цѣнность эта является тѣмъ значительнѣе, что словарь, какъ слѣдуетъ догадываться, составленъ частью по личнымъ свѣдѣніямъ и справкамъ Л-аго, а частью, должно быть, по живому преданію людей, лично переживавшихъ эту старину... Словарь Л-аго внесетъ въ научный обиходъ изслѣдователей малорусской старины не мало существенныхъ поясненій о предметахъ, о которыхъ до сихъ поръ не имѣлось обстоятельныхъ свѣдѣній; для сего достаточно указать статьи: *казусъ, канцеляристы, канцеляри, кафтаны, козаки, колелія малороссійская, коморникъ, комисары, компромисъ, коровай, корона, кунтушъ*... Встрѣчающіяся въ словарѣ ошибки происходятъ, полагать должно, какъ отъ неполноты того матеріала, который былъ въ рукахъ Л-аго, такъ, вѣроятно, и отъ излишней его довѣрчивости къ устному преданію.

Нѣкоторыя поясненія и добавленія къ словарю и указаніе явныхъ въ немъ ошибокъ—помѣщаются въ нашихъ примѣчаніяхъ.

16 мая 1894 г.

Ал. Лазаревскій.

¹⁾ Когда именно умеръ Л-ій—у насъ нѣтъ свѣдѣній, но въ 1845 г. онъ былъ еще живъ.

Абшитованный. Въ войскѣ Малороссійскомъ всѣ чиновники изъ службы вышедшіе, должны были имѣть письменные обшиты и къ чину своему непремѣнно прибавлять сіе слово: *абшитованный сотникъ, есаулъ* и проч.

Академія. Академія заведена въ Малороссіи въ городѣ Кіевѣ, въ архіерейство Петра Могилы.

Атаманъ. Слово персидское, зри словотолкователь, часть 1-я, страница 272, значить—главный начальникъ козацкихъ нерегулярныхъ войскъ; кажется, уменьшительное отъ *гетмана*. Онъ—начальникъ нетокмо военный, но и главный судья; однимъ словомъ хозяинъ во всѣхъ частяхъ войска своего и селеній къ оному подсудственныхъ. Атаманы имѣли разныя степени, а именно:

Атаманъ кошевый былъ главный военачальникъ Запорожскаго войска, такъ какъ нынѣ Черноморскихъ, Донскихъ и другихъ козаковъ. Сей запорожскій атаманъ долженствовалъ состоять всегда подъ главнымъ начальствомъ гетмана Малороссійскаго, но силой и буйствомъ руководимый, не рѣдко отъ повиновенія отлагался и съ войскомъ своимъ Запорожскимъ составлялъ почти отдѣльную республику. Всегдашнее Запорожскаго гетмана пребываніе было въ крѣпости, названной Сѣчью,—надъ рѣкою Днѣпромъ.

Атаманъ сотенный. По сотникѣ, сей атаманъ былъ первый чело-вѣкъ въ сотнѣ, и по части военной какъ бы капитанъ-поручикъ. Онъ всегда присутствовалъ въ сотенной канцеляріи и до учрежденія судовъ городскихъ и земскихъ, разбиралъ всѣ тяжбы и рѣшалъ по приговору сотника. Въ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ не было магистратовъ, онъ заступалъ мѣсто бургомистра, а гдѣ токмо ратуши, присутствовалъ въ оныхъ. Полиція земская по сотнѣ зависѣла больше отъ него, поелику онъ въ отсутствіе сотника занималъ первое мѣсто, а самъ и въ походъ весьма рѣдко хаживалъ. Отъ 1600 года до половины 18-го вѣка постъ сотеннаго атамана былъ въ Малороссіи важенъ, поелику безъ сотника соединялъ онъ въ себѣ должность

сотеннаго военачальника, судьи въ гражданскихъ уголовныхъ дѣлахъ, земскаго комисара, всю должность нижняго земскаго суда, казначея, ревизора и главы въ городѣ, неимѣющемъ магистрата.

Атаманъ сельскій. Начальникъ въ селѣ, который былъ избираемъ всегда изъ достойнѣйшихъ того селенія козаковъ, а иногда опредѣлялся отъ начальства. Онъ смотрѣлъ за полиціей селенія своего, за высылкой козаковъ на службу и рѣшалъ, сколько могъ, распри и дѣла селенія своего. Жалобы на рѣшенія его, или большею частію словесные приговоры, шли въ сотенную канцелярію.

Атаманъ куринный былъ у Запорожскихъ козаковъ начальникъ куреня своего. *Куринь* или *курень* ничто иное было, какъ строеніе состоящее изъ одного большого и разныхъ малыхъ домовъ, въ одномъ мѣстѣ выстроенныхъ, въ которыхъ жили козаки до уничтоженія Запорожской Сѣчи, которая раздѣлялась на 18 куреней.

Байдакъ. Такъ называется большое на барку похожее судно, обыкновенно въ Малороссіи по Деснѣ, Днѣпру и по берегамъ Чернаго моря, длиной до 10 сажень (плавающее)? Употребляемо оно также и на рѣкахъ для перевоза разныхъ товаровъ.

Бунчукъ. Такъ назывался въ Малороссіи знакъ почести гетманской, состоявшій изъ золотого жезла, иногда драгоцѣнными камнями осыпаннаго, и при выборѣ гетмана, въ знакъ пріемлемой власти, ему съ прочими почетными знаками вручаемый. Сей знакъ гетманскаго достоинства и власти былъ третій, и до учрежденія генеральныхъ бунчучныхъ, былъ въ вѣдѣніи втораго генеральнаго есаула ¹⁾.

Бунчуковые товарищи. Сіи были въ Малороссіи изъ заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ выбираемые, ни къ которому полку не принадлежавшіе, но составлявшіе родъ знатной гвардіи гетмана, а во время шествія его въ походъ были подъ начальствомъ генеральнаго бунчучнаго и по обязанности своей оберегали и защищали бунчукъ. Рангомъ считались онѣ первые по Малороссійскомъ полковникѣ, и, въ случаѣ нужномъ, на войнѣ заступали его мѣсто въ командованіи полкомъ. Опредѣленнаго ихъ числа не было, но гетманъ жаловалъ ихъ, сколько ему было угодно. Онѣ жили въ Малороссіи разбѣнно, завися токмо отъ гетмана, генеральной войсковой канцеляріи и генеральнаго бунчучнаго. Во время мирное употреблялись отъ гетмана въ разные важныя комиссіи. По упраздненіи гетманства сей чинъ сдѣлался токмо титуломъ для людей отличныхъ и съ

¹⁾ Слѣдствіе, повидимому, ни на чемъ неоснованное.

онимъ никакая собственно должность сопряжена не была, а завистлю отъ воли начальника наряжать и опредѣлять бунчучныхъ товарищей къ какому либо дѣлу по разсмотрѣнію. Учрежденіе чина сего относится къ тому же времени, какъ и генеральнаго бунчучнаго¹⁾.

Бунчучный генеральный или генеральный бунчучный. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, урядникъ сей въ 1711 или въ 1712 годахъ учрежденъ гетманомъ Скоропадскимъ, ибо до того времени нигдѣ въ лѣтописяхъ объ ономъ не упоминается²⁾. Онъ принадлежалъ къ числу генеральныхъ старшинъ, имѣлъ титулъ также *вельможнаго*, токмо рѣдко; по особливому гетманскому повелѣнію, присутствовалъ онъ въ генеральной войсковой канцеляріи или командовалъ отря-

¹⁾ Чинъ бунчучоваго товарища при Самойловичѣ уже существовалъ. Въ универсалѣ этого гетмана, данномъ въ 1685 г. Прокофію Левенцу и сыну его Ивану читаемъ: „уже и при предшественникахъ нашихъ водилось, что годные и заслуженные въ войскѣ особы, знатность свою и порядки пристойные имѣющіе, жалованы были рейментарскою зверхностію (властію) и для оздобы (почета, украшенія) и поваги (значенія) рейментарской, въ военныхъ походахъ ходили *подъ бунчучомъ рейментарскимъ*. Потому мы и теперь старинного въ полку Полтавскомъ мужа и заслуженнаго въ войскѣ товарища Прокопа Левенца съ сыномъ Иваномъ, увольняя отъ полковыхъ службъ, причисляемъ ихъ къ тѣмъ особамъ, которые *подъ знакомъ нашихъ рейментарскимъ* ходятъ, съ тѣмъ, чтобы оба они, по нашему приказу, всегда являлись при боку нашемъ и служили бы тѣ службы, которыя имъ будутъ указаны“. См. Киевск. Стар. 1886 г. № 7, стр. 447. Бунчучовые товарищи назначались не только „изъ заслуженныхъ военныхъ чиновниковъ“, но и изъ молодыхъ сыновей знатной старшины, которыхъ нельзя было пристроить къ какомунибудь опредѣленному уряду. Племянникъ гетманши Скоропадской, извѣстный Яковъ Марковичъ былъ бунчукъ товарищемъ уже двадцати лѣтъ отъ роду, получивъ этотъ чинъ, значитъ, почти тотчасъ по выходѣ изъ Киевской академіи. См. „О бунчукъ товарищахъ“, прилож. къ Записк. Як. Марковича, изд. Ал. М. Марковича, I, 453.—Меншиковъ доносилъ Петру В., въ 1720 г., изъ Малороссіи, что онъ нашелъ тамъ множество праздныхъ, — *подъ названіемъ подбунчужныхъ* (т. е. бунч. товарищей), которые суть всѣ гетманскіе, старшинскіе и другихъ всѣхъ чиновниковъ родственники, свойственники, близкіе и дальние, и *подъ симъ видомъ* пребываютъ въ праздности, чего ради я, дабы сихъ тунеядцевъ, приверженныхъ къ панамъ (т. е. къ старшинѣ) разогнать и дать имъ дѣло, предложилъ гетману, чтобы приготовилъ къ походу въ Смоленскъ и по полученіи о томъ указа отъ государя, тотъ-бы часъ послали ихъ туда... (Изъ „записокъ“ Ломиковскаго). Какъ извѣстно, всѣ эти праздные „подбунчужные“ высланы были поголовно, въ 1725 г., въ Суладкій походъ, гдѣ и бѣдовали около трехъ лѣтъ искупая свое „тунеядство“.

²⁾ Невѣрно. Чинъ генеральнаго бунчучнаго существовалъ уже и въ 1669 г., какъ это видно изъ „статей“ Многогрѣшнаго, которыя подписаны генер. бунчучнымъ — Лукашемъ Зборовскимъ. „Статьи“ Самойловича подписаны ген. бунчучнымъ Л. Полуботкомъ. Братъ жены Самойловича, Конст. Голубъ былъ ген. бунчучнымъ.

домъ войска. Главная же его должность состоитъ въ храненіи и сбереженіи, и, во время войны, въ защищеніи бунчука, съ подвластными ему бунчуковыми товарищами.

Бурса. Слово латинское, значить *кошель*. При Кіевской академіи и при семинаріяхъ—благодѣтельное заведеніе, состоящее въ домѣ, въ которомъ бѣдные студенты живутъ на казенномъ содержаніи, и отъ того называются бурсаками.

Возный. Слово польское. Чиновникъ при судахъ земскихъ и городскихъ, изъ оспѣдлыхъ дворянъ избираемый для врученія позывовъ, свидѣтельства насилій, убытковъ, мертвыхъ тѣлъ и проч. Главнѣйшій изъ нихъ находился при Малороссійскомъ генеральномъ судѣ и назывался генеральный возный; а въ другихъ мѣстахъ—при трибуналахъ.

Воевода. Въ бывшей Польшѣ воеводы были купно и сенаторы, а въ опредѣленномъ воеводствѣ собирали войска и онымъ предводительствовали; созывали сеймики и на оныхъ предсѣдательствовали; были главноуправляющими уголовнымъ судомъ и наблюдали полицію.

Войсковою товарищъ. Титло почетное, даваемое отъ гетмана тому изъ чиновниковъ или престарѣлыхъ, отличія великія оказавшихъ козаковъ, которые ради престарѣлости и слабости здоровья, увольняемы бывали отъ службы вовсе, и имѣя его титулъ, въ собраніяхъ и обществахъ занимали первыя мѣста, призывались для совѣта къ гетману. Такъ, извѣстно въ лѣтописяхъ, что генеральный судья, вышедшій въ отставку, получалъ титло войскового товарища¹⁾. Въ новѣйшія времена сіе титло помѣщено между чиновъ и войсковой товарищъ, въ сей чинъ произведенный, равняется рангомъ съ *сотникомъ*. Войсковые товарищи не имѣли никакой опредѣленной должности, но употребляемы были по ордерамъ гетмана, или по благоразсмотрѣнію начальства, въ комиссіи не имѣющія большой важности, въ которыя бунчуковаго товарища не посылали, ибо бунчуковый товарищъ имѣлъ уже войскового подъ начальствомъ своимъ.

Войтъ. Имя сіе производится отъ нѣмецкаго слова *фотъ* или *фойтъ*. Такъ назывался главный правитель города, въ Малороссіи,

¹⁾ До XVII в. могло случаться, что лица изъ первостепенной старшины, по выходѣ въ отставку, именовались войсков. товарищами. Полтавскій полковникъ Гуджель (1675 г. по выходѣ въ отставку, въ актахъ разывается „славетнымъ паномъ, козакомъ Полтавскимъ“. Въ XVIII в. званіе войск. товарища стало *чиномъ* тѣхъ отставныхъ урядниковъ, которые не получали *чина* бунчук. товарища.

въ тѣхъ городахъ, которые производя обширную внутреннюю торговлю и вѣшнюю, имѣли въ дѣлахъ гражданскихъ собственную расправу въ ратгаузѣ или магистратѣ, и снабжены были касательно торговли отличными привилегіями. Знатнѣйшіе таковыя города были: перваго класса—Кіевъ и Нѣжинъ; втораго—Черниговъ и Стародубъ; третьяго—Глуховъ, Лубны и Роменъ, кромѣ многихъ другихъ. Войтъ былъ въ городѣ настоящій градоначальникъ, коему чиновники ратгауза отдавали во всемъ отчетъ; приказъ его въ магистратѣ долженствовалъ быть исполняемъ безпрекословно. Онъ подчиненъ былъ въ дѣлахъ общественныхъ, всея Малороссіи касающихся, т. е. военныхъ и полицейскихъ, — гетману, но переписывался съ нимъ грамотами и рескриптами¹⁾, а въ протчихъ внутреннихъ дѣлахъ—никому не давалъ отчету.

Генеральная старшина. Во время гетманскаго правленія въ Малороссіи такъ назывались пять главныхъ чиновниковъ: *генеральный писарь*, *генеральный есаулъ*, *генеральн. бунчучный*, *генеральн. судья* и *генер. обозный*. *Генер. бунчучный*, зри страница 7; *генер. есаулъ* зри—есаулъ генеральный. *Генер. обозный*—то что генераль—квартирмистеръ; въ владѣніи (sic) его была гетманская артилерія. *Генер. писарь*—чиновникъ при гетманѣ исправлявшій должность канцлера и вѣдавшій весь приходъ и расходъ его. *Генер. судья*—чиновникъ при гетманѣ производившій всѣ судныя дѣла²⁾.

Гетманъ, тоже что *генералисимусъ*. Такъ назывался главный начальникъ Малороссійскихъ козацкихъ войскъ. Гетманъ былъ глава всего Малороссійскаго войска и народа.—Малороссія раздѣлялась на полки, которые и провинціи составляли. Полковникъ въ полку своемъ былъ то, что гетманъ былъ въ Малороссіи. Подъ нимъ полковые старшины, какъ то: обозный, судья, писарь, есаулъ, хорунжій или хоронжій. Полки раздѣлялись паки на сотни, и въ сотнѣ сотникъ былъ то, что въ полку полковникъ, товарищъ его, но ниже его, назывался *атаманъ сотенный*, а подъ нимъ—писарь, есаулъ и хоронжій сотенные.—Въ тяжбахъ гражданскихъ и уголовныхъ первоначальное мѣсто

¹⁾ Свѣдѣніе ни на чемъ неоснованное. Войты, даже первостепенныхъ городовъ (Нѣжина, Стародуба), никакихъ самостоятельныхъ дѣловыхъ отношеній съ гетманами не имѣли.

²⁾ Не упомянуть урядъ *генер. подскарбія*, установленный Брюховецкимъ, при которомъ генер. подскарбіемъ былъ Романъ Ракушка. По смерти Брюховецкаго урядъ генер. подскарбія пересталъ существовать и былъ возобновленъ, когда на этотъ урядъ иностр. коллегія поставила Андрея Марковича.

было сотенной канцеляріи; на сіе подавали аппеляцію въ полковую канцелярію, а оттоль въ трибуналь¹⁾).

Есауль или **асауль**. Такъ назывался чиновникъ въ Малороссійскихъ войскахъ по различію мѣста, въ которомъ опредѣленъ, какъ то слѣдуетъ: *есауль генеральный* состоялъ въ числѣ старшины своего войска, какъ бы дивизионный генераль, и титулованъ *вельможный панъ*; ихъ было всегда два: старшій изъ нихъ былъ хранитель гетманской булавы. Они временно присутствовали въ генеральной войсковой канцеляріи, но главнаѣ ихъ должность состояла—обязать полки и за исправностью ихъ имѣть строгое наблюдение. Во время войны, командовали они частію войска, а буде не было верховнаго начальника, то и всею арміею. При владѣніи польскомъ были они на жалованьѣ, а въ цвѣтущее Малороссіи время, доколѣ въ службѣ пребывали, владѣли ранговыми деревнями. *Есауль полковой*—чиновникъ или старшина въ полку, принадлежавшій къ штабу полка, съ титуломъ *высокоблагородный*, и должность исправлявшій маіорскую; ихъ было два при каждомъ полку, и иногда присутствовали временно въ полковой канцеляріи. *Есауль артилерійскій*—чиновникъ бывшій при генеральной артилеріи, онъ состоялъ въ вѣдомствѣ генеральнаго обознаго и всегда присутствовалъ въ генеральной артилеріи и въ канцеляріи. *Есауль сотенный*—чиновникъ отправлявшій должность какъ бы порутчика въ каждой полковой сотнѣ.

Казусъ. Слово латинское, случай. Въ Малороссіи при выборѣ въ писари генеральные, задаваемы были кандидатамъ разные казусы, или казусныя дѣла, къ докладу, а писарямъ суда генеральнаго—къ сочиненію приговора.

Канцеляристъ войсковой. Въ Малороссіи была первая степень служенія для лучшаго и знатнѣйшаго козачества. Дефинировали сіе званіе—*candidatus omnium degnitatum*, т. е. кандидатъ всѣхъ достоинствъ. Въ канцеляристы войсковые не легко было попасться, ибо надлежало имѣть достаточныя доказательства о честномъ поведеніи и благонравіи и о приобрѣтенныхъ наукахъ въ Кіевской академіи, по крайней мѣрѣ въ довольномъ знаніи грамматики, синтаксиса и риторики и хотя первыхъ основаній философіи, особливо же логики; но нерѣдко и лучшіе богословы добивались сего званія. По пріемѣ субъекта въ сіе званіе и приводѣ къ присягѣ, вносился онъ

¹⁾ Въ генер. канцелярію или же въ генер. судъ. Трибуналовъ не было.

въ списокъ и отводимо ему было мѣсто въ курени, гдѣ онъ съ прочими сослуживцами жилъ, состоя подѣлѣннѣмъ *старшаго канцеляриста*. Образовались они тутъ почти въ совершенство—юриспруденціи, камеральнымъ наукамъ и военной теоріи, поелику въ генеральную восковую канцелярію входили и отправляемы были много-различныя дѣла, яко въ первенствующемъ правительствѣ надъ всею націей; въ семъ званіи не токмо отправляли они всѣ по мѣсту сему дѣла, но и посылаемы были по важнымъ комиссіямъ, а паче для слѣдствія и по жалобѣ на рѣшеніе подкоморія, для разграниченія земель¹⁾. Изъ нихъ по заслугамъ происходили—въ сотники, бунчуковые товарищи, полковые старшины и прочіе; нерѣдко видывали войсковаго канцеляриста лѣтъ съ пятьдесятъ, совершеннаго въ знаніяхъ, но еще не попавшагося въ кандидаты для поступленія въ высшіе чины. Нерадѣніе или какой другой поступокъ канцеляриста, по повелѣнію генеральнаго писаря, старшей канцеляристъ наказывалъ посаженіемъ на пушку. *Просидѣть на пушкѣ* считалось для канцеляриста ужъ весьма важнымъ безчестіемъ; но было оно при долгомъ сидѣніи и чувствительно; едва кто въ состояніи былъ просидѣть три часа. Наказаніе сіе можно сравнить съ воинскимъ для дворянъ—*поставить подѣ ружье*. Всѣ они служили изъ одной чести, на своемъ иждивленіи и безъ жалованья; по мѣрѣ трудовъ и дѣлъ, получали онѣ узаконенныя акциденціи, которыя въ случаѣ комиссій, имъ поручаемыхъ, составляли хорошій доходъ. Въ часы отдохновенія, въ обитаемомъ ими курени, проводжали они въ вокальномъ пѣніи, въ играніи на скрипкахъ, басахъ, гусяхъ, фрейтѣ и составляли иногда концерты, такъ что для прохаживающихся мимо куреня, казался оный жилищемъ рая. Въ воскресенье и праздничные дни, поставляли они себѣ долгомъ занимать клиросы во время всемогущихъ бдѣній и литургій, и часто не уступали лучшимъ пѣвчимъ. Въ лѣтнее время играли въ кегли (крагли) и мячи, на площади; рѣдко, но иногда заходили въ кофейной домъ. Они не считались, ни въ какомъ классѣ, по знанію и поведенію весьма были уважаемы, и нерѣдко приглашались къ гетманскому столу. Посланнаго по комиссіи войсковаго канцеляриста, встрѣчали въ сотняхъ съ хоругвами²⁾ и со всѣми воинскими почестями. Кандидатъ всѣхъ достоинствъ могъ быть поутру войсковаго канцеляристъ, а ввечеру—полковникъ; и по-

¹⁾ Подкоморскіе суды учреждены были въ Малороссіи только въ 1765 г.

²⁾ Т. е. знаменами (корогвами).

тому всякое причиненное ему безчестіе наказываемо было тягчайше. Изъ сословіи ихъ выходили всѣ по исторіи извѣстные великіе люди. Въ сей собратіи образованъ и свѣтлѣйшій князь Безбородко¹⁾).

Канцеляристъ суда генеральнаго былъ гораздо ниже войсковаго и степенью и производствомъ. Канцеляристы полковые и сотенные имѣли надежду получить чинъ значковаго товарища, а весьма рѣдко и по отличѣйшимъ заслугамъ, чинъ сотеннаго атамана.

Канцеляристъ старшій. А) Въ войсковой генеральной канцеляріи былъ родъ оберъ-секретаря, сидѣлъ въ присутственной камерѣ и при докладѣ дѣлъ яренъ повытчика, объяснял оныя и напоминалъ законы. Состоя же въ непосредственномъ вѣдѣніи писаря генеральнаго, онъ, въ случаѣ неправильныхъ резолюцій, докладывалъ ему, а сей гетману. Онъ считался въ классѣ полковыхъ старшинъ и былъ выше сотника. вмѣсто жалованья пользовался доходами изъ ранговыхъ деревень, сему мѣсту присвоенныхъ. По увольненіи послѣдняго гетмана, переименованъ въ коллежскіе ассесоры. Б) Канцеляристъ старшій въ полковой канцеляріи и прочихъ присутственныхъ мѣстахъ былъ точно то, что секретарь, и въ канцеляріи полковой состоялъ подъ непосредственнымъ владѣніемъ полковаго писаря, а въ прочихъ мѣстахъ—подъ начальствомъ старшаго члена.

Канцелярія войсковая. Она была въ Малороссіи верховное и главное правительство, непосредственно отъ воли и вліяній гетманскихъ зависящее, и по подобію въ другихъ мѣстахъ верховныхъ сенатовъ, управлявшая всею землею во всѣхъ частяхъ и родахъ правленія, и составляла аки бы совѣтъ гетмана, и никому кромѣ его отчету въ дѣлахъ своихъ не давала и давать не была обязана; а въ случаѣ отсутствія гетмана изъ земли въ дальній походъ, или по обстоятельствамъ политическимъ на долгое время, то она управляла землею и всѣмъ совластію самого гетмана. Токмо въ дѣлахъ гражданскихъ тяжбныхъ, формою процесною производимыхъ, предоставляла она большею частію окончательное рѣшеніе генеральному судѣ; но и въ семъ случаѣ по уголовнымъ и политическимъ дѣламъ брала на ревизію; а по дѣламъ подкомораго касающимся—имѣла всю власть. Обыкновенные сей канцеляріи присутствующіе должны быть вся генеральная старшина (кромѣ судей); но болѣе зависѣло назначать

¹⁾ Дополнительные свѣдѣнія о войск. канцеляристахъ см. въ „Запискѣ“, составленной въ 1798 г. ген. судьею Ак. Сем. Сулимою. Кіевск. Стар. 1884 г., № 1, стр. 135.

²⁾ Подкоморій—судья (онъ же и предсѣдатель) подкоморскаго суда.

присутствующихъ отъ воли гетманской, и не иного, какъ изъ среды старшины генеральной. Чаще всего присутствовали обозный и асаулы генеральные; писарь же генеральный всегда членъ непремѣнный, каково бы ни было присутствіе.

Канцелярія скарбовая, что въ другихъ мѣстахъ финансъ-камера, или ныне—казенная палата. Она завѣдывала всѣми доходами и расходами земли въ монетѣ и натурѣ; управляла національными и ранговыми недвижимыми имѣніями, а фабрики и заводы всякого роду подлежали ея вѣдомству. По учрежденіи чина *генеральнаго подскарбія*, онъ былъ шефъ сего управленія; члены же въ оную и прочіе чины какъ то: *рентмейстеръ* и *цалмейстеръ* съ ихъ должностями опредѣляемы были по разсмотрѣнію гетмана в войсковой генеральной канцеляріи. Ей подчинены были отчетомъ и отвѣтомъ земскіе всѣ нижніе присутственные мѣста, арендаторы и арендари въ національныхъ имѣніяхъ, индукторы и откупщики пошлинъ. Ей предлежало денежное снабденіе войскъ въ жалованьи и продовольствіи, храмы отъ содержанія на казенномъ иждивеніи зависящіе, мосты и перевозки казенные, однимъ словомъ все то, что вѣдомству скарба или притязанія казны какимъ бы то образомъ ни было, принадлежать могло. Рѣдкое о сей канцеляріи должно здѣлать примѣчаніе, что она никогда не заимствовалась чуждымъ или долгомъ, но за всѣми войсковыми расходами, никогда не останавливаемыми, имѣла всегда въ наличности годъ отъ году нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыми пользовались правители или владычествующіе землею, начальствующіе особы внѣ націи.

Канцелярія военная и войсковая. Она была въ Малороссіи токмо временно, по указу Петра I отъ 17 ноября 1720 году, учрежденная по болѣзни и отлучки изъ Глухова гетмана Скоропадскаго. Въ ней предсѣдательствовалъ генеральный писарь. Она принимала жалобы отъ всѣхъ и на всѣ суда; апеллія шла къ гетману и на него самому государю. Кончилась по смерти Скоропадскаго и вступила опять въ дѣйствіе войсковая генеральная канцелярія ¹⁾.

Канцелярія министерская. Такъ называли въ Малороссіи временное правительство (*ad interim, provisoire*), которое императрица Анна, по смерти гетмана Скоропадскаго (л. б. Апостола), повелѣла указомъ отъ 31 января 1734 года учредить въ Малороссіи на мѣсто управ-

¹⁾ Объ учрежденіи этой особой канцеляріи указъ см. въ Источник. Малорос. ист., Б.-Камениск., II, 297.

ленія гетманскаго уряда. Канцелярія сія состояла изъ великороссіянина—управляющаго и двухъ великороссіянъ, изъ малороссіянина—главнокомандующаго и двухъ малороссіянъ. Но управляющій великороссіянинъ былъ всегда повелитель. Въ присутствіи, за столомъ великороссіянне сидѣли по правую, а малороссіянне—по лѣвую руку. Правительство не принимало апелляціи на генеральнаго судью, съ перенесеніемъ дѣлъ въ сенатъ тоже по апелляціи, а о дѣлахъ блага націи и выгодъ Россіи касающихся, относилось съ мнѣніемъ своимъ ко двору. Всѣ же щеты о доходахъ и расходахъ отсылаемы были въ столицу, въ существовавшій тогда въ сенатѣ *малороссійскій приказъ*, по роду дѣлъ иностранныхъ. Въ силѣ своей существовало сіе правительство до царствованія императрицы Елисаветы и ослабло указомъ 5 мая 1747 года, которымъ позволено было избрать гетмана по пунктамъ Хмельницкаго, а потомъ вовсе исчезло.

Канцелярія артиллерійская, просто называема была и общимъ именемъ—*артиллерія*; состояла не токмо по письменному предложенію, но и по словесному приказанію, подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ генеральнаго войсковаго обознаго, который лицомъ своимъ предъ гетманомъ и войскомъ отвѣчалъ за порядокъ и устройство въ артиллеріи и всѣхъ ея частяхъ. Тутъ—жизнь его и всѣхъ ему близкихъ, мнѣніе его и всѣхъ родственниковъ его—твердой было порукой¹⁾. Ему подчинены были всѣ *полковыя обозныя*, управлявшіе въ полкахъ сею частію. Въ отличіе именована сія канцелярія *войсковою генеральною артиллерією*. Въ вѣдомствѣ сей канцеляріи состояли всѣ разныхъ родовъ полковыя и сотенныя артиллеріи, литейныя и пороховыя заводы, поставка и выработываніе селитры, крѣпостныя валы и зданія, лѣса къ водоходству и работамъ артиллерійскимъ годныя, и имѣнія національныя, на часть сію предопредѣленныя²⁾. Въ новѣйшія времена принадлежали доходы города Коропа и села Спасскаго на артиллерію, а о протчихъ перемѣнахъ гласитъ исторія. Присутствовали въ сей канцеляріи несмѣнно: генеральный артиллерійскій асаулъ и генеральной артиллеріи писарь. Часто той же артиллеріи хорунжій, а иногда прикомандированы были и прочіе чиновники, особливо же, нерѣдко бунчужовые или войсковыя товарищи. Асаулъ генеральной артиллеріи равнялся рангомъ съ полковыми обознымъ, хорунжій—съ полковымъ судьей, а писарь съ сотеннымъ атаманомъ,

¹⁾ Фраза не имѣющая никакого историческаго основанія.

²⁾ См. Опис. Ст. Малороссія, II, 313.

буде сей послѣдній по избранію войска опредѣленъ гетманомъ, а не взять отъ генеральнаго обознаго для письменоводства.

Канцелярія полковая. Предметъ раздѣленія Малороссіи на полки относительно порядка воинскаго—былъ токмо отвлеченный, для изчисленія поставки и явки воинновъ и артиллерійскаго снадобья; въ протчемъ же сіе полковое раздѣленіе или дѣленіе на полки было гражданское, и потому полкъ составлялъ—или губернію или знатную провинцію. Полковая канцелярія, въ которой, подъ предсѣдательствомъ и вѣдѣніемъ (?) присутствовали всегда полковые: обозный, судья и писарь, а иногда, по прикомандированію, асаулъ и хорунжий; иногда нерѣдко бунчуковые товарищи, имѣла въ вѣдомствѣ своемъ всѣ дѣла военныя, казенныя и гражданскія съ уголовными, по обширности дистрикта, или департамента, полка составлявшаго. По дѣламъ военнымъ зависѣла она непосредственно отъ гетмана, а посредственно—отъ войсковой генеральной канцеляріи. По части артиллерійской требовала отчета отъ полковаго обознаго и сносила промеморіями съ войсковой генеральной артиллерійской канцеляріей. По дѣламъ казеннымъ или скарбовымъ, кромѣ гетмана и войсковой генеральной канцеляріи, подлежала перепискамъ съ скарбовой канцеляріей и генеральной щетной комиссіей; по дѣламъ тяжбынымъ формальнымъ подлежала апелляціи суда генеральнаго и гетмана; по уголовнымъ,—какъ сямъ обѣимъ, такъ и войсковой генеральной канцеляріи, а по дѣламъ полиціи—одной войсковой генеральной канцеляріи. По учрежденіи въ Малороссіи судовъ земскихъ повѣтовыхъ, не имѣла уже она дѣла до формальныхъ процессовъ, но остались во власти ея военныя, частію казенныя, всѣ полицейскія и городскія, и по симъ послѣднимъ за упраздненіемъ уже гетманства, подлежала она по апелляціи суду генеральному, прежде Малороссійской коллегіи. Весьма иогрѣшаютъ тѣ, которые обманываясь рѣшеніями въ смыслѣ буквенномъ, считаютъ сію канцелярію только *regiments canzelley, chancelleirie du regiment*; она точно была то, что мы нынѣ именуемъ губернское правленіе, но гораздо съ большею властію и обширнѣйшимъ вѣдомствомъ.

Канцелярія сотенная. Какъ Малороссія и Украина генерально разбита была на полки, то есть на губерніи или департаменты, такъ каждый полкъ разбитъ былъ, токмо въ однихъ процессахъ, на повѣты, а въ протчихъ всѣхъ дѣлахъ—на сотни; посему со устроенія сотенныхъ канцелярій, въ теченіи дѣлъ сообразны они были во всемъ полковымъ канцеляріямъ; тѣ, какъ въ вышней, а сіи какъ въ

низшей инстанціи, имѣли въ вѣдомствѣ своемъ всѣ дѣла военныя, казенныя, артиллерійскія, гражданскія, уголовныя и полицейскія; и во всѣхъ оныхъ жалобы и апелляціи шли на сотенныя приговоры, рѣшенія, опредѣленія и распоряженія—въ полковую канцелярію. Но по учрежденіи въ Малороссіи судовъ земскихъ, всѣ тяжбыныя формальныя дѣла отъ сотенной канцеляріи изъяты и перешли туда; дѣла, городскія отняты у сотенной канцеляріи и вѣдно первоначально вѣдать ихъ въ полковой канцеляріи, которая потому и названа городскимъ судомъ; дѣла полицейскія до устройства дорогъ, мостовъ и квартированія—поручены непосредственно полковой канцеляріи. По упраздненіи же гетманства и учрежденіи Малороссійской второй коллегіи—сотенныя канцеляріи не могли иначе переписываться, какъ посредствомъ полковой канцеляріи, вмѣсто того, что во времена гетманства онѣ имѣли сношеніе не токмо съ вышними мѣстами и особами, но и съ самимъ гетманомъ. Въ сотенной канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ сотника, неизмѣнно засѣдали сотенные: атаманъ и писарь; иногда, по надобности, прикомандированы были войсковые и значковые товарищи, асаулы и хорунжіе сотенные.

Канцелярія экономическая ясневельможнаго называлась такъ придворная гетманская канцелярія, соединявшая въ себѣ вѣдомства: дворцовое, волостное, егермейстерское, шталмейстерское и все прочее, касательно продовольствія и хозяйствованія собственно особы гетманской. Въ оной присутствовали чины отъ произволу гетманскаго; обыкновенно—бунчуковые, а при нихъ значковые товарищи. Она переписывалась съ войсковою генеральною и прочими вышними мѣстами—промемеріей, въ полковые—рѣдко, а въ сотенные—всегда посылала ордера ¹⁾. Для любопытныхъ вотъ образецъ промемерій сей канцеляріи въ генеральную: *его ясневельможности пивень (пѣтухъ) утекъ (сбѣжалъ) вчера съ двора, публиковать во всей Малороссіи и проч.—* Самый лучший пѣтухъ продаваемъ былъ тогда по копѣйкѣ и дешевле.

Кафтанъ. Въ Малороссіи есть одѣяніе нижее, которое носятъ мужчины подъ кунтушемъ или черкескою. Бывъ у себя или между пріятелями, не надѣваютъ ни кунтуша, ни черкески, а военные при частныхъ езерціицяхъ, тоже для легкости, бывають въ одномъ кафтанѣ. Покроемъ совершенно какъ у духовныхъ подрясникъ, или полукафтанье, длиною по произволу, и чтобы пола на полу заходила порядочно, застегивая вверху близъ воротника (гапликомъ), крючкомъ

¹⁾ Эти формы сношеній явились только въ концѣ XVIII в.